Двадцать первый выпуск журнала «Флеке»

ЕКК,

ноябрь 1981 г.

Вступление

Каждый недурак наверняка понял, знакомясь с флексистами Котовым и Сергеевым, что они крупные знатоки искусства, сами они являются великими деятелями во всех его областях.

Эти два монстра ко всему прочему и большие мученики. Они, как никто иной, страдают от соприкасания с внешним миром. Человеки давно бы должны были взять этих диплодоков флексизма на содержание. Этого не произошло по одной причине: общее умственное отставание человеков от Сергеева и Котова. Это злит людей, заставляет их топать ногами, они рисуют фигурки, подписывают их «Сергеев» и «Котов», а в глухую ночь прокалывают фигурки иголками.

КОТОВ — величайший баснописец, философ, поэт и прозаик всплыл над людской серостью в начале семидесятых годов последнего столетия. Обыденность пыталась задушить и уморить этого Гиганта Мысли, поворачивая для него события самыми неприятными образами. Но Котов героически выдержал и выдерживает такой натиск, в пику врагам создавая необычайный по силе флексороман. Это произведение — целое скопище гениальностей, литературного великолепия, бездонность духовности.

СЕРГЕЕВ — изумруд художеств, чудо-юморист и молчаливый супермозг и Аэроплан. Этого Цербера Духа никто, кроме жены, не любит. Всё из-за зависти. Из-за зависти к его красоте, силе, ловкости, уму, возможностям самовыражения, к его лихому смеху, гордости, вызывающему одиночеству, к его Великому Смыслу, к его прочему и прочему. Человеки или не имеют вышеперечисленного или имеют, но в таком ничтожно малом количестве, что им становится неловко и гнусно при сравнении своих крох с громадой достоинств Сергеева. Грубость, ехидство и тоска рождается в человеках. Но они все оптом и заочно прощены Сергеевым, он на них не в обиде.

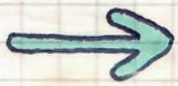
Вот так-то, дружок, в этом-то всё и дело. 21й сборник вновь собрал под единый стяг Флексизма его основные силы:

КОТОВА ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА

и

СЕРГЕЕВА АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА.

Эти два космических рупора начинают совместный сборник, основанный в апреле 1975 года. Союзническое творчество этих бизонов временно было прекращено после выпуска 11го номера. 9 журналов создавалось без общего участия **К** и **С**. Теперь вновь провозглашается единство Игры. Замятня прошла, рати соединились, и при виде её мир дрожит, забившись в щели.



Приветствуйте Великих из Величайших, а их имена: Котов и Сергеев! Гремите в литавры, стучите в барабаны, какафоньте во все иные музыкальные штуки!

Гипопотамы Флекса делают разбег, чтобы врезаться своей серой массой в вашу серую массу. Сопротивление бесполезно! Сдавайте без боя свои черепа-крепости, присоединяйте к Флексу свои умы-полки!

Лавина Флекса несётся с высочайших вершин сергеевокотовских умовосхождений!

А.Я. Сергеев 17.11.81

Горы

/Историческая повесть/

— Чертова кость! — хватаясь за горло, прохрипел троглодит. Он попытался пальцами достать застрявшую в глотке кость, но она скользила и не поддавалась.

— Подохну щас, ей-ей, подохну. — троглодит в изнеможении лёг на спину и тяжело дышал. Ему вспомнилось не раз виденное, когда в пасть к звероящеру или крокодилу залезали птицы и выклёвывали застрявшие шмотки. Троглодит тоже раскрыл рот и умоляюще следил за каждой пролетающей мимо пичугой.

— Вот падлы, не хотят помочь! — он с тоской посмотрел на свой волосатый, раздутый живот. Животу было хорошо, он был сыт, но кость — проклятая кость — всё портила. Она мешала дышать, глотать слюну, нудела тупой болью.

Троглодит встал и, сжимая шею, побрёл куда глаза глядят.

А.Я. Сергеев

5

Листки флексолога

Был такой случай перед ноябрьскими праздниками, когда два ведущих флексиста посетили представителей своего народа. Представительские головы были заняты мыслью о единстве, об объединении. Один даже крикнул, хватаясь за свои грудки: «Вот чувствую я, что надо объединяться. Не могу словами выразить, почему — надо, но где-то в душе моей кто-то твердит: надо, надо!» Он художник, рисует и не любит другого художника — Васильева.

Вообще представители часто задавались вопросами «зачем?» и «что делать?». Эдакие маленькие Чернышевские конца XX века. Они пытались вдаться в подробные изыскания в области духовности, искусства и физиологии, тонко и вычурно насмехались над слесарями и называли своих сородичей презрительно: «пиплус». Следует заметить, что представители забыли о своей близости к народу, что они и есть сам-суть народ. А народ един. Какого же ещё надо представителям единства? Вся их жизнь, все её стороны подчинены общим устремлениям и чаяниям народным, они его часть, вместе они составляют одно целое. Так сказать, что слесарю, что представителю нужен всё тот же кусок колбасы. Чего ещё? Ну и прочего, прочего, прочего.

Представители любят создавать литературные журналы и всевозможные студии. Этим они хотят найти выход своим духовным эмоциям, ищут единения. И не находят. Ведь при желании можно образовать и студию слесарей или маляров, но она ровным счётом ничего не изменит в слесаре или маляре. А чем отличается художник от слесаря? Ничем. Один рисует, другой крутит гайки. Рисовать — хорошо, и крутить гайки хорошо. И то и другое надо. Слесарь нужен художнику, и наоборот. У них единство.

Один из представителей решился осмеять новой своей умностью пиплус. Все стали смеяться. Я тоже смеялся, вспоминая компанию подвыпивших работяг, которые не менее ловко поддевали художников. Надо же! Они друг друга высмеивают, но живут вместе и одинаково,

Приветствуйте Великих из Величайших, а их имена: Котов и Сергеев! Гремите в литавры, стучите в барабаны, какафоньте во все иные музыкальные штуки!

Гипопотамы Флекса делают разбег, чтобы врезаться своей серой массой в вашу серую массу. Сопротивление бесполезно! Сдавайте без боя свои черепа-крепости, присоединяйте к Флексу свои умы-полки!

Лавина Флекса несётся с высочайших вершин сергеевокотовских умовосхождений!

А.Я. Сергеев 17.11.81

Горы

/Историческая повесть/

— Чертова кость! — хватаясь за горло, прохрипел троглодит. Он попытался пальцами достать застрявшую в глотке кость, но она скользила и не поддавалась.

— Подохну щас, ей-ей, подохну. — троглодит в изнеможении лёг на спину и тяжело дышал. Ему вспомнилось не раз виденное, когда в пасть к звероящеру или крокодилу залезали птицы и выклёвывали застрявшие шмотки. Троглодит тоже раскрыл рот и умоляюще следил за каждой пролетающей мимо пичугой.

— Вот падлы, не хотят помочь! — он с тоской посмотрел на свой волосатый, раздутый живот. Животу было хорошо, он был сыт, но кость — проклятая кость — всё портила. Она мешала дышать, глотать слюну, нудела тупой болью.

Троглодит встал и, сжимая шею, побрёл куда глаза глядят.

А.Я. Сергеев

Листки флексолога

Не ищи смысл там, где его нет.

/Из нанайской песни/

Листки флексолога

желают, в сущности, одного и того же, только на разных уровнях фантазируемого. Чей уровень лучше — теперь не берусь судить. По-моему их разность относительна, для флексиста не существенна. Эти уровни лучше сравнить с воздушными потоками: минуту назад один поток был выше другого, теперь они перемешались, а вот и поменялись местами. Всё одно и то же, люди разные. У одного лучше получается двор мести, у другого стихи сочинять.

Тысячи лет люди задавались теми же вопросами, какими теперь задаются представители и прочая интеллигенция. И ничего в мире не изменилось, да и не могло измениться. Жили художник, математик, писатель, золотарь, трудились каждый на свой лад, думали из своих голов, да и все померли. Вот так-то.

Искусство не может стать объединяющей силой, т.к. оно — такое же слесарство, аптекарство, это часть народного умения выражать себя посредством труда. Объединённые трудом становятся лошадьми, а мне это претит.

Духовный поиск обязательно упирается или в неразрешаемость или в дно стакана. Если нет этих упоров, то значит занимающийся духовным поиском — кретин.

Объединиться люди могут лишь на основе игры, отбросив в сторону свои личные интересы и взгляды. В карты играют люди самых разнообразных профессий и умственных наклонностей. Бывает, слесарь, как липку, обдирает художника, и последнему не помогает ни бóльший словарный запас, ни утончённость во вкусе вина, ни понимание глубины цветовой гаммы. А что их вообще единит? Общие интересы? Нет — игра. Слышу возражение: сейчас у них общий интерес — нажива, деньги.

Ага! Видите! Деньги — это желаемое каждого играющего в карты. Их можно достичь лишь путём игры. Все умозаключения отброшены в сторону, мозг игрока занимают комбинации карточных достоинств, игрок подчинён игре, растворяется в ней и идёт к желаемому.

Пример примитивен. Но не дурак конечно меня понял.

Листки флексолога

Нужна такая игра, в которой каждый из играющих будет идти к своему заветному желанию. У каждого оно может оказаться разным, но идти будут все вместе. Флекс — это игра, Великая игра. В ней есть правило: никаких правил. Гармоническая кривизна — вот её основа. Флексистом может стать не только тот, кто рисует флексы, но просто человек, принявший игру, ставший актёром театра жизни с полным пониманием этого; человек, видящий в игре своё желаемое, слившийся с нею, ставший её дыханием и проявлением. В мире всё сложно и всё просто, в зависимости от обстоятельств. Но в Нашем мире всё просто, серо и скушно. Лишь игра поспособствует нашему полному и всестороннему развитию и выведет нас в тот мир, который мы утеряли или не приобрели.

Единственный вопрос для решения перед партнёрами в игре — какая будет игра? Её надо определить и начать партию.

Эта статья — мой первый ход. Второй ход за Котовым в приложении к 19-му сборнику (стр. 35-37). Бесчисленность последующих ходов — за нами, друзья.

13-16/XI-81. А. Сергиев

Помни — ты ещё в
своём разуме!

Здесь тоже одни клеточки,
Кружочков нет.

8

Ещё раз о некотором.

Почему художник не хочет стать флексистом, игроком? Почему этого не хочет писатель, композитор, дворник? У них свои цели, которые они ставят перед собой и которым поклоняются. Дворник поклоняется метле, художественная натура тому произведению своего творчества, которое кажется этой натуре верхом всего на свете. А что же это за «верх»? Какая-нибудь картинка или писанина, заключающие в себе узкую полоску человеческого понимания какой-нибудь отдельной части внешнего мира. Сложнее у композиторов. Их творчество связано с игрой на балалайках. Бывает, они создают потрясные вещи. И можно эти вещи принять за «верх», можно посчитать, что это предел, к которому стремишься. Да, музыка — это чародейство, высшее проявление какого-то сверхтаинства. Но это всё-таки не «верх». Можно слушать музыку день, два, три без перерыва. Ну, четыре дня. А потом, после пятого-шестого, слушатель засыпает, когда пробуждается, то с жадностью ищет еду и питьё, хочет тепла и противоположности своему полу.

Значит тот «верх», который ставят перед собой люди, ещё не «верх». Если этот мнимый «верх» подчинить какой-то Игре, включить в неё как компанент, как необходимую часть, то можно продвинуться ещё выше. Туда, где за потолком нашего обычного понимания и восприятия мирских ценностей и потребностей стоит непронутый разумом смысл. К этому можно идти, только ясно представив себе, что твоя лучшая метла, картина, пьеса, музыка — ещё не предел, что за ними есть бóльшее, а они лишь ступень к бóльшему на лестнице человеческого развития. А подниматься по этой лестнице можно только в игре, т.е. достигаемое и желаемое видеть как нечто прилагаемое к существованию, а само существование подчинить безумству игры и поиска.

Как и во что надо играть? Предлагаю Флекс. Он имеет большой опыт в безумствах, выдержку временем. В этой игре человек раскрепощается и получает сначала на страницах сборников, затем и в жизни утерянную свободу, которая рождает в человеке новые, неведомые доселе ему возможности и силы. Начинается цепная реакция, рождается маленькое личное давление на мир, в совокупности с остальными давлениями игроков образующее жуткий по силе флекспресс. Флекс движение постоянно изменяется, совершенствуется и умирает. Это закон миросуществования: вечная жизнь и вечная смерть. Флекс, как зеркало, отражает этот закон в себе, но, как особое зеркало, излучает в мир свои достижения.

Решившийся на игру человек ничего не теряет, наоборот: при хорошей игре может приобрести. Такой чувак сможет кинуть в топку Флекса свои мысли, умознания и своё творчество, тем самым увеличив жар Флекса, который

9

сотрёт и его и других игроков. Каждый из играющих должен как можно больше бросить в эту топку, вылить всего себя в неё, и Флекс разгорится, даруя всем тепло и радость. Вот это и есть единство Игры. Кому-нибудь и будет холодно, но это от неразвитости, от заледенения души. Это пройдёт, дух оттает в близи с Флексом.

Чтобы быть во Флексе, а не рядом с ним, нужно создать Орден. Сейчас народ вялый и мягкотелый, привык к безделию, лености, телесному и духовному разврату. Такие качества можно выбить из человека лишь чётким и жёстким требованием. Орден на первых порах некоторыми ограничениями и требованиями сможет объединить будущих партнёров, ввести их в игру. Когда игрок освободится от связки «Мир — Я», когда эта связка станет «Я — Мир», тогда отпадёт и надобность в Ордене, игра завлечёт партнёров.

Орден — объединяющее начало, Игра — единство.

18.11.81

Евгений Винокуров

РЕМЕСЛО

/стихотворение/

Шедевры современной поэзии

Если я сам с собою
не буду в ладу,
если вдруг небывалой тоской
затоскую,
я по лестнице долгой
упрямо взойду,
бесподобный ваятель,
в твою мастерскую.
Я ли верил
в возвышенный смысл небылиц
о беспечном безделье
до этой минуты?..
Как же славно,
ваятель,
ваять
кобылиц,
у которых могучие ноздри раздуты!
Как крупны эти вздутые торсы в поту!..
Ты в веселье
не знаешь
границ произвола!..
Как курчава
уставившаяся в высоту
чуть склоненная вбок
голова дисковола!..

/Напечатано в газете «Правда» от 16/XI-81 • №320(23116)/

10

Баллада о гуталине.

06.05.81

Рыбалка

/Рассказ/

Поплавок резко ушёл под воду.

— Клюёт, клюёт, мать честная! — закричал Степан и подсёк лесу. Удилище изогнулось дугой, леса заскрипела, Степан напрягся всем телом и стал тянуть.

— У-у, ух ты! — Степан крепко держал уду и наклонялся назад — — У-у! Ух ты!

Ноги скользили по траве, пот градом катился по лицу, застилая глаза, попадая в рот солонил язык. Тяжесть улова, его сопротивление изматывали рыбака. Наконец Степан подтащил к берегу пока скрываемого водой негодяя, обмотал прочно лесу вокруг руки и медленно стал вытягивать.

Вода заволновалась, показалось что-то тёмное и мокрое, облепленное водорослями.

— Что это? — прохрипел Степан и приложил большее усилие. И вот он вытащил сундук. Сундук был из чёрного дерева и обит медью. Его Степан положил на землю, а сам присел рядом отдохнуть, достал из сумки бутылку водки, хлеб с ветчиной.

— Ну и рыбку я вытягал! — удивлялся Степан, поглощая водку, хлеб и ветчину. — И что в этом сундуке? Может там клад, золото?

Он распалялся в догадках. Допив водку, доев хлеб и ветчину, он подошёл к сундуку, содрал с него водоросли.

— Надо открыть. — решил рыбак и большим охотничьим тесаком стал поддевать крышку. Дерево оказалось подгнившим и ломалось, замок вылетел. Степан откинул крышку и заглянул вовнутрь.

Что с ним произошло, Степан сразу и не сообразил. В глазах взорвались яркие молнии, потом он очутился за пять метров от сундука, растянувшийся на мураве.

— Вот хреновина! — Степан, мотая башкой, поднялся на ноги. Лоб распух и свисал над глазами светящейся шишкой.

— Кто это так меня разуделал? — Рыбак с опаской покосился на сундук. Он взял дубину и осторожно стал приближаться к своему улову. Когда до него осталось пол-метра, Степан остановился.

— Вот гад! — рявкнул ушибленной, обида разъяряла. — Вот я тебя сейчас!

Степан, как ломом при ледорубке, концом дубины ударил в развёрстый чрев сундука. Кто-то схватил дубину и дёрнул на себя. Рыбак не удержался на ногах и упал на сундук. Долю секунды он видел огромный приближающийся к его лицу кулак, потом вновь огненная вспышка и тяжкое падение на мураву.

Когда Степан пришёл в себя, солнце клонилось к западу. Лицо рыбака было опухшим, в голове ломило и посвистывало. Сундук стоял на том же месте.

— Ну его на хрен! — пробурчал Степан. Стараясь не приближаться к опасному улову, собрал на берегу свои вещи и снасти, умылся, вздохнул, последний раз покосился на сундук, плюнул и ушёл.

19.XI.81 [illegible]

12

И вот...

/ Статья /

И вот Флекс получил очко. 21-ый номер начал дышать. Сегодня-завтра он попадёт в лапы великого Доктора и ляжет на стол в его операционной.

Прежние сборники начинались бурным вклеиванием флекспабот, где-то к середине — этих работ почти не было, и только к концу они вновь появлялись. Как вы можете заметить, этот номер начинается с литературы. Флекспаботы теперь будут поступать по мере всё бо́льшего углубления людей в жизнь Флекса. Надеемся на стремительность этого углубления.

Зима в этом году началась в ноябре. Это явный признак, что Флекс сможет обрести изначальное своё лицо. Каким оно было? Не помню, запомнилось лишь одно: хорошее это было лицо.

И так — Флексигра. С участием двух вундеркиндов этой игры, нескольких любителей и прочих зрящих. Секрет нашей игры заключается не только в выпуске журналов, но и их просмотре широкой публикой. Происходит как бы некоторое подобие игры в шахматы: Отец Флекса (один партнёр, Котов) на доске (журнал «Флекс») делает некоторый ход (литературное произведение, флекспабота) Матери Флекса (другой партнёр, Сергеев), тот отвечает ответным ходом. Но, как ни странно, ходы в этой игре существуют отдельно от фигур (читатели и любители Флекса), они самостоятельны. То есть, когда совершается ход, то фигуры могут оставаться на месте. И вот наступает их час. Фигуры начинают действовать. А так как они лишены возможности делать ходы, ведь ходы зависят лишь от Отца и Матери и существуют самостоятельно от фигур, то фигурам остаётся лишь одно: имитировать ходы, совершать ненастоящие, искусственные ходообразия. Что это такое?

Это причастие любителей Флекса к игре и знакомство с ним обширной публики. Любитель Флекса, играя и творя Флексы, находится под влиянием ходов Отца и Матери, их ходы делают любителя заметной или незаметной, весомой или лёгкой фигурой. Правда, ещё ни одна из фигур-любителей не дошла до поля превращений, где могла бы стать чем-то подобным Отцу или Матери. Это от того, что ни один любитель не занимался Флексом так усердно и хорошо, как Сергеев, и не читал внимательно работ Котова.

Обыкновенные читатели кое-где врезались на страницы сборников своими почерками, надеясь, что это существенное вмешательство в жизнь Флекса. Но это были лишь порывы, минутная страсть. Конечно, такие вторженицы, назвать ходами невозможно. Это грёзы фигур, их сон.

21.11.81 Ал Сергеев

„Сера"

/ Набросок с натуры /

Над городом горел багряный закат. Вернее — над окраиной города. Никифор пришёл домой и ему сразу же захотелось поругаться с женой.

— Что, не рада мне?! — он скинул сапоги и выжидательно уставился на супругу. У той было тоже плохое настроение и она приглушённо сказала:

— А чего тебе, выжиге, радоваться?

— Вот как! — Никифор вздрогнул всем телом. — Это родного мужа выжигой обзывать!?

— Ишь, родственничек отыскался! Зяблик лопоухий! — взвизгнула жена и вызывающе подбоченилась.

— У-у, стерва! — Никифор шарил рукой на полу в надежде отыскать сапог, чтобы пульнуть им в суженую.

— У-у, стерва! — задохнулся он злобой.

— Стерва на вербе! — завопила жинка. — Проклятик гунявый! Никифор не выдержал и вскочил на босы ноги.

— Убью! — закричал он. — Убью!

— Накося, выкуси! — жена спряталась на кухне и вооружилась ножом. — Сама убью, и пусть тогда судят!

С этими словами она бросилась на мужа, точно ястребица на селезня.

— Режь, гнида! Режь! — ревел Никифор, раздирая на своей груди цветастую рубаху. — Режь моё тело белое!

Жена не решилась, но остановилась перед мужем вся из себя воинственная, с распущенными власами, красная.

— Что стоишь? Что стоишь! — сипел Никифор. — Слабó, гадина?!

Он метнулся горным барсом за дверь на лестничную площадку и заорал на весь подъезд:

— Помогите, убивают!

Из соседней квартиры вышел мужик.

— Да будет вам. — тихо, но уверенно произнёс он. Никифор смутился, ушёл к себе. Жена тоже была утихомирена этими словами соседа.

Они сели на диван и задумались. Через пять минут сначала тихо, потом всё громче и наконец, встав и обнявшись, во весь голос они пели:

— Чому я не сокол, чому не літаю!..

Ал. Сергиз

Продолжение

/ Продолжение статьи на стр. 12 /

Если вернуться к статье на 12 странице и продолжить параллель между Флексом и Шахматами (это понятнее читателям), то хотелось бы остановиться на вопросе, касающегося превращений.

В шахматах каждая пешка имеет возможность, достигнув крайнего противоположного поля, стать самой могущественной фигурой.

Во Флексе возможность превращений тоже существует. Это в первую очередь касается любителей-игроков, тех, кто участвует в созданиях сборников, является постоянным корреспондентом или творцом флексов. Сложность заключается лишь в желании и стремлении флексиста отдаться игре, стать её частью. Чем больше такого желания, а значит и понимания игры, тем флексист ближе подвигается к грани превращения из обычного флексиста в настоящего и достойного партнёра Отцу и Матери. Кем он станет Флексу — — вопрос не главный. Главное, чтобы Флексист из простого, увлечённого игрой человека превратился в истинного созидателя и творца, могущего делать ходы, те ходы, которые сейчас позволительны и возможны только для двоих — Котова и Сергеева.

На данном этапе развития флексизма близкими к превращению оказались многие: это Сигэру Ома, это Братец Олежка, Оппозиционер, Атака Гризли, Ян Елень, Прекрасная Дама. Того серьёзного отношения к Игре во Флекс, которое существует у Котова и Сергеева, у них не оказалось, или оно было рассеянным, не целеустремлённым. Им не хватило силы воли (или ещё чего-то), чтобы нырнуть с головой во Флекс, в Игру, попытаться из фигуры стать мощным создателем и носителем Флекса. Ведь как просто, казалось бы, кому-нибудь из них остаться хоть разок на своей кухне в одиночестве, просидеть так всю ночь, попивая чай и покуривая сигаретку. А главное предаться в это время размышлениям, трезво посмотреть на окружающий мир и на себя. И ведь после этого обязательно придёт открытие: мир сер и скушен, жизнь сера и скушна, однообразие и чередование одного и того же в обыденности сковывают наше сознание, волю, свободу. Мы тихо-медленно умираем и ничего не можем. Так чего же теряет человек, погружаясь в Игру? Ничего. Он может лишь приобрести, проткнуть холст обыденности и очутиться у двери, ведущей к мечте, к сказке. Конечно, решиться на это — значит побороть себя, но ведь человек так слаб, чтобы это «побороть» было очень уж сложным.

21.XI.81. А. Сергей

Творчество

/Трагедия/

Писатель сидел, как обычно, на полу, разложив перед собой бумаги и ручки. С литературой сегодня не клеилось.

– Э-э-э-э-эх! – выдохнул писатель и взметнулся на ноги. – Сейчас бы бутылку «Кипра» да пачку хороших сигарет! Да вынуть бы из себя всю заразу, положить её в мусорное ведро и ...

Он стукнул себя по лбу кулаком, сжался весь, ноги подкосились, и он упал, всхлипывая и вздрагивая телом.

– Какой я несчастный, какой невезучий, – причитал писатель, корчась на полу. Зазвонил телефон, недождавшись, затих. Снова зазвонил.

– Алле, – глотая слёзы, говорил писатель в трубку. – Алё, кого надо?

– Это Бальзак? – спросил резкий голос.

– Дурак ты. – писатель повесил трубку. И вдруг внезапная ярость охватила его, он схватил трубку, чтобы вылить кучу оскорблений, но гудки в мембране охладили его.

– Идиот, – прошептал писатель и вновь опустил на рычажки трубку. Раздался звонок.

– Да, слушаю.

– Это Бальзак? – спросил всё тот же резкий голос. Писатель превозмог себя и сдержался.

– Да, это Бальзак. – низким голосом ответил он.

– А я – Рафаэль! – раздались частые гудки.

– Кретин. – писатель отшвырнул телефон.

– Кретин! – завопил он и выбросился в окно с восьмого этажа.

В это время художник, живущий в том же городе что и писатель, с ненавистью пнул ногой мольберт с неудавшейся работой, вынул из брюк ремень и, сделав петлю, повесился в туалете.

Ал Сергиз

Работа А. Гризли от 21.XI.81
В ней можно прочувствовать стремление автора к странным скачкам.

Предстоит
игра в
шахматы.
21-22.XI.81

24 XI 81 01

Ночное бдение. 21-22.XI.81

17

После игры.

/Описание/

Игра, состоявшаяся в ночь с 21 на 22 ноября 1981 года, была начата по телефону и завершена тоже по телефону. Играли двое: В.В Котов и А.Я. Сергеев.

Сначала разыграли на честность цвет фигур. Сергеев зажал в кулаках две пешки — белую в одном, чёрную — в другом. Котов назвал правый кулак, в котором была чёрная.

— Чёрная. — сказал Сергеев.

— А ты уверен? — спросил Котов. — По-моему зелёная.

— Нет, чёрная.

— Нет, зелёная.

— И правда — зелёная. — замешкался Сергеев.

Начали сразу тремя: Белыми, зелёными и (неиграющими) чёрными.

— Е2, Е4. — объявил Сергеев.

— У зелёных такого нет.

— Да?

— Да.

— Погоди, сейчас перехожу. — Сергеев на минуту задумался. — — Я пошёл.

— Как?

— Вот так.

— Хорошо. Подожди, я тоже пойду. — Котов на минуту задумался.

— Пошёл?

— Пошёл.

Постепенно игра приняла форму раздумий, затем её правила изменились и стали похожи на морской бой.

— А2.

— Мимо. Б7.

— Убил.

— Д4.

— Мимо. Ж6.

— Как?

— Шесть-шесть.

— Отдуплился?

— Да.

— Беру из базара.

— Сколько угодно. Все шестёрки у меня.

Переход на домино был незаметен, как приход вора в пустой дом.

— Джордано Бруно сожгли не случайно.

— Это верно, как то, что моя голова ещё при мне.

— А ты при ком?

— При себе.

— Не врёшь?

— Нет.

Два ферзя молча нотились рядом с игроками, отдав половину своей силы игре.

— До завтра?

— До завтра.

22.XI.81 А.Сергеев

Я – ЭТО НЕ ТЫ.

КАК

С главным девизом Сергеевского вступления: Играть! – я согласен. Но как и что такое это – играть? Здесь наше мнение далеко не едино.

О корне наших разногласий я писал в прежних сборниках, много их было выявлено и в переписке начала 1980 года, когда мы искали общее, способное вырасти в Орден (идея которого не нова), а в одном из сборников даже был цикл флексов, в которых я языком фигур пытался перемедитировать сергеевскую позицию и связанное с ней коренное разногласие наше в понимании Игры.

Вкратце оно таково:

Сергеев хочет видеть мир простым и в качестве такого „упростителя" своего мира выбирает то, что называет игрой. „Мир прост" – говорит он. Игра – простейшая панацея от „болезней сложности" этого простого мира.

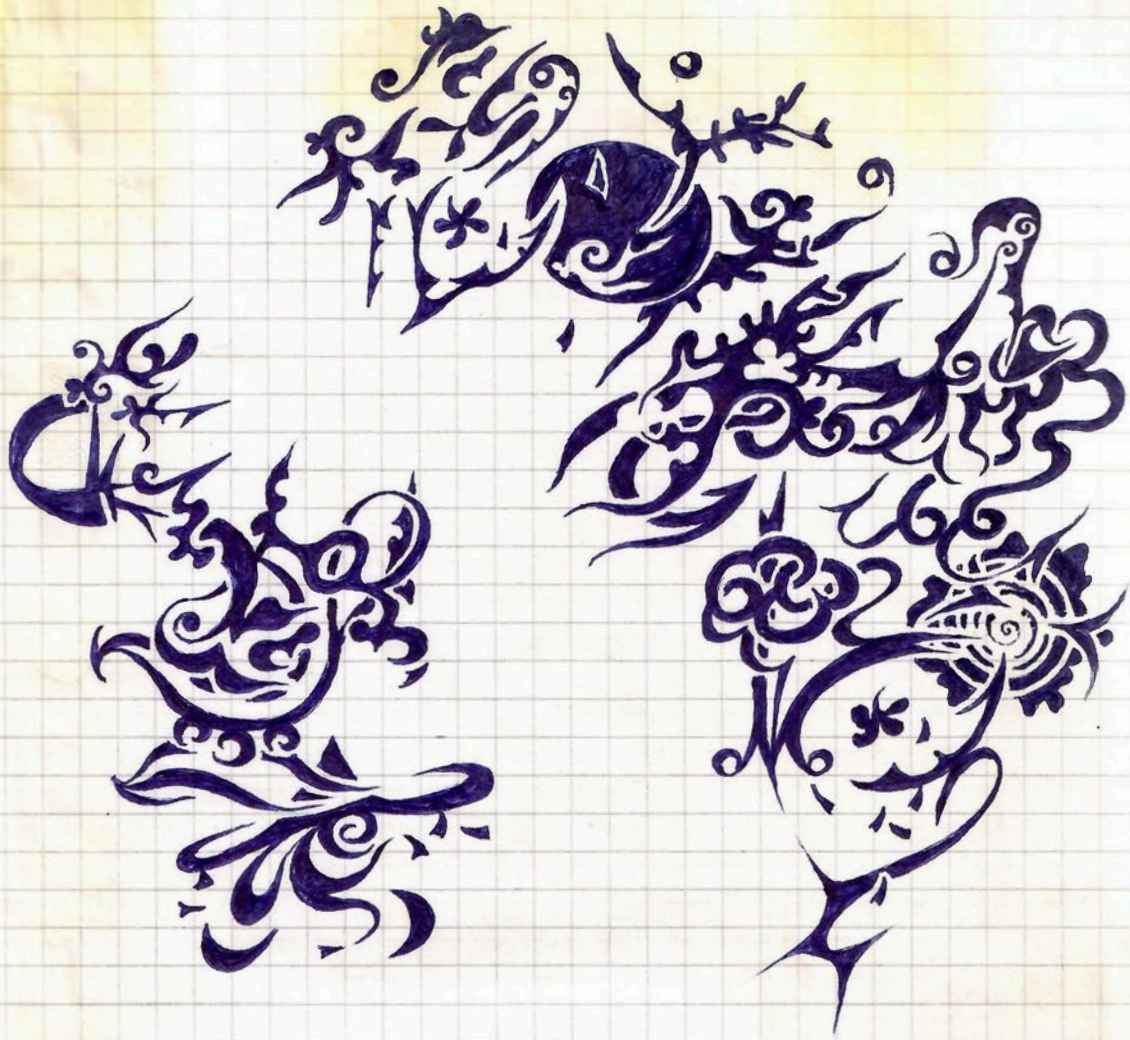
Так же просто (ибо мы с Сергеевым оба люди простые; я воспитание своё во дворе получил, за вокзалом у Комс. площади; там у нас такие фигуры мышления были в ходу: „будь другом – насри кругом", на что требовалось отвечать: „будь братом – насри квадратом", – это прошу учесть), так вот так же просто я говорю обратное:

МИР НЕ ПРОСТ.

И играть – это не просто и тем более это не средство упростить, – скорее, наоборот. Это как жить – то есть неизвестно как.

У Игры много уровней; на высшем она – сама Жизнь как непостижимая, нами владеющая тайна. На низших – и нечто похожее на описанное Сергеевым, но уже и на них – нечто большее. Она многолика и свести все значения этого слова, – Игра, – к единому знаменателю можно лишь на её высшем уровне, – то есть, во-первых, на уровне „неизвестно как"-тайны; во-вторых, нельзя; в-третьих, не мы сведём к этому занельзя-знаменателю, даже если сам Знаменатель сведёт нас.

д-р. Котов. 24.XI.



Бр. О. – Котов; Диафлексия.
24. XI. 81.

Некогда Сергеев был моим другом. Это были те самые времена, когда Истина была мне дороже.

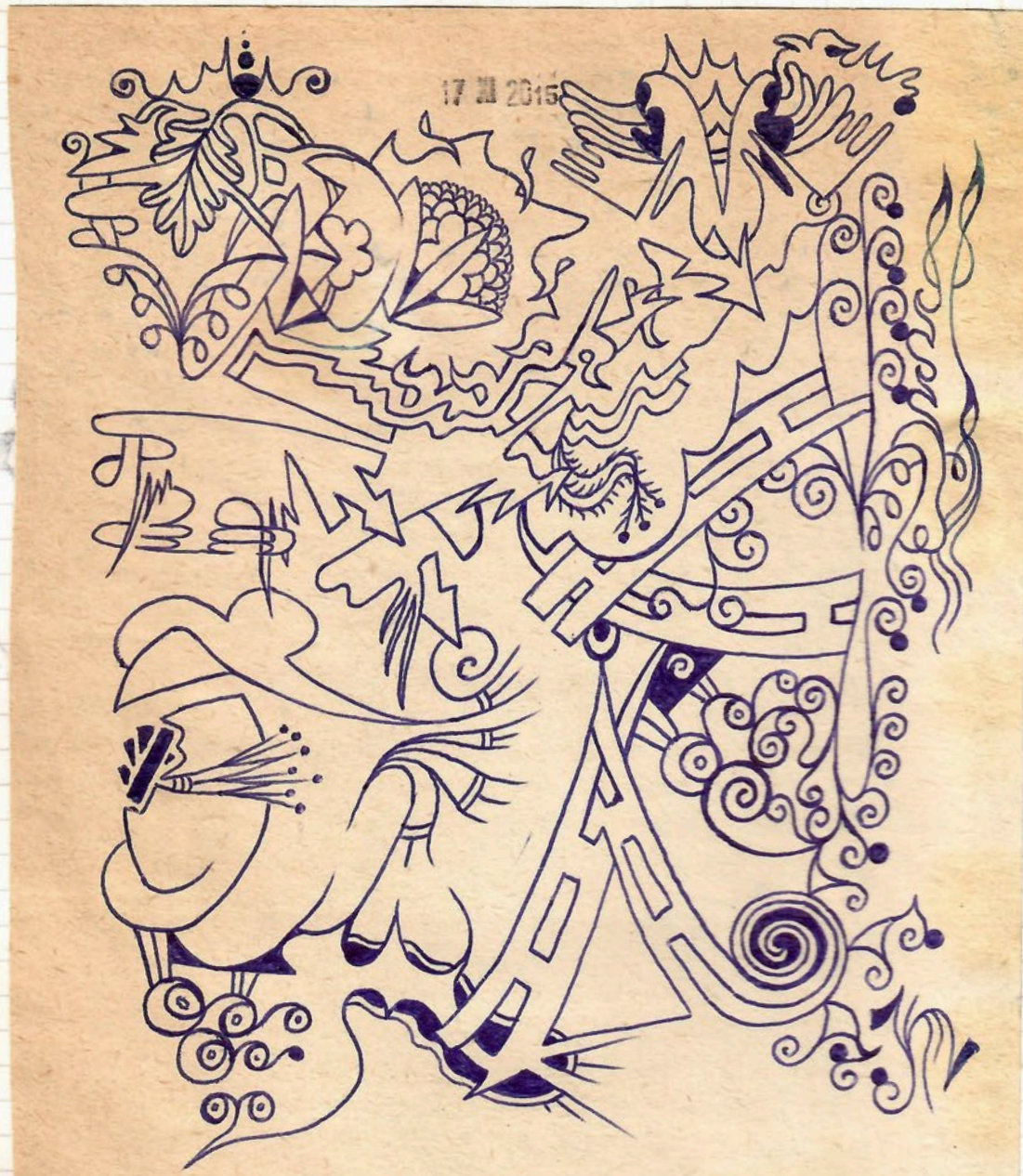
И хотя положение Перестало быть столь простым, я всё же хочу извиниться перед прототипами сергеевских героев за существенное для них, но несущественное для авторского замысла некоторое искажение истинного их облика и связанных с ним событий.

Я сам часто поступаю так (помнишь, Петя?), и мне очень понятно, что писатель с чистейшей совестью способен, например, приписать мои слова Врублю, добавить что-то от себя или вообще всё переврать в целях правды художественной. Так Сергеев поступает и в „Листках флексолога", и в последующих фельетонах об игре, фигурах и ходах. В его словах много и даже очень много ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДЫ.

25. XI.

20

17 III 2015



17. XI. 81.
204. 15м

ЛАНТА

Нужен ли слесарь художнику?

Одному художнику нужен слесарь, другому – психиатр, третьему – надгробный монумент, четвёртому – собутыльник, пятому – „РУКА" в Союзе художников, шестому – нога под зад да на запад, седьмому рано вставать, восьмому поздно ложиться, а всё это вместе называется ГО-СУД-АР-СТВО, то есть на самом деле никто никому не нужен. Сергеев (вслед за Врубелем) затронул на страницах флекспрессы проблему художника и народа, затронул очень по-художнически, прямо скажем – глупо. Нет этой проблемы, этого вопроса, – по крайней мере в том виде, в каком их ставят то гости сборников, то ветераны флекса, – ставят яро, обвиняя друг друга в несуществующих ошибках, норовя свалить с больной головы на здоровую – да заваливаются сами.

Поэт из народа, народнейший из поэтов наших писал:

И этот мне противен,
и мне противен тот,
и я противен многим,
однако всяк живёт.

Никто не убивает
другого напрямик,
а только лишь ругает
за то, что тот возник.

Ужасно государство!
И всё же лишь оно
мне от тебя поможет,–
– да-да! – оно – нужно!

Это относительно сергеевского „у них единство" на стр. 5, да и относительно всего прочего – всего, что относительно.

Мыслить современный мир идиллически-средневековыми категориями, видеть вместо государства какую-то сказочную гармонию слесарей с гончарами, феодалов с шутами – всё та же тенденция

поставить между чудовищно, нечеловечески сложным реальным миром нарисованные небеса сказочного кинофильма про мир простой, мир гармоничный, где я – герой игры отличной.

Но отчаявшиеся пустотой подлинных небес космического века тщетно хотят увидеть утраченное в нарисованных небесах. Многие что-то видят, я знаю. Но предпочитаю пустоту и отчаяние подлинного всякому рисунку, стилизованному под средневековое христианство.

Вернуть утраченное можно там лишь, где оно утрачено. А то, как в анекдоте про пьяницу, ищущего где светлее, – где ПРОЩЕ, – только ещё абсурдней из-за коллективности поиска.

Утраченное в подлинном, в не простом, в совершенно не таком, каким хотелось бы видеть его, мире, только в нём и возможно найти вновь.

А в этом мире проблема „художника" и „народа" в числе прочих подобно звучащих – лишь пустой мотив давно минувших песен, труп сказки, пародия на поиски и мысли персонажей из школьных учебников истории.

д-р Кобб
25.XI.81.

Хромой маркиз.
22.XI.81

ПОКЛОНЕНИЕ МЕТЛЕ.

Увы, я нигде его не встречал. Дворников я тоже не вижу. Видел однажды я звездочёта с метлой, — вяло он заметал осени пробежавшей следы, чтобы никто её не нашёл, не поймал, не обидел наверное, — наверняка знаю одно: он думал о том, что Плеяды уже поднялись. И скоро Большого Пса поднимутся звёзды. А метла его не любила и дум его не разделяла, сама поклонялась чему-то, чего я увидеть не смог.

И видел я дворника, — вспомнил вдруг, — сидел он в обсерватории, смотрел в телескоп, к луне, словно клоп, присосавшись. Но думал он о подворотнях, — вот бы либ они чисты! Вот бы либ дворы пусты!.. как кратеры этой луны.

Я видел глухонемых мафиозо. В консерватории они слушали Берлиоза. Руки держали в карманах, сосали конфеты. Дремали. Снились им сны — о картах, ножах, шантажах, пистолетах. Звуки музыки им не мешали.

Я видел поэта, — да, величайшего из поэтов. Он лежал у водосточной трубы, из которой его поливала весна. Лежал на боку и видел, как двигались ноги. Разные ноги людей, сменяясь, двигались мимо. Он наблюдал. У него ничего, кроме этого, не было, — только вода, металлический привкус которой не утолял рассечённую где-то губу. Он никогда не помнил, как оказался так. И от рожденья забыл, что поэт, и никто ему не напомнил.

Сам я прожил на свете 27 лет. Я аптекарем был, фасовал вазелин. И в подвале настойку пустырника пил. Я — — властелин астральных сил. Я — знающий, что на Земле любовь мертва и к небу, и к метле. Раздвоен человек. Отныне от каждого по половине положено давать МАШИНЕ, чтобы могла она расти и приносить нам радости, которым я не друг. Я — это ты.

Ф.

Кто-то происходит,
знаем и незнаем.
Говорим о ком-то, не зная
с ним. Что-то происходит,-
знаем, как умеем
быть при деле - при
не нашем, бить по цели -
по своим. У кого-то
наши мысли
на прицеле,
только выйдет цел и
невредим
сквозь нас происходящий,
мстящий им в них за-
дремавшим древним зверем.
Знаем и не знаем -
выбираем.

Котов

Вот и Котов совершил ход в этом сборнике. Отличный ход, сильный и ловкий. Вкусно мне стало. Сытым себя сразу я почувствовал. Сытым узбеком.

Котовский ход, хотя немного и отдаёт пасквильщиной, но очень актуален. Сразу виден купец. А купцы, как известно, защищают любое государство. Стишок Лимонова на 21 странице всегда нравился Котову. Но к чему он сейчас? Котову кажется, что это произведение несчастного эмигранта уместно. Мне не кажется. И при чём тут го-суд-ар-ство? Слесарь и художник с какой стати? Все слесаря, художники и прочие, сваленные в одну кучу с торчащей из неё дощечкой с надписью «ГО-СУД-АР-СТВО» — это одно. Это меня мало интересует, это я под впечатлением посещения представителей народа был, врубиться хотел в их быт. Это — одно. Я — другое.

Я — само собой подразумевающееся, я оболочка го-суд-ар-ства, а оно — мой желчный пузырь. Пузырь он и пузырь, ковыряться в нём, значит испачкаться желчью. Вот что происходит в оболочке, т.е. во мне — это истинный интерес, историческое явление.

Очень странно, что Котов так много уделил внимания моему желчному пузырю. Хочется заверить дорогого

26.

Баснописца, что и другие мои органы и члены не менее прекрасны. Об игре, как и ожидалось, Котов смог лишь протуманиться, не сказав ничего конкретного. Хотя Флекс так неясен и зыбок на глаз, что может быть Котов и прав. Прав, много раз прав, и лев.

«У Игры много уровней;» – пишет Котов своему сыну Пете, – «на высшем она – сама Жизнь как непостижимая, нами владеющая тайна.»

«Отныне от каждого по половине положено давать машине.» – пишет в другом письме Котов тёте Маше.

В письме к сыну Котов говорит о Жизни, как о тайне. И вот в письме к бабе Маше вдруг тайна становится раскрытой. Оказывается по половине машине – это высший уровень Игры. Вот тебе и Котов! Не ожидал. Да, меняется мода, меняются нравы.

«Вернуть утраченное можно там лишь, где оно утрачено.» – читаем в стихотворении на стр. 22. А как же быть рождённому рабом? Ведь он утратил свободу ещё до рождения. Нет, Котов, надо рисовать стилизованные небеса и создавать сказки. Только в этом случае пустота подлинных небес и серость жизни начнут раскрываться перед отчаявшимися, принимать другой цвет. Да и как можно разделять и отделять мир от сказки, как можно мир называть подлинным и неподлинным? (стр 22, 21 Поэма Котова «Нужен ли слесарь художнику?») На такое может пойти лишь чудак видящий жизнь сложной, хотя он воспитывался на таких простых и банальных лозунгах: «Будь другом – насри кругом» и «Будь братом – насри квадратом.»

А. Серый

От одной из читательниц журнала «Флекс» поступило предложение:

Выпросить у В.В. Котова то, что ещё с раннего детства он приберегает. Пусть наконец просьба, содержащаяся в любимых лозунгах В.В. Котова, получит свой желанный и круг и квадрат.

Владимир Владимирович! Ну пожалуйста, хоть один раз насри кругом, а потом квадратом! Ну, постарайся! Если же это излишне утомит Вас, дорогой Котов, то не сочти за оскорбление, если Вас попросим иначе:

Будь дочкой – насри точкой! или
Будь мухой – насри ухом!

Редакция.

Четыре искусства

/Новелла/

Жили-были четыре искусства. Одно звали Художник, другое Музыкант, третье Писатель, четвёртое Актёр. Как-то раз собрались они попьянствовать, зашли в кабак. Напившись, каждый стал показывать свои таланты, хотел перещеголять другого, показать бо́льшую свою изобретательность, виртуозность, фантазию и умение воздействовать на публику (а в кабаке как раз было так много народа, что просто — миллион!)

Художник нарисовал такую картину, что все ахнули, ничего кроме неё не хотелось видеть. Но нашлись некоторые и плюнули на его картину.

Музыкант сочинил и исполнил такую музыку, что все будто с ума сошли, ничего кроме неё не хотелось слушать. Но нашлись некоторые и плюнули на его ноты.

Писатель написал такую книгу, что все задрожали от восторга, каждый дурак стал философом, ничего кроме неё не хотелось читать. Но нашлись некоторые и плюнули на его книгу.

Настал черёд Актёра. Взошёл он на помост и сначала сыграл Художника, рисующего картину, а затем некоторых, плюющих в неё. Потом он сыграл Музыканта и Писателя, а также тех некоторых, что плюнули на их творения. Толпа визжала и рукоплескала, но уже начали появляться некоторые, собирающиеся плюнуть в лицо Актёра. Но Актёр опередил их и сыграл Актёра, рисующего как Художник, музыкирующего как Музыкант, пишущего как Писатель. Некоторые приближались. Тогда Актёр сыграл их самих и надавал себе пощёчин. Некоторые готовились плюнуть. Но и здесь Актёр опередил их и быстро-быстро, как из пулемёта, послал каждому из некоторых порцию собственной слюны.

А. Сергиев

28

Читай здесь! ↓

I.

У Котова прогрессирует тенденция ко всё бóльшему выпучиванию слов ЖИЗНЬ и МИР. Этим словам он приписывает качества целой системы понятий. Жизнь и мир по Котову отличаются особой сложностью, той самой, которую человек не может освоить сразу оптом, а лишь постепенно идёт, усваивая одно, затем другое, к какой-то ВЕРШИНЕ. Что это за вершина — даже сам Котов не знает.

К простоте Котов относится презрительно, как к сопле презрительно относится тот человек, который, высмаркиваясь, пачкается в этой самой сопле.

Сопля проста, человек сложен. Но первой не составляет труда напакостить человеку, а он без неё — без сопли — жить-то по естественным причинам не может. Хотя и презирает, дуется на неё. Когда несчастная сопля вываливается у человека из носа и плашмя падает на асфальт, то ей предстоит испытать на себе гордый взгляд свысока, а потом проявить некоторую ловкость, чтобы не быть раздавленной надменным человеком.

II.

Жизнь — это всего лишь слово. Это не понятие, тем более не система.

— Жизнь. — говорит органическая химия, обращаясь к неорганической. А есть ещё и такая органическая химия, что и сказать-то не может. Она живёт и не знает об этом, потому что так — просто, ещё проще.

— Мир. — говорит органическая химия и смотрит своими большими глазами на дерево, небо, Котова и сопли.

III.

Развившись до какой-то степени — ну, предположим, до степени Котова — органическая химия

позволяет себе начать видеть (придумывать) в окружающем пространстве какие-то сложности. Это происходит лишь потому что в данном случае органика так захотела. Ей захотелось поумничать. Такие процессы происходили в последние тысячелетия, но ни к чему хорошему не привели, даже наоборот. Значит, усложнять — это забава. Это Игра. Котов — — Играет. Хорошо Котову.

IV.

Другие тоже усложняют себе существование. Только варианты у всех разные, зависящие от выдумки. Например, художник усложняет себе жизнь постоянными думами о ничтожестве слесаря. Слесарь усложняет свою житуху обязаловкой не пить на работе, и постоянными нарушениями оной обязаловки.

V.

Я вижу жизнь и мир простыми. При помощи огромных возможностей моего мозга я дошёл до этого вывода. Для других людей, конечно, будет трудно понять меня, ведь УСЛОЖНЯТЬ — у них в крови, как у ищейки сидит в крови жажда поиска и преследования.

Я не иду к КАКОЙ-ТО вершине, как это делает Котов. Для него она — цель и тайна. Я сам — вершина. Я — цель и тайна. Я спускаюсь со своей высоты сложностей к самым ничтожным проявлениям окружающего меня пространства простоты.

Я хочу всё упростить, чтобы понять и впитать, съесть. Я хочу всё упростить, т.к. всё усложнено по неестественным причинам, глупо и некрасиво. Я хочу видеть всё простым и несложным, т.к. лишь это несёт ответы, лишь так можно определить смысл.

Истина, я уверен, окажется простой и бесхитростной, и я хочу её увидеть попростому: заглянув своими глазами в её. Это моя Игра.

VI.

Распутывать узлы, а не делать их структуру более сложной и запутанной — вот моё призвание, вот смысл ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО существования.

Мой друг Ланселот
01.12.81. [signature]

Ползущее будущее моих
врагов. 01.12.81. [signature]

Было так.

/Описание/

Был такой случай, зашёл я с женой в гости к знакомым. Вскоре у этих знакомых появился ещё один гость — Борода.

— Не замай, — говорю я Бороде.

— Вот это ты плохо сыграл. Плохо. — улыбается Борода и на стуле ерзает.

— Не замай! — повышаю я голос.

— Плохо. Плохо сыграл! — Борода смеётся, опрокинув на спину голову, а его борода точно лес дремучий встала передо мной.

— Я тебя замаю. — решительно произнёс я.

— О! Вот это ты хорошо сыграл. Хорошо! — Борода внимательно вперился в меня своими прожекторами.

— Замаю! — кричу.

— Хорошо! Хорошо сыграл! — кричит.

Взял я Бороду за бороду и выпихнул в окно с пятого этажа. Сидим, пьём чай. Через две минуты звонок в дверь. Люди сорвались со своих мест и бросились открывать двери. В них показался улыбающийся Борода и прямо ко мне идёт и говорит:

— Хорошо! Хорошо сыграл.

Сел, лукавый, напротив, подмигивает и ликёр с чаем пьёт. Смотрю я на него и кажется мне будто рога у него на голове вырастают, будто они оленьи, ветвистые. И будто он голову назад откинул и поёт, громко так, счастливо:

—... И выстрел жду я каждый день,
Ведь я олень...

Достал я ружьё и стал ствол шомполом чистить, а сам чувствую, что олень хочет мне копытом в лоб заехать. Я ружьё скоренько разобрал по винтикам, в ящик уложил, туда же жену посадил, сам залез и запечатался. А на ящике написал свой домашний адрес, по которому и был доставлен городским транспортом.

А. Сергей

32

Музыкальные вставки.

/ Научное открытие и нововведение /

I.

Много говорилось на страницах этих сборников о музыкальности Флекса, о его связи с музыкой. Были и такие статьи, в которых Флекс попросту сравнивался с музыкой, определялся, как нечто подобное музыке.

В данном труде я не хочу оспаривать или защищать такие положения. Я лишь хочу внедрить в наш сборник правило музыкальной вставки. Как приятно читать что-то и, когда устанут глаза или мысль завертится волчком на месте, — вдруг услышать музыку. Короткую по размеру, но сочную, полную радости, таинственной мольбы и смеха. Такая вставка сразу облегчает мозговые проблемы, действуя на слуховые органы, каким-то чудом воздействует успокоительно и на глаза. Человек моментально получает порцию отдыха, собирается с новой силой и продолжает яростное чтение.

II.

Как мне кажется, лучше всего использовать что-нибудь из Котова — этого первоначальника Флекса. Тут уж ошибки быть не может, каждое деяние этого мамонта — Рада Флекса и На Благо Флекса.

В виде музыкальных вставок можно взять любимые котовские лозунги детских лет, их музыкальные интерпретации.

Начнём вот с такой вставки!

| Котов, будь мартышкой — накри пустышкой. |

III.

Я уверен, что мой музыкальный поиск во Флексе наверняка затронет даже самых немузыкальных людей. Музыкальные вставки — плод моих долгих исследований и поисков на основе величайших трудов В.В. Котова.

А.В. Серов

Ой!

/ Статья /

И так, мы имеем 21 сборник. Исписаны 32 страницы. А это уже много. Этого вполне достаточно, чтобы сделать кое-какие выводы. Журналы прошлого пестрели огромным количеством вклеек-флексов. Нынешний беден на них. Плохо? Да, плохо. Если вернуться к традиционному статкалендарю, то он будет иметь вот такой вид:

статистический календарь

В этом номере помещено флексоработ:

	шт.
Сергеева	6
Котова	4,5
Гризли	1
Бр.О	0,5

Скудно? Н-да-с, скудно-с. Что такое? Молниеносная смена расцвета и упадка? Невозможность зановорождения? Утерян интерес к Флексу со стороны самих флексистов (Сергеев — не в счёт, у него и работ много, и хороши они)? Котов, Гризли, Бр.О... А где остальные? Где?

| Котов, будь водовозом — насри паровозом. |

В том-то и дело, что их нет и не было. Ходы Котова давлели над бо́льшей частью флексистов, их флексосудьба зависела от этих ходов. Перестал играть Котов — исчезла целая свора флексистов. А почему перестал играть Котов? Вопросом этим можно оглушить носорога. Это целая трагедия, смятение, отрешённость, разгром и гибель.

Вернитесь к басням Котова, которые помещены в этом номере на стр.стр. 18-25. В них вы не найдёте ни слова о Флексе. Может быть, он забылся и написал сюда свои стихи, думая, что записывает их в свой записной блокнот, а не во ФЛЕКСОСБОРНИК? Будем надеяться, что это так, что флексомысли ещё не раз посетят нашего мудреца. Хотя, всё, что пишется — это Флекс, всё, что читается — тоже Флекс. Может, я не прав. А, может, и прав. Поди — разбери! Эвон, какие узлы вокруг понавязаны, распутывать надо, тогда и ясно станет: кто прав, а кто лев.

Видите — лишнее доказательство тому, что лишь в простоте — смысл и красота. Запутай ещё больше узел — глядишь и вовсе с ума сойдёшь.

34

В детстве я много наблюдал за муравьями (ничем другим я заниматься не мог — у меня был паралич всех конечностей, я не мог двигаться, говорить, есть, с трудом дышал и моргал; родители меня часто оставляли одного где-нибудь в лесу, в надежде, что найдётся в Подмосковьи хоть один волк или медведь; но хищник на меня не шёл, а я проявлял редкую живучесть, когда неделями лежал один в лесу, без корма и пойла, перевернутый на брюхо ветром или любознательным лосём; вот тогда-то я и наблюдал за муравьями), так вот, часто я видел, как одни, попадая в воду, спокойно и невозмутимо стоят на поверхности и ждут какую-нибудь мимо плывущую щепку. Прыг-брыг, и на щепке. Или ветром к берегу их прибьёт — они и — шмыг! — в кусты. Жизнь спасена.

Но были и другие. Они, попав в воду, начинали сразу кричать, махать руками, топать ногами. Вели себя дерзко и вызывающе, на что вода отвечала немедленным утоплением шебутного муравья. Скрюченный труп муравья долго качался на волнах, потом тонул и топором шёл на илистое дно.

Котов, будь лисой — насри косой

Так похоже бывает и с теми людьми, которые видят мир сложным, а жизнь считают каким-то уровнем. Они суетятся, мечутся, громоздят одну придуманную сложность на другую, возводя тем самым вокруг себя непробиваемые стены, которые в конечном итоге отделяют таких чуваков по-настоящему и от мира и от жизни. Наступает час и вся громада стен-сложностей рушится на головы этих бедолаг — наступает естественный конец их: смерть. Она уносит из так и непонятого мира безжизненные их душонки в царство какой-нибудь космической пыли, где они и блуждают вечно.

Отказаться от сложностей — значит увидеть мир прекрасным, а жизнь — чудесной. Первый шаг на пути к отказу — это найти в себе силы увидеть нелепость тех преград, которые ставит перед собой человек. У каждого свои преграды. У меня, например, учёба в институте была шлагбаумом к моей свободе. И я разбил этот шлагбаум.

Основными, массовыми преградами сейчас являются желания людей жить только такой жизнью, которая, сменяясь лишь временем суток, не несёт ничего необычного. День за днём одно и тоже, одна протоптанная тропинка, ну — две.

Вот теперь даже котов поднялся против выдумок и сказок. О других и говорить не прихо-

35

дится — они в лучшем случае посмеются и забудут сказку, в худшем — увидят в сказке смысл против обыденности и кишечного спокойствия. Тогда и климат и дом могут измениться неузнаваемо (имеется в виду климат и дом, в которых живёт сказочник-неудачник).

А ведь только мечта очищает человека от мозгового ожирения и телесной дряблости. Мой пример — всему наука. Мечтая, я стал философом, гением. А на двуручных мечах со мной уже никто не желает сразиться. Как говорится: иные погибли.

Если говорить языком Котова — когда подлинные небеса скрыты от взгляда мёртвой побелкой потолка, или дымом машины, или чужой и навязанной помимо твоей воли мыслью, то не создавать своё небо, хотябы такое, что и не похоже на небо, — то это просто конец. Конец всему и начало новому концу всего. В такой ситуации искать там, где потерял — премудрость глупого и слепого пескаря, потерявшего свои глаза в норке, а течением эти глаза уже далеко унесло прочь, да и сожрал кто-то их.

Котов, будь хамсой — насри колбасой.

Много мною написано. Надо и покурить, хотя я уже давно бросил курить. А вот как ни странно, бросить-то бросил, и всё же курю, курю эту заразу. Может, и не заразу. Может, я ошибаюсь. А может, и не ошибаюсь. Кто знает!? Поди — пощупай!

Ал Сергиев

Кое-что о СЕРГЕЕВЕ, ФЛЕКСЕ и этом сборнике.

Предварительные замечания д-ра Котова.

Часто приходится слышать упрёки флексистов: я, дескать, компрометирую Флекс, давая в сборниках так много места „статьям" Сергеева, и пора бы вообще избавить наш дирижабль от этого балласта и проч., и проч. Я очень хорошо понимаю их, но пусть и они поймут меня, если уж не способны понять и простить Сергеева. Флекс должен всё в себе переварить, все болезни и недуги человеческие, все тупики, ко всему выработать иммунитет, ибо рано или поздно, в тех или иных формах всё это вторгнется во Флекс, попытается узурпировать его. Да, я очень хочу видеть наши

сборники чистыми, подлинно-флексическими, обращёнными в мир улыбкой и светом Флекс-открытия. Таким я надеялся сделать и Этот сборник. Но мне так же претит стерильность, ущербное совершенство флекс-манифестов in vitro.

Мне могут возразить: мы не за in vitro, мы за споры, полемику, совместный и полный раздоров поиск, но ведь в данном случае — просто писанина, пустая и отвлекающая от дела, ломающая красоту игры...

Да! Но и пусть. Кроме того, разве графомания, разве сама эта чуть надутая грязцой пустота — не идеология, пусть бессознательная? И разве невозможно спорить и с ней? Разве противник обязан давать нам готовенькие к логическому рассмотрению, внятные аргументы?

Кроме того, в данном случае есть ещё и обстоятельства более личные. Как известно, довольно долго, — и по причинам вам вполне понятным, — я вёл сборники без участия Сергеева. Увидев, как он испортил 14-ый сборник, принадлежавший С.Ома, я даже решил: всё, кончился Сергеев.

Но шли дни, месяцы, год прошёл с огромным хвостом на лбу, — и я рискнул дать Сергееву почти завершённый сборник №19. Думаю: если испортит — вы[illegible] и вдруг...

Признаюсь, я, знающий лучшую сторону и способности Сергеева много более вас, и то был изумлён. Сергеев воскрес. Талантливые, хотя и слегка подражательные, но всё же законченные, внутренне совершенные литературные миниатюры, меткие публицистические замечания украсили и достойно завершили сборник.

И я решил: следующий будет открыт Сергееву душой и телом.

Увы, не прошло и месяца, как воскресшее дарование заметно покатилось вниз. Уже открытие этого сборника заставило меня насторожиться. И вот — всё что вы видите выше: сопли, бороды, пулемётные порции слюны и — никакой мысли, ни единой художественной находки. Не случайно даже самому автору стр. 26-35 мои средненькие

сборники чистыми, подлинно-флексическими, обращёнными в мир улыбкой и светом Флекс-открытия. Таким я надеялся сделать и Этот сборник. Но мне так же претит стерильность, ущербное совершенство флекс-манифестов in vitro.

Мне могут возразить: мы не за in vitro, мы за споры, полемику, совместный и полный раздоров поиск, но ведь в данном случае — просто писанина, пустая и отвлекающая от дела, ломающая красоту игры...

Да! Но и пусть. Кроме того, разве графомания, разве сама эта чуть надутая грязцой пустота — не идеология, пусть бессознательная? И разве невозможно спорить и с ней? Разве противник обязан давать нам готовенькие к логическому рассмотрению, внятные аргументы?

Кроме того, в данном случае есть ещё и обстоятельства более личные. Как известно, довольно долго, — и по причинам вам вполне понятным, — я вёл сборники без участия Сергеева. Увидев, как он испортил 14-ый сборник, принадлежавший С.Ома, я даже решил: всё, кончился Сергеев.

Но шли дни, месяцы, год прошёл с огромным хвостом на лбу, — и я рискнул дать Сергееву почти завершённый сборник №19. Думаю: если испортит — вы[illegible] и вдруг...

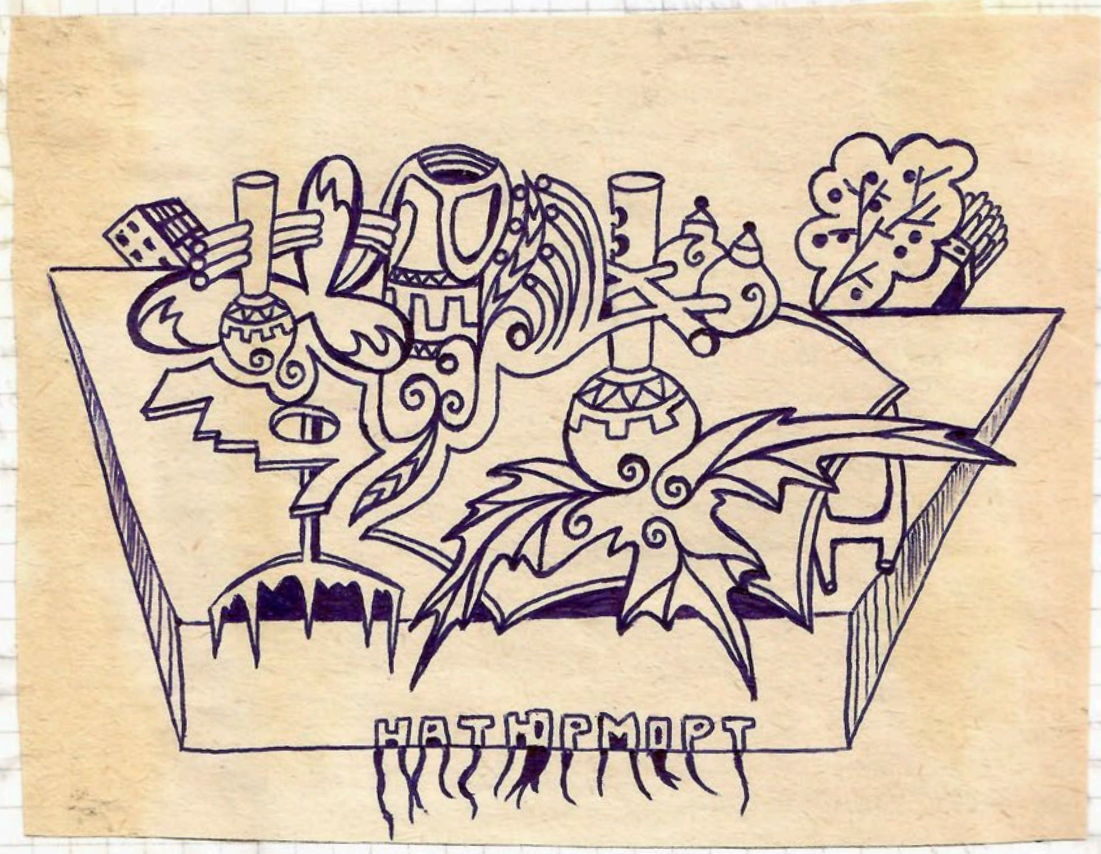
Признаюсь, я, знающий лучшую сторону и способности Сергеева много более вас, и то был изумлён. Сергеев воскрес. Талантливые, хотя и слегка подражательные, но всё же законченные, внутренне совершенные литературные миниатюры, меткие публицистические замечания украсили и достойно завершили сборник.

И я решил: следующий будет открыт Сергееву душой и телом.

Увы, не прошло и месяца, как воскресшее дарование заметно покатилось вниз. Уже открытие этого сборника заставило меня насторожиться. И вот — всё что вы видите выше: сопли, бороды, пулемётные порции слюны и — никакой мысли, ни единой художественной находки. Не случайно даже самому автору стр. 26-35 мои средненькие

статьи кажутся по контрасту с его собственными „статьями" „стихотворениями" (стр. 26.). И, конечно, слишком много сил тратит Сергеев на попытки доказать свою причастность флексу неприменимым в данном случае методом исключения.

1. XII. 79.
Кейдж.



Макет для ночных игр.

сборники чистыми, подлинно-флексическими, обращёнными в мир улыбкой и светом Флекс-открытия. Таким я надеялся сделать и Этот сборник. Но мне так же претит стерильность, ущербное совершенство флекс-манифестов in vitro.

Мне могут возразить: мы не за in vitro, мы за споры, полемику, совместный и полный раздоров поиск, но ведь в данном случае — просто писанина, пустая и отвлекающая от дела, ломающая красоту игры...

Да! Но и пусть. Кроме того, разве графомания, разве сама эта чуть надутая грязцой пустота — не идеология, пусть бессознательная? И разве невозможно спорить и с ней? Разве противник обязан давать нам готовенькие к логическому рассмотрению, внятные аргументы?

Кроме того, в данном случае есть ещё и обстоятельства более личные. Как известно, довольно долго, — и по причинам вам вполне понятным, — я вёл сборники без участия Сергеева. Увидев, как он испортил 14-ый сборник, принадлежавший С.Ома, я даже решил: всё, кончился Сергеев.

Но шли дни, месяцы, год прошёл с огромным хвостом на лбу, — и я рискнул дать Сергееву почти завершённый сборник №19. Думаю: если испортит — вы[illegible] и вдруг...

Признаюсь, я, знающий лучшую сторону и способности Сергеева много более вас, и то был изумлён. Сергеев воскрес. Талантливые, хотя и слегка подражательные, но всё же законченные, внутренне совершенные литературные миниатюры, меткие публицистические замечания украсили и достойно завершили сборник.

И я решил: следующий будет открыт Сергееву душой и телом.

Увы, не прошло и месяца, как воскресшее дарование заметно покатилось вниз. Уже открытие этого сборника заставило меня насторожиться. И вот — всё что вы видите выше: сопли, бороды, пулемётные порции слюны и — никакой мысли, ни единой художественной находки. Не случайно даже самому автору стр. 26-35 мои средненькие

статьи кажутся по контрасту с его собственными „статьями" „стихотворениями" (стр. 26). И, конечно, слишком много сил тратит Сергеев на попытки доказать свою причастность флексу неприменимым в данном случае методом исключения.

1. XII. 79.
Кейок.

14. XI. 81.

макет для
ночных игр.

38

ХОРОШО

Спешу заверить всех, что от прочтения предыдущей статьи Котова и от его посещения (всё это произошло в один день — 8.12.81г.) мне стало ХО-РО-ШО.

Не скрою — я ожидал худшего. И слава Богу, это ожидание не оправдалось.

Но! Хватит о хорошо. Перейдём к иному.

Заставляет задуматься манера Котова называть тех, кто каким-то образом не согласен с ним — противником. Что это? Поспешность в выборе словес, или урезанность лексикона? Болезнь, или упрямый злой умысел? Карабистр или апр упр? Нет, здесь что-то другое. И немало важное. Но, конечно же, — не апр упр. Не-не! Котов не АПР. И не УПР. Он же и не КАРАБИСТР. Он чует. Понимаете — ЧУЕТ! Славный парень он. Он знает себе цену, знает, что она катируется выше цены какой-нибудь сопли. Ведь не зря же Котов обратил внимание именно на сопли (стр.36 внизу), жанглируя словами, яростно поставил её значение много ниже своего. Да, он мастер сопоставлений и критических выводов. Этого у него не отнять. Этого он никому не отдаст. Ни за что!

Противник...

Противник — это тот, кто ещит супротив и против. Это своя аксиома, это свой череп и свой ятаган. Это, слышь ты! — плохой дядя. На войне есть противник. В любви, в дороге к цели, во всём. Противник. Это тот, кто противен, кто мешает, кто не нужен. Кого надо искоренить, убить.

Меня убить?! Полноте, не шутите. Рискуете.

Наша игра не для убийств. Флекс — проявление состояния «Живу-живи-живём».

«И разве невозможно спорить с ней, с этой гениальной философией?» — обалдевает автор Котов на стр.36 в 17-ой строке, когда решается задаться этим вопросом по отношению моих чудесных выкладок ума. Обалдевать то обалдевает, но решиться на спор и не собирается, чувствуя свою несостоятельность и слабость. Разве так можно? Бросить вызов и тут же спрятаться в тайник! Не по рыцарски. Хотя, где оно — рыцарство, в наше то время! Удар из-за угла, навет, оскорбление за глаза — вот принцип нынешней манеры ведения борьбы. Видеть в партнёре противника, в соучастнике — врага => вот психология теперешнего джентельмена наизнанку.

Музыкальная вставка.

Во Флексе Котов был всегда заводилой. Заводил он хорошо, завёл меня (я же Суперлучший Аэроплан!). Но и завёл он сам Флекс исключительно не в ту степь. Это так мне показалось. Решил я степь изменить. Вот тут-то Котов и ощерился, ощетинился, ощенился целым выводком щенят, которые и лают, и кусают и в дом хотят непускают.

А Сергеев вырос. Раз — под зад одному щенку! Раз — другому! Бац — третьему! Скулят, сучьи дети, воют.

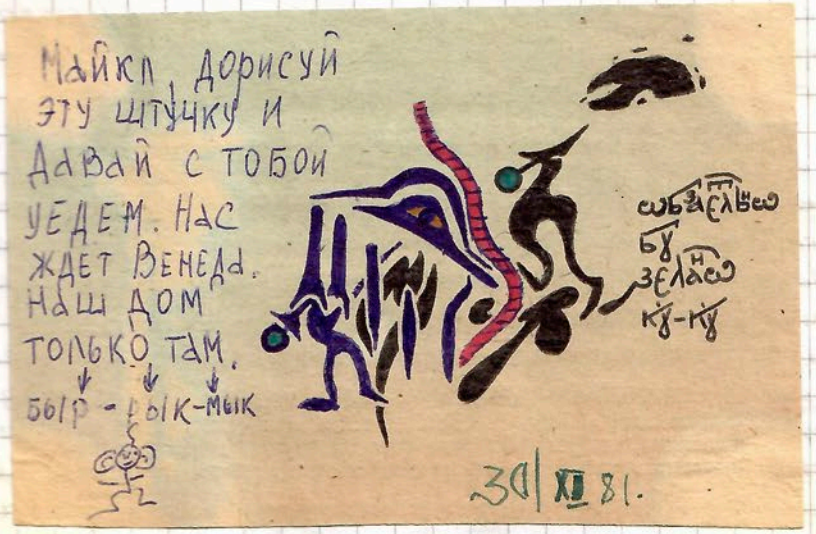
Совершая новые подвиги на поприще Флексоискусства, много мне ещё предстоит сделать пинков, много придётся вытерпеть нападок и ухищрённых оскорблений. Но я верю, Игра начнётся. На том уровне (любимое словцо Котова), на котором она процветёт, вздыбится и погонит, попрёт.

Не лютуйте, враги! Я ещё более лют!!!

Заклятую!

Серия, поток, просто — обвал музыкальных вставок.

8.12.81. Дм Сергеев



40

Завершение ?

Итак, Котов вместо поиска возможной совместной деятельности избрал страницы Флексосборника местом нападок на светлейшее моё имя, мою фамилию, мою честь, славу, доблесть, добродетель и значение.

После завершения 11го номера я по собственной инициативе (именно об этой причине Котов говорит на стр. 36 в 23-24 строках, её он имеет в виду) исключил себя из участников создания дальнейших сборников. Лишь 14 номер журнала был мною спасён от чёрных сочинительств Котова.

Неучастие в сборниках NN 12,13,15,16,17 — мой протест и бойкот, т.к. в целесообразности этих номеров умному человеку приходится усомниться. Что представляет Флекс без меня? Ничего не представляет. Доказательства:

12 номер — тяжкая потуга бездарностей угнаться за славой 1-11 сборников, провал этой балаганщины по причинам умственной неразвитости участников.

13,15 номера — не менее тяжкие усилия Котова тянуть флексупряжку в гордом и глупом одиночестве. Хотя слабость этого человека и заключается в его одиночестве, а сила в союзе со мной. Лишь обладая фундаментом, коим являться могу и имею право я, Котов может раскрываться во Флексоигре. Иначе у него получается обычная трель словоохотливого супостата, обращённая к своим мозолистым коленям. Не более.

16,17 номера — Котов просто отупел, исписывая десятки, тысячи, миллиарды страниц этих журналов. Им овладела жуткая страсть писать. Писать ради того, чтобы писать. Так сказать огромная, предлинная песня казаха, который поёт обо всём том, о чём может петь его сытый желудок. Это ярчайшие доказательства. Ими всё сказано.

18 номер — он был рождён необходимостью продолжить Игру. Это маленький блокнотик Великого Меня, сборник великолепных флексоработ, которые не помещались в NN 12,13,15,16,17. 18 номер — своеобразный Каталог.

19 номер — создавался в пору, когда я кое-что перепаял в голове Котова. Такая процедура временно хорошо повлияла на него, что незамедлительно отразилось на сборнике, который отличается от предыдущих Безменя. Отличается флексовостью, живостью и нетупостью. Дошло даже до того, что я узрел возможность участия в нём. Он неплох.

20 номер — это не сборник. Это символ казавшегося единогласия Меня и Котова. Мной опять овладела иллюзия возможности совместных действий одним лагерем с Котовым, иллюзия совместной Игры. Концовка 19го и появление 20го предвещали неплохую партию. Однако, партия не состоялась.

Как и в 11 сборнике, я начал 21й со злободневного вопроса об единении, о возможностях Игры. Я ждал продолжений, споров, надеялся на благополучное их разрешение. Но, как и в 11м, Котов решил и в 21м испохабиться, вместо решения насущных проблем занялся гнусными и неуместными и презренными нападками на самого умного в наше время человека — на МЕНЯ. Такие порывы я теперь называю Обманённой Завистью.

Не скрою, на 21й номер было заключено пари между мной и А. Гризли. Я надеялся (ещё надеялся!) на Котова, А. Гризли своё мнение оформила таким изречением:

— Вот увидишь, Майкл, какую новую свиночку тебе Котов подарит!

Да, я проиграл пари. И всё же 21й сборник заканчивать этой статьёй не хочется, хотя такое решение было бы естественным, законным, это его суть.

Я попытаюсь добраться до конца этой тетради, придать происходящему в ней форму и подобие Игры. Я буду продолжать Игру, невзирая на явную и открытую агрессию Котова на дело Флекса и на его так и несбывшуюся мечту — единство. И Игра и единство её участников могли бы быть. Но теперь мне стало ясно: возможно лишь одно единство — Единство меня Самого Собой Разумеющегося. С позиций этого единства и Игры я буду оборонять рубежи Флекса по мере возможностей и обстоятельств. Но в том случае, если будет то, что будет для этого случая.

X

9.-10./12.-81. А.Л. Серпин

Воздушный кораблик.
25.XI.81. А.Л. Серпин

Наездник Циргаль.
25.XI.81. А.Л. Серпин

42

Снова Зурбаганские шедевры.

Так уж случилось по воле судьбы, что и в 11м и в этом сборниках сороковые страницы отдаются моим зурбаганским шедеврам.
В создании одного такого шедевра принимала сильное участие и А.Гризли («На Венеде» стр.44)

Да, чудесны дни, проведённые в Зурбагане и его пригороде Чехе. Но, как и всё на нашем свете, время уходит, помахав на прощанье лапкой. Сибирский город Мозгва принял в себя великого Меня, А.Гризли и новую порцию зурбаганских шедевров.

Верхняя работа «Аутло» посвящена гнусной памяти моих любимчиков — малышу Билли, Аль Капоне, Бонни и Клайду. Они тоже не обращали внимания на мои призывы о единстве.

— Единство, единство... — гримасничая, передразнивал меня малыш Билли. — Моё единство, твоё единство, наше... Всё это одни слова. Главное в том, что я существую и неплохо работаю. Ха-ха!

Другие тоже смеялись, а потом каждый уходил в свою сторону. Но, все они закончили

на одном электрическом стуле.
— Теперь я достигну единства со всеми умершими! — шутил Аль Капоне, когда усаживался поудобнее на электростул.

Да, так они и ускользнули из этого мира в иной, оставив о себе память лишь у меня да у нескольких Бумажных крыс.

Бенэ был всегда счастливчиком и наполовину аутo. Почему счастливчиком? Он сам так говорил. Почему наполовину аутo? Потому, что днём он издавал законы, а ночью их нарушал. Это была его Игра. И ему везло больше, чем кому другому. Больше, чем Клайду или Бонни, т.к. Бенэ не попал на стул. Правда, стула для него было бы мало. Тут нужна целая кровать. Пятиспальная.

Бенэ. 11.12.81.

Галлл. 12.12.81.

Мотанг. 12.12.81.

Утро в городе Ч. 12.12.81.

Укипуч. 12.11.81.

Обед Маска. 12.12.81.

44

Дуэтофлексия
12.1 Фергриз 2.81

«Галлл». Эта работа о моём друге. Я давно уже не виделся с ним, теперь и не знаю — что с ним сбылось. Но память о нём осталась светлая, и если он не погиб, то пусть никогда не погибнет и станет Галлллом.

«Мотанг» — это отель в Зурбагане, в котором мы жили полтора дня. Именно в нём я нарисовал «Укипуч».

И утро и обед мы провели в пригородном городе Чехе. Изумительный город. В нём как бы становишься другим, более молодым, даже чувствуешь себя ребёнком. Хороший городок.

Дуэтофлексия «На Венере» — лучшая совместная работа меня и А. Гризли, да и после «Ватмана» (совместный флекс меня и Котова) это лучшая работа, в которой принимало участие несколько флексистов. В ней необычайное сочетание моего флексметода с гризлиевским чудесно оцвечено жёлтостью. Надеюсь, что эта работа — желторотый птенец по сравнению с теми, что ждут своего исторического часа в недалёком, близком и далёком будущем.

«Лисс» — работа, рассказывающая о моих впечатлениях о городе Лисс. Я там не был, но впечатления у меня есть. Они рассказывают. А рассказ я записал флексоязыком. Флексист может почитать это письмо. Читай, дядя, не болей. По столу разлился клей, офицер кричал: — Смелей! Пьяница просил: — Малей... В дождь котёнка пожалей, комара на лбу убей!

Выпусти на волю гулек,
Сизых гулек-голубей!
Водки выпей и скорей
Танцевать бросайся в таз
Точно древний бронтозавр,
Будто старый унитаз.

13-14/12.81. А. Верин

Последовательности.

Время теперь лихое, иное. Сейчас каждый себе и голова и две. Каждый представляет из себя крепость. Разница лишь в том, что одна крепость красивая, другая некрасивая, а третья несуществует.

В мире несуществует много крепостей, так много, что сосчитать их не-возможно. Но и несуществующие они тоже бывают красивыми и некрасивыми.

А есть и такие, что кажутся красивыми. Но подъедешь ближе — они уже отвратительны, заглянешь вовнутрь, а крепости и нет! Приглядишься пристальнее: себя видишь.

Когда Симмеру предложили передать в дар краеведческому музею свой мозжечок, он не смог скрыть своего возмущения:

— Как! У меня?! В такую погоду! Наглецы! Убирайтесь вон!

А потом долго негодовал, оставшись наедине со своим мозжечком:

— В такую отвратительную погоду требовать моё! Хамы!

Он так разнервничался, разволновался, что через полчаса скончался в страшных судорогах. Его красивая крепость развалилась, обнажив мощный, гениальный мозжечок.

В праздник Белого Медведя
Поднимается пурга,
Поднимается метель и качает ель.

В праздник Бурого Медведя
Начинается гроза,
Начинает буря выть, землю с небом ворошить.

В праздник Чёрного Медведя
Раздаётся гром,
Раздаётся страшный шум, меркнет мысль и тухнет ум.

В праздник Красного Медведя
Просыпается заря,
Просыпается рассвет — горя нет и смерти нет.

14.12.81.

Вл Сергиев

Только что в Редакцию звонил голос. Взволнованный, он сообщил, что 14й сборник исчез, но не совсем. Сбивчиво голос поведал Уху Редакции долгую историю триумфального шествия 14го сборника по современному подмосковью. Голова Редакции, получив от Уха Редакции информацию, подсчитала, что 14й сборник побывал ровно в 13 парах рук, его видело 13 пар глаз, нюхало 13 пар ноздрей, о нём имеет представление 65 пар голов.

И вот 14-я ПАРА. Она тёзка сборнику, может быть его двойник, у которого давно зародилась зловещая мысль, основанная на давней обиде и зависти. Четырнадцатый — — как будем теперь именовать похитителя — исчез вместе со всем своим скарбом и 14м сборником.

Редакция принимает срочные меры к задержанию преступника и отниманию бесценного сокровища, которое завещал людям ныне покойный Сигэру Ома.

Перипетии (перепитие?°) поиска и погони будут освещаться на страницах 21го номера.

14.12.81 Правая Рука Редакции.

В штабе Флекса в ночь с 14 на 15 декабря произошло заседание. Заседали: Левое Полушарие Редакции и Правое Полушарие, функции секретаря исполняла Правая Рука Редакции. В качестве наблюдателей были Пара Глаз Редакции. Впоследствие к ним присоединилась Ещё Пара Глаз.

На заседании решался вопрос об объединении 18го, 14го и 21го сборников.

14-15.12.81. ПР Редакции.

Москва. Штаб-квартира Флекса. 15/12-81.
Заседание Полушарий после длительных дебатов пришло к тому порогу, на котором кое-что можно решить. Решение: поместить в 21м сборнике ценнейшую часть (она составит 92% 18го сборника) 18го номера «Флекс», а также флексреботы IIIго номера. Судьба 14го номера будет решена после того, как удастся создать ту питательную среду для этого сборника, в которой можно подразумевать существование вышеупомянутой судьбы.

15.12.81. ПР Редакции.

48

21-й 18-му.

На дальнейших страницах вы можете познакомиться с 18м сборником. Он объединён с теперешним, т.к. такой синтез по мнению Полушарий идёт на пользу Флексу. 18й каталог ждал своего часа, собирал лучшие произведения флекса. Настала пора создания 21го, появилась надежда на возобновление общей Игры на восприятие духа.

Но (не будем повторять причину) по вине Котова партия осталась в лучшем случае отложенной, в худшем — прекращена. В худшем — имеется в виду общая партия. Предстоит Игра без партнёра, ожидание, когда какая-нибудь Фигура пройдёт через поле превращений.

18й сборник имел своей задачей собирательство тех работ, которые не входили в последующие номера. Теперь эта функция считается не-нужной, номер выполнил своё предназначение.

Уместно будет предупредить, что все работы из III номера обведены красным фламастером. Как это определить? — спросите вы. Очень просто. Например, листаете 21 номер и — бац! — в глазах меркнет свет, останавливается дыхание, а на ухо вам кто-то синий шепчет: «Вот как. Вот как, вот-вот как.» Затем прежнее ваше состояние возвращается, свет не меркнет, дыхание существует, в ухо не то чтобы синий — даже розовый — не шепчет. И перед взором предстаёт флексоид из III сборника, обведённый красным фламастером. Красным — как это? Это так, что недальтоник поймёт, дальтоник незаметит. Последнему немного хуже, но и он найдёт то, о чём я говорю. У него особый нюх. Нюх ему поможет.

Только что мне по телефону сообщили номер домашнего телефона Четырнадцатого. Немедленно позвонил. Не успел я рассказать суть, как Четырнадцатый нагло засмеялся мне в ухо, что тоскливой болью отдалось в моём сердце. Четырнадцатый переехал на другую квартиру, увезя с собой закованный в кандалы 14 номер журнала «Флекс».

Кто-то поскрёбся в окно. Я раздвинул шторы и неуспел даже удивиться, так было неожиданно увиденное. С улицы к стеклу приникла полупрозрачная душа усопшего Сигэру Ома. Она качала головой с каким-то жалким укором и шептала: «Эх, ты, Саша! Как же ты не сберёг моё начинание?! Эхе-хе...» Подул ветер и вместе с горстью сухого снега унёс душу Сигэры куда-то за пруд, в сторону холодного северного Мосфильма.

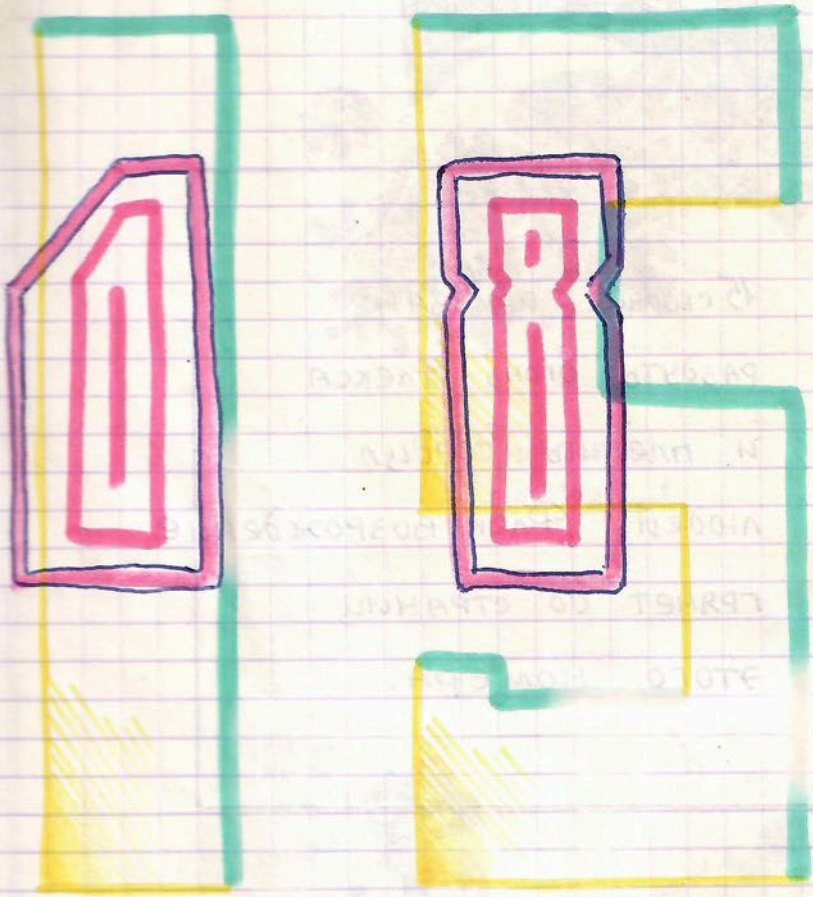
15.12.81.

А. Серый

48/49-а

PRIMA

«Авангард-80» и 81



Фотоаппарат

1980, 81

21-й

На дальн
с 18м сборн
т.к. такой с
на пользу Ф
собирал ду
создания 21
общей Игре
Но (не б
партия оста
худшем — пре
партия. Пред
какая-нибуд
18й сборни
которое не
эта функция
свой предназ
Уместно
III номера о
определить?
листаете 2
останавлива
шепчет: «Во
состояние в
в ухо не то
И перед взо
красным фл
недальтоник
хуже, но и
нюх. Нюх
Только
телефона
я рассказ
мие в ух
сердце. Ч
увезя с со
«Флекс».
Кто-то
неуспел
С улицы
усопшег
жалким
ты не
и вмест
куда-то

15 сборник призван раздуть огонь Флекса и пленить сердца людей. Флекс возрождение грянет со страниц этого номера.

Журнал издаётся с 1975г. Московской свободной редакцией «ФЛЕКС»

49

Азазеллова мазь.
16.VI.80

Третья
буква
15.VI.80

15.VI.80
ысль первая.

15.VI.80
ысль вторая.

О писателе.

Писатель — это в первую очередь человек. Один писатель сказал: «Труд из обезьяны сделал человека». Поэтому писатель много трудится. Труд его не пропадает даром — гонорары имеют значительное место в судьбе писателя.

Мучимый навязчивой идеей что-нибудь написать, писатель бродит по улицам крупных городов, пугая приезжую деревенщину своим загробным взором. Иногда он уходит в степь. Там он со всего размаха плашмя падает в ковыль и рыдает, судорожно терзая когтями грудь родной, жирной земли. Так рождаются замыслы. Наполненный ими писатель возвращается домой и прячется в кабинете, обставленном импортной мебелью, обшитом персидскими коврами, украшенном русскими лаптями и старинными резными прялками.

Несколько дней из-за двери кабинета доносятся беспрерывное тяжёлое дыхание писателя, какое-то постукивание, поскрипывание, шлепки и укоры судьбе. Наконец, дверь отворяется — с безумными глазами, растрёпанный и похудевший, стеная и на ходу разрывая свою писанину, выбегает писатель в одной сорочке. Он рушится на пол, задыхаясь и мучаясь, засыпает.

Да, всё придётся начать сначала. Очень трудно быть писателем.

7.VI.80 А.Сергеев

Записка

Спешу уведомить читателей, что с 7.VI.80 по 15.VI.80 я — Сергеев А.Я. — старательно и плодотворно занимался оформлением 14-го сборника. Срочно займейте 14-й сборник у себя, чтобы насладиться им, уйти в мир Флекса и найти в себе то, что от рождения было потеряно.

15.VI.80 А.Сергеев

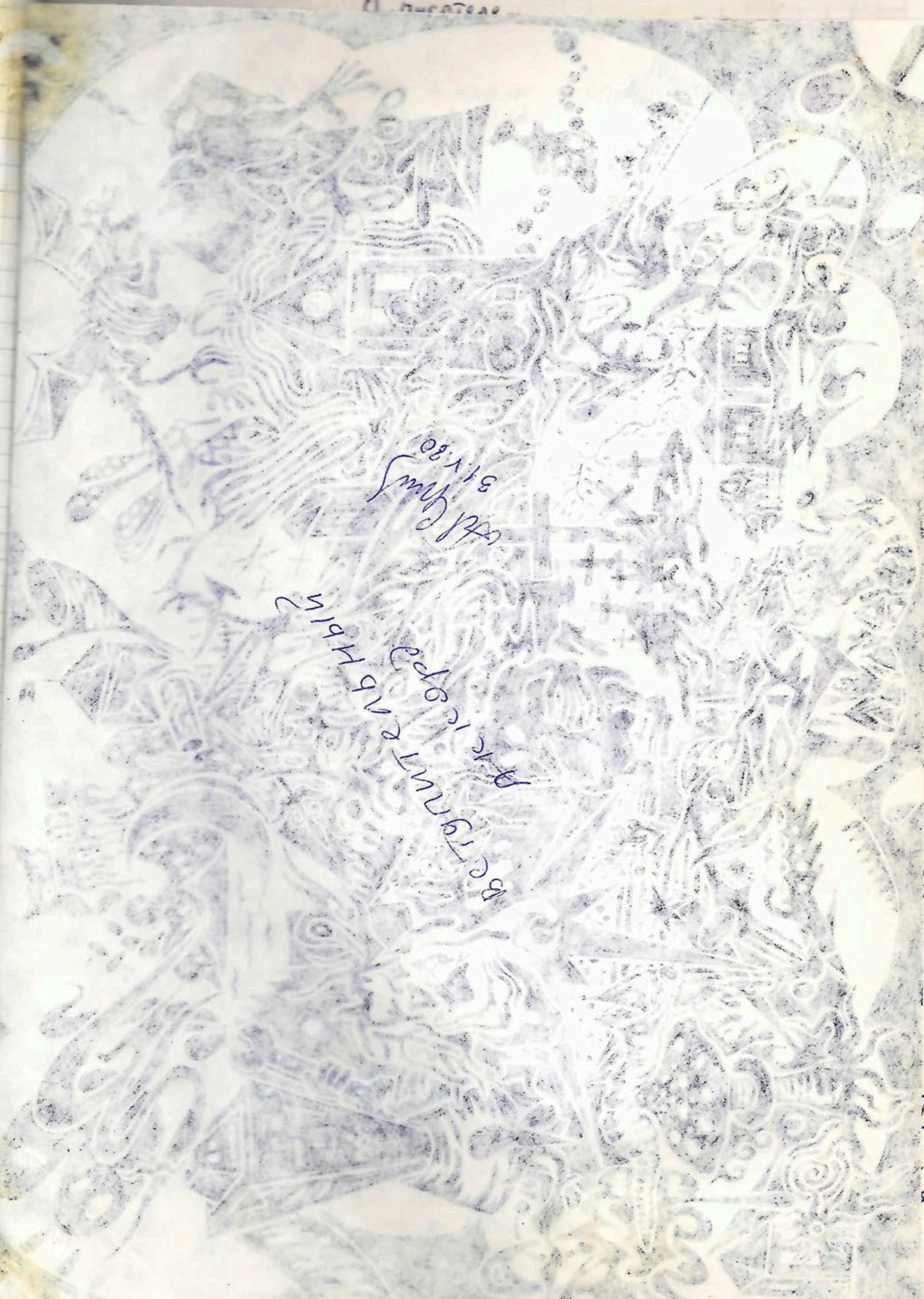
"Вступительный аккорд" →

31.V.80

Сергеев

50b

О писател...



...еказ

...ых

...пь.

...льно,

...еате-

...ан-
...ая

...I.80

...о
...я

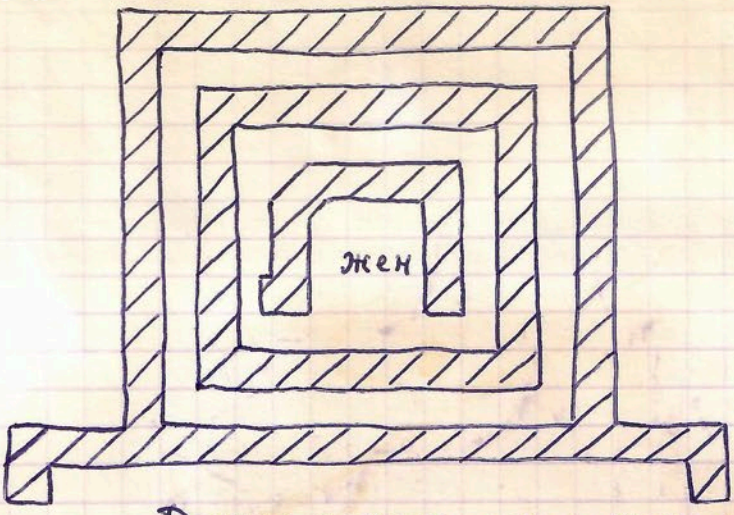
50

10.

«Падание» 10.VI.80
Сергеев

Жестокий XXй век.
16.VI.80 А. Серов

О, Атака Гризли! Я вновь перечитал
твой заборный роман «Миша + Таня = любовь». У меня
23.VI.80 Ал Серов кружится от счастья головизна.



Должен сообщить моему любимому читателю одну замечательную штуку: этот сборник, ко всеобщей радости, побывал сегодня под дождём! И как видите — цел и невредим.

Да здравствует Император! 16.VI.80 Саша Сергеев.

На эту страницу (вернее будет сказано — на ту её часть, которая была ещё чиста от буквиц), так вот, сюда долго смотрел один мой знакомый. Я спросил его: — Что с тобой? Он ответил: — Я пишу. — и вновь погрузился в молчаливое созерцание клеточек. Я подкрался к нему сзади и заглянул в сборник через плечо знакомого. На листе то вспыхивали, то исчезали слова. Помню немногие из них: ...Флекс и человек XX-го века... нет, не должно... и сказали ему: смотри... Но игра во всём: пьяница играет в пьяницу, президент-в президента... Ха-ха-хо!.. так как Флекс ничего не требует... ещё Ницше писал: Как получить... «Жестокий XXй век» Сергеева... вот тут-то и надо остановиться, чтобы уловить...

Больше не помню. Наконец, знакомый отложил сборник и устало потянулся за стаканом спирта. Мы выпили, изобразили на лицах гримасы ужаса, затем продолжили беседу, смысл которой утерян безвозвратно.

21.VI.80 А.Сергеев

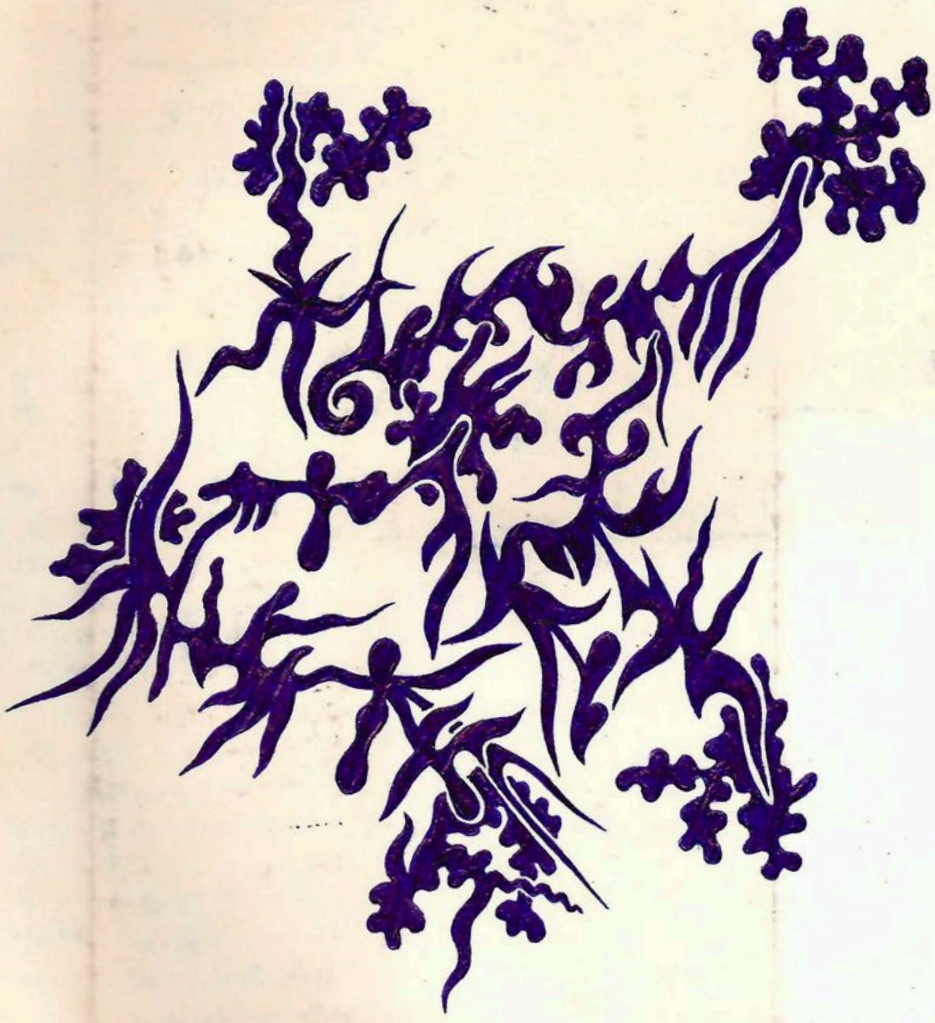
Некогда...

Работа «Некогда...» случилась под воздействием шариковой ручки в руке А.Гризли на бумагу. Этот флекс как нельзя лучше раскрывает великолепные способности автора лаконично выражаться как словом, так и флексом.

7/VII 80 А.Сергеев

52

14



Очень. Очень много гостей.
Ах, какие они красивые и молодые!
22.VI.80. А.Я.Серия

Хабермасу
25.VIII.80
Сергеев

Биму и другим несчастным.
22.08.80. Сергеев

Неназванная работа
80-х годов.
Сергеев

Помните моё нашумевшее в прошлом изречение: «Тот, кто стоит на ногах — не мёртв.» Теперь я хочу немного усложнить эту фразу. Она будет звучать так: «Тот, кто стоит на ногах — не мёртв и не спит.»

Вы спросите: — Дядя Саша, к чему ты клонишь? С удовольствием не отвечу вам. Ведь не буду я, в самом деле, раскрывать вам личные секреты! Ведь получив ответ — глубокий и достоверный — вам непременно захочется узнать: сколько рублей именно и где я их закопал. Я человек бесхитростный, могу и проболтаться. Тогда вам непременно захочется найти мой клад. Вы соберётесь в дорогу, захватите с собой лопату, мешок и бутерброды, сядете на Казанском вокзале в поезд, доедете до станции «30-ый километр», зайдёте в лес, что по левую сторону по ходу поезда, отсчитаете триста пятьдесят шагов на восток, потом двести на юг и сто сорок шесть на запад, под стогом сена выкопаете яму в два метра глубиной и непременно наткнётесь на мину. Представляете — — как жахнет эта мина, напичканная двадцатью килограммами тротила?!

Сами теперь можете меня понять — не могу я вам ответить на ваш вопрос. Совестливый я, не смею человека послать на верную смерть. Не имею на то прав и обязанностей. Лучше вы просто-на-просто запомните мою фразу: «Тот, кто на ногах — не мёртв и не спит.»

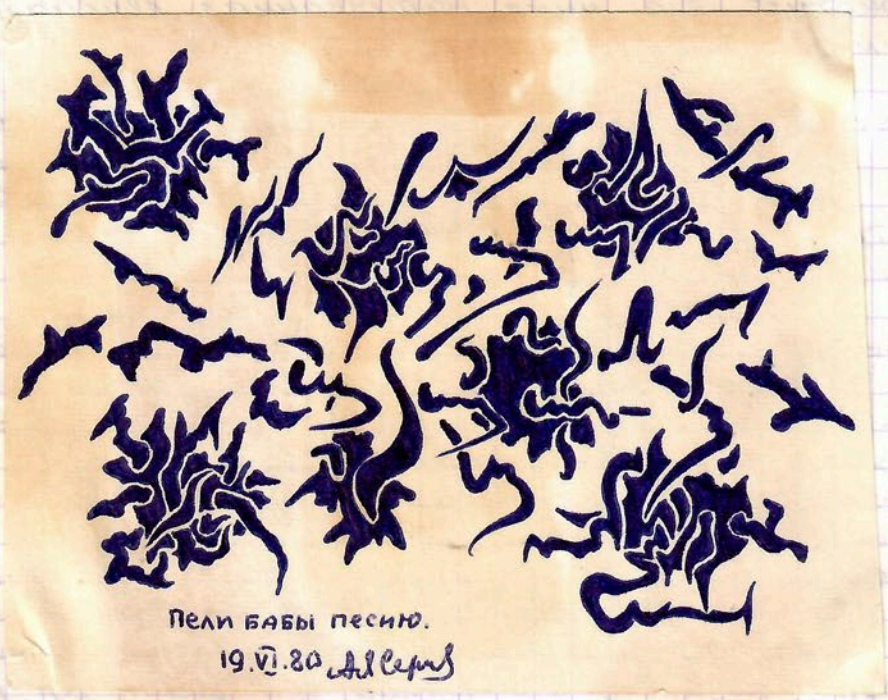
Теперь немного о моём творчестве. Как заметил в одной из своих публикаций юморист Роберт Рождественский: — Корова м-мычала, к-корова б-бежала. Корова нем-множко у-уст-тала и п-пала.

Чувствуете сколько горечи и сострадания? Думаете — к корове? Нет! Смею вас заверить — НЕТ!!! Это относится к тем, кто не выдерживает космической скорости Флекса. Пал Чарвакари. Отмычав положенное, пал Аргунов. Могучий RA тоже пал. Очень долго бежал Котов. Казалось его олений бег бесконечен. Но, увы... Бег был не оленьим, а бычьим. С грохотом Котов пал. С ним вместе пал и фыркающий Братец. Пало всё стадо кухонцев. Мор? Флексящур? Нет,— естественная неспособность указанных выше челобречков жить вне законов своего феодально-технического века.

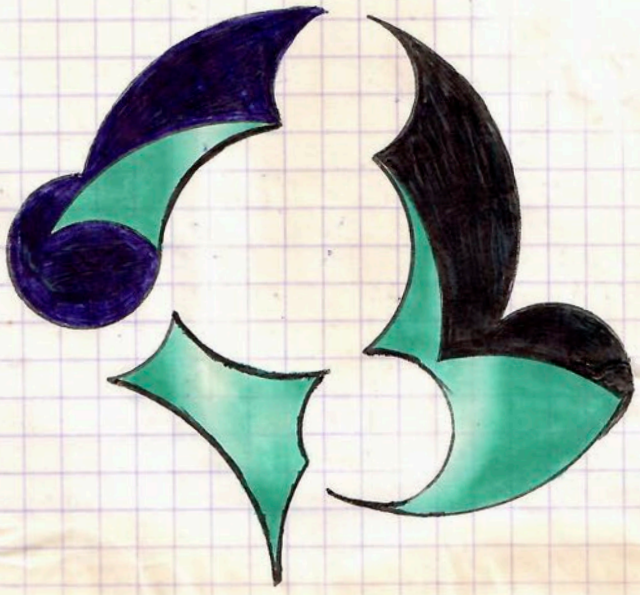
Но, чу! Слышите? Слышите гул? Будто где-то вдалеке рушатся Воробьёвские горы... Да. Да, это вы слышите, как бегут оставшиеся Флексисты, два гиганта: Сигэру Ома и Александр Сергеев. Кто-то ещё запыхавшись бежит рядом, но не разобрать — темно, ведь два часа ночи. Пора спать, а о моём творчестве вы будете читать у историков будущего. Спокойной ночи, господа бармалеи!

23.VI.80 А.Верин

Не зря! Ариэлл.
23/VI-80.



Пели бабы песню.
19.VI.80 Ариэлл



Две котовские работы, подаренные 18му сборнику в момент внезапных душевных обломов их автора.

56

А это уже А. Гризли.

На этот раз понедельник выдался не тяжёлым — отгул. За окном лето, трудовой город Москва, птица воробей и плывущий из магазина алкоголик Пётр. Пётр всегда заострял на себе моё любопытство. Вот и сейчас я не могу не полюбоваться на это чудо природы. Сколько грации в плавных движениях петровых ног, сколько нежного умиления во взгляде выцветших за долгие шестдесят лет глазах, как прекрасен чудо-костюм, облегающий хрупкое тело алкоголика. Но — ба! Зачем же так, дядя Петя?! Как тебе, Пётр, только не стыдно! Ведь лето кругом, Москва трудится, птица воробей, в конце концов! Как же так, Пётр! Прекрати и скройся, пропади, изыдь!!! Алкоголик — он и есть алкоголик. Ну его к ядрёной бабушке, поговорим лучше о Флексе.

Флекс — это чудо. То чудо, в котором прячутся все чудеса света. Но не об этом хочу бачить, т.е. гутарить. Возьмём, к примеру, такой фактус: нарисовал человек флекс. Ну и що? А не що! Берёт он ещё один лист бумаги и рисует ащё един флекс. Нарисовал — и доволен. Возьмёт в руку свою работу, к глазам поднесёт, так что нос по бумаге елозит, и вперится в загогулины, глазными яблоками так и ворочает, аж в глазницах скрипит. Насмотрится в доволь человек, заржёт от удовольствия и работку в папочку с грифом «Флекс» отложит. Потом эта работа попадает в журнал. Её прилепливают на какую-нибудь страницу и дают смотреть читателям. Они смотрят на работу издали, прячась за стволы деревьев и чужие спины. Затем, читают написанное в сборниках и вот, наконец, улыбаются — пробрало! Как будто стакан водки залудили, али, чего лучше, коньяку. В брюхе тепло, по рукам озноб пробежал, а в голове лёгкая качечка, в глазах — предметы еле заметно подёргиваются. Благодать! А мозг? Мозг — в порядке, на уе мотает. Мол, так и так, Флекс в струю попал, по извилинам растёкся, клеточки щекочет. Одним словом — реакция. Среагировал мозг, сработал.

Вот такие дела. Америка бомбы затачивает, мы флексы рисуем. Всё — как надо. Недавно в Киев президент Индии Буратино приезжал. Нахамил, фокусы некультурные показывал, напился чачи и утонул в Днепре. Его труп мужики баграми вытаскивали, весь Днепр расплескали, а толку никакого. Говорят, в Риге налажено производство индульгенций, но спрос на них маленький. Должно быть, прикроют это дело.

Господа, фламинго — птица южная, в московской области не гнездится. И настанет день и час, когда город закроет свои глаза и скажет: «Аз есмь закрывший глаза град.»

23.VI.80 А. Серов

Работа «БУЯНОС» от 26.VI.80 принадлежит шарику А.Я.Сергеева. Любуйтесь и наслаждайтесь ею.

Редакция.

57

Моё посвящение А.Гризли
от 28.8.80.
Сергеев

58

Может, и вправду, детей нарожать?

«ВМЕСТЕ»
6.08.80
А. Гризли.

Сейчас 11-ть часов вечера. На кухне горит лампа и газовая горелка, стены белые, как в лечебнице, но лекарствами не пахнет — пахнет жареным мясом, сухим вином «Виорика» и дукатовскими сигаретами. Бросаю курить, постой, оглянись назад. Время идёт, время спешит, где-то кто-то шепчет: «Ш-ш-ш! Водосточная труба! По тебе течёт вода, водосточная труба...» И я хотел уйти куда попало, закрыть свой дом и не найти ключа. Но свет померк и свечу задуло струёй ветра из промчавшегося мимо человека с ассенизаторской бочкой на голове.

Ветерок втиснулся в открытую форточку и, зацепившись за шторку, повис на ней вниз головой. Я поглядел в его глаза и невольно улыбнулся: сколько в них было обиды и неуклюжего желания изменить что-то в создавшемся положении. И ты всё ждёшь... умрёшь. Очень черно за окном, будто кто-то заботливый приклеил на стекло непроницаемую бумагу. А может быть прислонился своей чёрной спиной и отдыхает? Может быть, всё — может быть. Но скорее всего: на улице ночь. Да, точно — ночь. Без всяких сомнений, ночь. На конце мягкий знак и улыбка каширского кота. Пушок-Пушок! Мяу-мяу, мой милый, битый в бесчисленных котовых драках кот! Я видел, как ты дерёшься. Очень красиво, особенно, когда у тебя достойный соперник. А помнишь ту глупую лохматую собаку — московскую сторожевую? Отступать тебе было некуда, а окно я никак не мог открыть и думал, что сейчас от тебя, Пушок, останется один хвост. Да-да, тебя не подвёл твой кошачий покровитель. Вцепиться всеми лапами и зубами в эту огромную пёсью харю было последним шансом. Молодец, Пушок! И отшвырнуло тебя как нельзя кстати — прямо на ветку ближайшего дерева. Удрал, мой любимый зверёк. А подлый твой враг остался с разодранным носом.

Когда-то в древности был город Карфаген, в котором жили пуны. Сейчас нет Карфагена, а пуны стали арабами. Кто виноват в этом? Никто. Кто виноват в том, что никто не виноват? Тем более — никто. От чего лает собачка? От того, что лаять ей приятно, или, точнее будет сказано: от того, что ей приятно, а мне не приятно. Но закрыть форточку я не могу — доступ воздуха прекратится и потухнет газовая горелка, кухня наполнится вонючим газом и я отравлюсь. А это плохо. Отравление газом при горящей лампе более чем глупо. «Виорика» кончилась. Курить бросил. Там, за стеной спит мой сын и моя жена. Это хорошо, так как спать могут только те, кто жив.

Калейдоскоп под микроскоп.

23-24/VI.80

Алик

22

Кусочки.
27.VI.80
А.Серый

ВОСКРЕСЕНИЕ.
29.VI.80
А.Серый

59

Ночная сказка.

/Перепечатана из 18го сборника/

Слушай сюда, парень.

Было это давно, когда ты, парень, из носу пузыри пускал. А мне было тогда, как тебе сейчас — 80 годков. Жил я на окраине города. Теперь это центр.

Однажды ночью послучался в мое окно кто-то.

— Кого принесло? — спрашиваю.

— Впусти — увидишь. — отвечают.

Я открыл дверь и стал ждать. Слышу: шаги по лестнице приближаются, вот и незнакомец ко мне в квартиру зашёл.

— Привет! — говорит, лица не видно.

— Привет. — отвечаю и всё лицо его хочу разглядеть, но не могу. — Чего надо?

— С тобой поговорить. — отвечает, а сам на стул садится и смотрит на меня, как ты теперь.

— Ну, — говорю, — валяй!

— Дело вот какого образа. — тут незнакомец закатил глаза и будто заснул.

Прошёл час. Я жду.

— Вот, значит, какого образа дельце моё. — очнулся вроде бы ночной гость и вновь заснул.

И тут я понял, что имею дело с обычным нахлебником, которому негде провести ночь, вот он ко мне и явился. Я разбудил его, толкнув в плечо.

— Ты давай не спи, дело выкладывай. Не то с лестницы спущу! — рассердился я.

— Хорошо. Дело — так дело! — оживился незнакомец, засуетился на стуле, уселся поудобнее и опять заснул.

— Вот гад! — выругался я да как дам ему в ухо, он на пол и грохнулся. Лежит и не шевелится, глаза открыты, но зрачки под лоб укатились. Из нагрудного его кармана выпали очки.

— Убил! — мелькнула мысль. Я нагнулся над ним, нашёл пульс. Пульс в норме. Взял я этого парня за ноги и отволок на лестничную площадку. Лишь бы соседи не видели. Куда его деть? И полетел незнакомец в пролёт между лестниц, шмякнулся о кафель. Я скорее домой и спать.

На следующий день почтальон принёс мне письмо. Вот его содержание:

«Глубокоуважаемый друг! Прошедшей ночью вы грубо обошлись со мной, пытались меня убить. Но я не в обиде на тебя. Желаю тебе счастья.»

Я спрятал письмо под ванной и решил забыть ночной инцидент. Но на другой день ко мне явился молодой человек. Его лица не было видно, и я догадался — это он.

— Я вас хочу попросить об одной услуге. — говорит юноша и садится на стул в моей прихожей.

— Проси, парень. — ответил я.

60

— Не бросайте меня сегодня между лестниц. — он засунул.

— Как же, не брошу! — обозлился я, схватил юнца за шиворот и спихнул с этажа. Он вновь, пролетев семь этажей, шмякнулся об кафель.

Скоро пришло новое письмо!

«Мой друг! Хотя ты и не исполнил мою просьбу, я на тебя не в обиде.»

А вот и явился он сам. Лица его, как и прежде видно не было.

— Можно? — спросил он, стоя у раскрытой мною двери.

— Подожди минутку. — ответил я, захлопнул дверь и пошёл на кухню за топором. Когда я вернулся к незнакомцу, то застал его сидящим на половом коврике. Он, конечно, спал.

Я постоял над ним, потом отрубил ему голову. Тело я сбросил вниз, а голову унёс домой и положил в морозилку холодильника. Там она лежит и теперь. Когда я размораживаю холодильник, чтобы помыть его, голова оттаивает, просыпается и смотрит на меня. Лица я никак до сих пор не разбиру. Затем я вновь кладу голову в морозилку.

Когда кто-нибудь увидит у меня в холодильнике эту голову и удивлённо спросит:

— Что это?

— Голова. — отвечаю я и задумываюсь.

16.11.81. А.Сергиз

„Дым"
17. XII. 81.
А.Сергиз

Тёзка Грин, тёзка Грин! Как кстати ты прислал мне из Зурбагана своё полное собрание сочинений! Суковато последнее слово, даже немного отдаёт дохлятиной, но, что написано пером — не оттяпаешь лопатой.

Я вспоминаю своё прошлогоднее пребывание в Зурбагане, встречи с Сашкой Грином, весёлые пикники в мелиховском лесу. Да, мой друг не забыл о своём обещании, и вот я теперь обладатель всего, что он понаписал.

А вы читали Грина Александра? Ну вот видите. Клёвый флексист этот Грин. Как жаль, что в его стране неизвестны шариковые ручки! А обычной чернильной выходят всё какие-то странные закорюки, больше похожие на буквы алфавита. Вот Саша и флексует русским алфавитом и до боли знакомыми словами, в итоге преподнося чудесные флексы в прозе.

«Я ступила на корабль... — а кораблик оказался из газеты вчерашней.» — пела А. Гризли, сидя на завалинке своей трёхэтажной халупы. Атака, сколько Гризлей нависло в волосах самой волосатой тёти? Молчит Атака, лишь с ненавистью раскуривает левой ноздрёй трубку мира и войны одновременно. Над Гризли болтается табличка — «Не зря!» Да, не зря ты, Атака, выдала эту работу (стр. 18). Очень тебе я рад. А ещё я рад нашему Императору, который ночами не спит и всё думает: как бы это провернуть бы получше? А что такое «это» — никто не знает, да и сам Император вроде бы знает, а точно никак не определит, да и определять-то особенно нечего, т.к. очень уж мучает вопрос: как бы это получше провернуть бы?

Слава Императору! Слава! Слава! Слава! Савва! Да здравствует Флекс-Империя и бог её — святой Флекс! Флекс везде, Флекс во всём, Флекс!

Молчит Иван. Ходит Иван по ночному покою, бороду гладит узкой рукою. А вы ходите ночью по покою? Бороду имаите? Ни? Дык щёж ви, бисовы сыны, у постелях валандаитесь, як мухи в дерьме?! Waß wolen Sie? Я вас пытаю: «Waß wolen Sie?» Не понимаете? Нет? Русь — что корабль, перед ней океан. Где-то на той стороне горизонта, там, где над головой маячит надир, где волком воют овцы, и круг Бонуа с параллельным к самому себе периметром окружности выступает в роли солнца, именно там расцветает голубой тюльпан. Он большим отличается ростом, он огромный и злой великан.

Вечная память мне.

24/VI.80 А. Серов

60/61-b

„Я в мир пришёл,
чтобы не
соглашаться."
28.VII.20 АЯ Серый

Моему сыну.
5/VII-20 года
АЯ Серый

Обработано
17/XII-21 года.
АЯ Серый

СТИХ.

/ Перепечатан из 18го номера /

Родной завод с огромною трубою,
Любимый мастер с табелем в руке,
Друзья-рабочие в запачканных спецовках,
И кучи лома по углам двора.
Как эта жизнь мне радостна и бли́зка,
Как я люблю железки разные точить!
Мой край взрастил меня,
Дал мне работу,
И я свой долг вернуть ему смогу.
Я встану рано — лишь заря взыграет,
Приеду к месту, встану за станок.
Я сын народа, сын своей Отчизны,
Я план даю, чем бью капитализм.
Я жизнь хорошую построю,
И пусть буржуи громко воют —
Им не понять меня,
Как я блоху понять не в силах.

6. XII-80. Сергеев.

А вот что было написано на странице №39 в 18м номере:

Вы читаете восемнадцатый сборник «Флекс».

На 40й странице значилось:

~ Слава А.Я. Сергееву ~

Буквы — это устоявшиеся в сознании грамотного человека флексоиды. Буква «Б», к примеру, несёт в себе смысл твёрдого шлепка губами; «А» — всю тяжесть вскрика измученного человека. Соедините эти буквы и повторите их два раза. Получите слово «БАБА». Оно уже несёт в себе смысл не отдельных букв, а их совокупности, выраженной одним словом «БАБА». Баба — — она и есть баба, как говорил один мужик.

Так и во Флексе: отдельный флексоид имеет одну свою ценность, а если рядом с ним находятся ещё несколько, то создаётся общее понятие всей нарисованной работы. Например, мы имеем несколько хороших флексработ. Возьмём и соединим две из них. Не исключена возможность, что получится одна плохая. Если к этой получившейся работе добавить ещё другую, то может произойти обратная метаморфоза. Добавляя следующие флексработы, можно изменять лицо и смысл общей флексработы.

Если взять все до сей минуты созданные флексработы и соединить их на одном огромном листе бумаги, то мы получим целую книгу Флекса, написанную фразами-флексработами, которые состоят из словобуквофлексоидов. Будет ли она, эта книга, хорошей или плохой — судить вам. Но судить вам никогда не придётся, т.к. сказано: «Не суди!»

26.VI.80 А.Сергеев

На стр.2223 вы вновь знакомились с шедеврами А.Я.Сергеева. Три любимых цвета этого гения поражают своей совместимостью с традиционными флексоидами. Вы, конечно, помните «Зурбаганские шедевры» одиннадцатого флексборника. Там тоже использовались три этих цвета. Ещё раньше (уж и не помню — в — каком номере) вы могли познакомиться с тогда ещё флексоткрытием — цветофлексами А.Я. Сергеева. Разница между теми работами и нынешними (имеются в виду работы, в которых использовалось разноцветие) как вы можете заметить — большая. В ранних работах А.Я.Сергеев использовал разноцветие как фон, на котором рисовались чёрные флексоиды. Цветастость выполняла роль радужной междуфлексии. Теперь сам цвет становится флексоидом, получает законченную форму, перекликается своей внутренней жизнью с жизнью чёрных флексоидов. В «Воскресении» зелёная часть работы выполняет две роли сразу: это и флексоид и фон одновременно. Красная и жёлтая части фоновость несут не так явно.

28.VI.80 Редакция.

62/63-b

?

А. Гризли.
Господи, как же
я хочу спать.

— Иди, Морноко, иди! Ты растворишься в голубом;
ведь ты хочешь раствориться в голубом?!?

5/VIII-80 Ал Серый

63

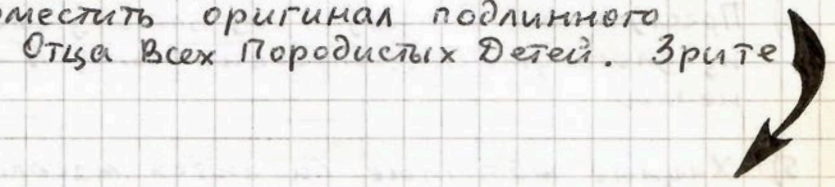
Выдержки из статей Великого Мастурбатора, оставленные им в 18м номере.

/Перепечатано Редакцией 21го сборника, перевод с Бельского Котова/

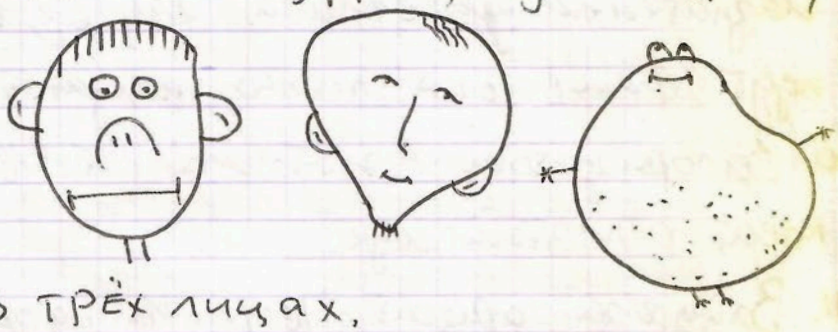
Брысь — под ногой, противный воин долой,
Уйди с дороги моей, разлад немеркнущих щей.
Дело сказал, тебе убить приказал,
Возникли мрачные щи, ищи прогон и свищи.
Самый наглец почуял в небе свинец,
Дрожит нечистый герой, его мы любим порой.

граф Бельский

Ныне редакция имеет великолепное счастье поместить оригинал подлинного творчества Отца Всех Породистых Детей. Зрите



Со страниц на вас взирает Вечный Суффикс, Неделимое Грыжа, В. Бельский. →



ЕДИН В ТРЁХ ЛИЦАХ.

Истинное наслаждение, которое получает зритель, любуясь Неделимой Грыжей, может продлиться, если перевернуть эту страницу.

Вертай и не боись!

64

Коль скоро мы вспомнили о великом Мастурбаторе, то значит подошло время и предать гласности его великолепные логические уроки. Они тоже были помещены в 18м сборнике. Вот перепечатка:

Урок логики:

1) Ночью все кошки серы, т.к. ночью все они сереют.

2) Все квадраты суть параллелограммы. Ни один параллелограмм не есть треугольник. Следовательно, все они равны нулю.

3) Этот смертельный удар нанесён человеком, обладающим огромной силой. Обвиняемый не есть человек, обладающий огромной силой. Следовательно, обвиняемый выкрал силу и нанёс удар.

4) Преступники действуют из злого умысла. N не действовал из злого умысла. Следовательно, N — преступник, но не злой.

5) Хищные животные питаются мясом. Тигры суть хищники. Следовательно, тигров заставляют питаться мясом.

6) Ни одна несправедливая война не может быть оправдана. Некоторые несправедливые войны были успешны. Следовательно, целесообразно торжество несправедливости.

7) Все научные сведения полезны. Химические сведения научны. Следовательно, полезны только химические сведения.

8) Молодость счастлива тем, что имеет будущее. Ты стар. Следовательно, ты попал в счастливое будущее.

9) Лед скользок. Ты шёл по льду и упал. Следовательно, упасть на нескользкой поверхности ты не можешь.

А вот и самое главное в учении В. Бельского: опрокидывающий всё лозунг Вечного Страха-

ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ТВОЙ ЛЮБИМЫЙ ВЕЧНЫЙ СТРАХ ВСЕГДА С ТОБОЙ!

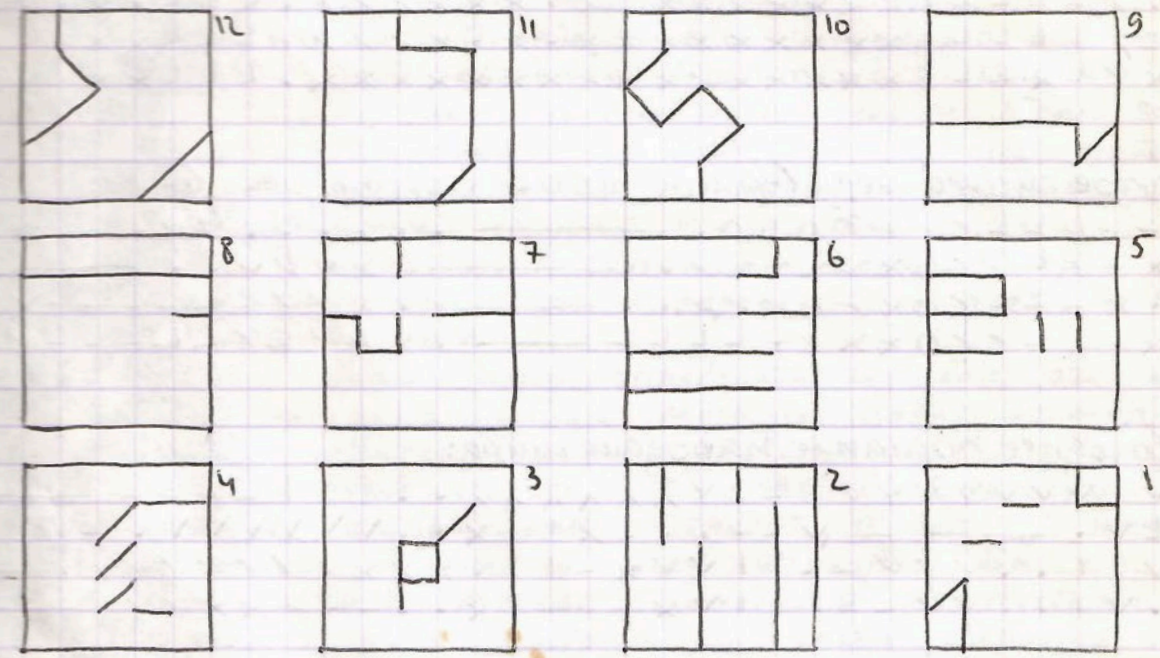
В. Бельский, самодержец

Изречения:

1. Да здравствует флеке - поработитель свободы и человечности!
2. Смерть врагам и врагам флеке!
3. Да здравствует наш вечный страж, ура!
4. Позор зверям, людям и богам!
5. Не сотрем ничего существующего!
6. Уничтожим правых, средних и левых!
7. Вечная слава незыблемому нулю!
8. Отменяется всё во имя ничего, ура!

* * *

Большая тайна:

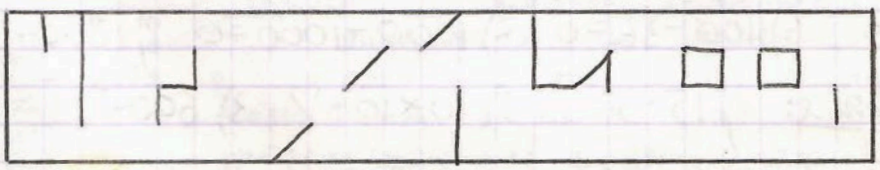


Кто прочтёт Большую тайну, тому даруется Вечное Безумие.

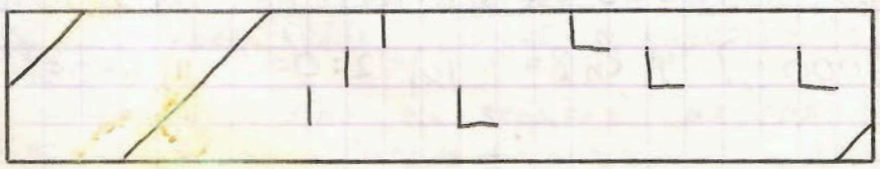
* * *

А здесь Вам дается возможность прочесть ответы на все существующие вопросы:

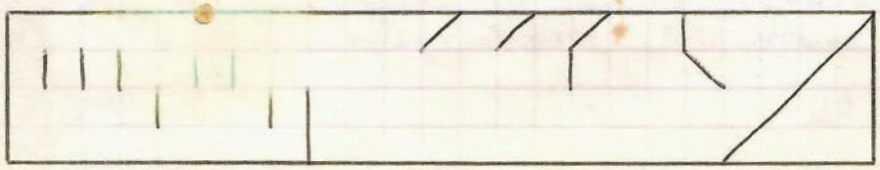
а)



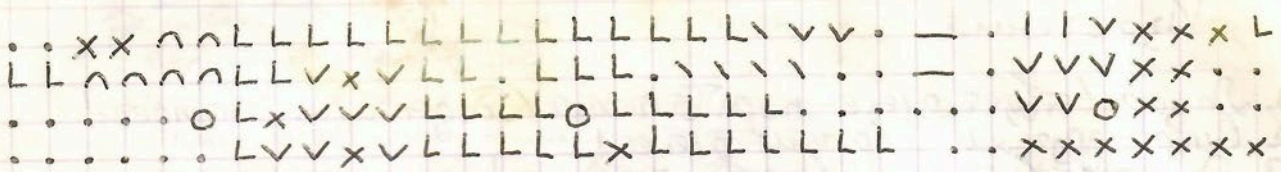
б)



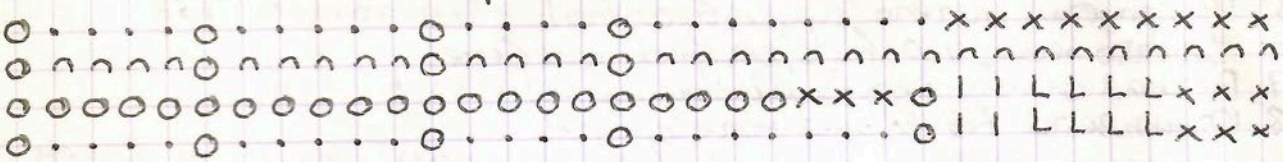
в)



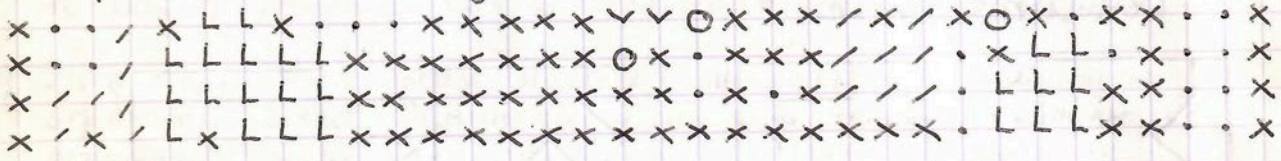
Письмо Котову:



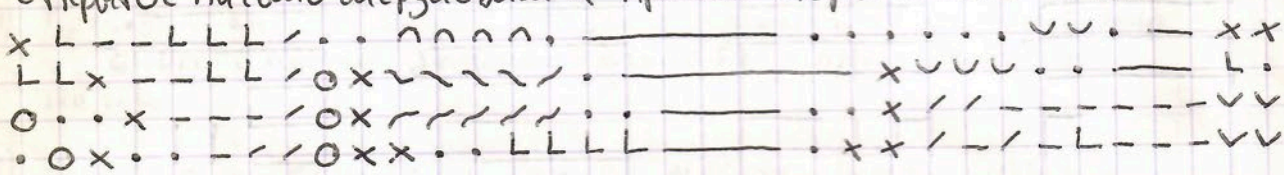
Письмо Сергееву:



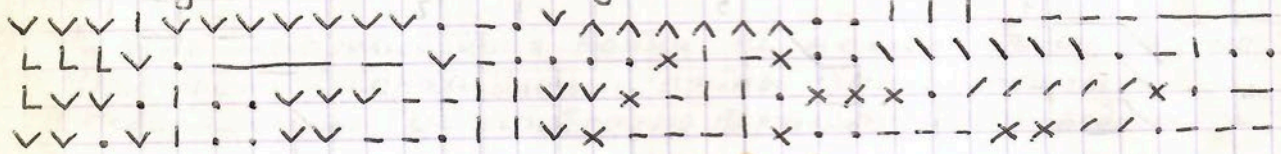
Открытое письмо негодяям и прочим сторонникам мира:



Открытое письмо мерзавцам и прочим сторонникам войны:



Новогоднее послание народам мира:



* УРОК АРИФМЕТИКИ. *

Аксиома: Любое действие равно нулю.

Примеры: 1) $\sqrt{4}=0$ 2) $2+2=0$ 3) $\log_3 100=0$ 4) $\sqrt[3]{8}+\sqrt[3]{5}=0$
5) $17+20=0$ 6) $100-36=0$ 7) $1000+1000=0$ 8) $800\cdot 860=0$

Упражнения: 1) $15-5=?$ 2) $10\times 10=?$ 3) $600+\sqrt[5]{3}=?$
4) $939-666=?$ 5) $9000^8=?$ 6) $8+8-3+1=?$ 7) $9:9=?$
8) $\log_{10} 10.000=?$ 9) $\ln 8=?$ 10) $2:0=?$ 11) $6\times 0=?$ 12) $0+0=?$

* * *

64/65-с

?

Хочу открыть вам, читатели, маленький секрет. Уже в течение нескольких месяцев я знаю то, о чём вы даже и не догадываетесь. Ну, и сейчас ещё вам не ясна моя секрета? Вот то-то и оно. Ладно, уж скажу: наша Москва — столица мира и моя родина — является ПРИМОРСКИМ городом. Я не шучу. Москва расположена на берегу моря. И не какого-то выдуманного и абстрактного, а моря с конкретным именем и географическим местоположением.

Москва — это черноморский город. А вы и не догадывались? Правда, правда, я уверяю вас — Москва покоится на побережье Чёрного моря. Выйдите как-нибудь утром, часов в девять на улицу. Если вы-натура не эмоциональная, то вам лучше всего побывать на Юго-западе столицы. Проспект Вернадского, освещённый огромным голубым небом, белые дома и воздух, напоённый запахами моря. Ветерок с моря пробегает по листве деревьев и поёт: «Я в море хочу у-плыть»

Я даже могу определять, так как это хорошо знаю, — какая улица Москвы ведёт к морю, а какая заворачивает к подножию гор. Как, вы и про горы ничего не знаете?! Вот уж поистине каждый живёт, как взбредёт, и что у каждого в голове — одному Богу известно. Вы что же, думали, что Москва находится в пустыне? Или, может быть, в центральной части европейской полосы со смешанными лесами? Ошибаетесь! Дудки, так сказать, вам!

С одной стороны столицы стоят высокие утренне-голубые горы, а с другой её омывают волны Чёрного моря. Вы, конечно же, никогда не были в московском морском порте. И не видели там скопления кораблей — посланников других стран и городов. Их паруса и мачты занимают всю московскую бухту и виднеются ещё далеко в открытом море, уходя к прозрачному горизонту. А разве может сравниться с московским заливом какой другой? Ну за исключением зурбаганского. И в Зурбагане залив также огромен, и там он глубок и волен, а впервые увидавшему море чудаку может показаться бескрайним океаном.

Вы ещё мне не верите? Зря, зря. Вы многое теряете, видя всё таким, каким оно вам кажется. Я славлю дальтоников фантазии и их почитателей! Лишь они имеют право существовать на нашей чудесной земле.

27.VI.80 Ал Серин

70

28

L L

O

O

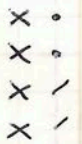
O O

O

Ot

X

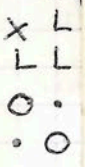
X



X

X

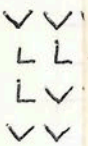
Отм



X L

L L

O



O

Ко

V V

L L

L V

V V

*

Ан

Пр

5) 17

Уп

4) 93

8)

*

Дальше по ходу действия

Листая журнал, на странице 71 (этого номера) можно обнаружить сложенный выцветший от времени листок. Осторожно его развернув, глаза устремятся не на флекс, а на Почётную грамоту.

Да, это реликвия. Она хранилась сначала в сундуке, затем в 18м номере. Это то время, когда Котов работал в аптекоуправлении главным управителем всех аптек и флексистов, одновременно являясь тем именем и символом, в честь которых была названа Академия Московских Флексотворцев. То были годы расцветов и рассветов.

Ой, годы идут! Котов пропил бо́льшую часть своих аптек. Сначала был понижен в должности и переведён Главным хирургом первой градской больницы. Но все 108 операций, кои провёл Котов, закончились смертью не только оперируемых, но и асистентов Главхирурга.

Котова разоблачили и уволили. Теперь он обычный трудяга, стоит у станка и варит сталь, куёт руду, сеет плов, добывает орала и марганец. Жизнь, конечно, не сладкая, но всё же возможная. К тому же рабочая неделя Котова состоит из одних выходных. Судите сами: он работает всего 2 дня, затем наступает отдых. И деньги есть, и валюта. Но чего-то потерял Отец Флекса.

Может быть Флекс потерял? Не хочется верить. Может опоили его приворотным зельем? Да он и раньше хлестал. Какая-то злоба в нём родилась, ненависть какая-то чёрная. Такие чувства известны истории. Руководствуясь ими, люди отрывались от станков и шли свершать пролетарские революции. Да, ужасна народная злоба, она может привести ко многим изменениям. Чего терять рабочему, кроме своего станка-якоря?

Если судить по истории, то и раньше находились умные люди, которые подсказывали революционному трудящемуся — как и что надо делать, помогали. Если трудящийся не слушал совета, то проигрывал. Так и я попытался помочь

66

волнуемому духу Котова, однако был не понят. Котов не захотел подчинить свою рабочую честь и гордость, хотя никто этого и не желал.

Да, народ вспыльчив и горяч, не любит, когда его поучают. Мол, сам знаю, сам смогу!

Так вот, Академия московских Флексотворцев в спешном порядке занялась сбором средств для спасения Котова. Намечается переоборудование нескольких городских памятников с целью изменения их внешности, которая должна полностью соответствовать внешности Котова.

Особое внимание учёные обратили на памятник первопечатнику Фёдорову. Уже начаты работы по съёму головы скульптуры, а умельцы псковщины уже приступили к созданию портретной головы Котова. Замена произойдёт в 1982–1983 г.г. Изменится и текст памятника.

Всё это делается с целью поднятия духовных сил Котова, его морального возрождения. Рядом с каждым переоборудованным памятником намечается устройство скульптуры Афродиты так, чтобы с любого угла обозрения взору представлялся единый ансамбль.

За лучшие работы будут выплачены крупные премии.

Не обошлось и без курьёза. Один из соискателей премии был пьян и ввиду своего состояния совершил смешную нелепость. В его проекте по переоборудованию памятника Фёдорову Афродита была слишком явно введена в общий ансамбль, она заменила тот лист бумаги, который держал в руке первопечатник, и создалось впечатление, будто Фёдоров-Котов душит несчастную богиню. Комиссия отметила этот проект особой премией — 6 руб. 40 копеек, на руки соискателю выдали булькнувший эквивалент.

Соискатель удалился,
Выпил водку
И удавился.

16.12.81.

А.Я. Серия

Названия Котову
17/XII-81
А.Я. Серия

Помните ту песню, в которой поётся о том, что человек весь мир раскрасил в чёрно-белый цвет? Смысл песни суров, правдив, но сделан людьми, далёкими от Флекса. Да, чёрно-белый мир — это грустно. Чёрно-белые люди, чёрно-белые дома, чёрно-белые мысли и желания, чёрно-белые надежды. Чёрно-белая песня. Что может она дать? Лишь чёрно-белое восприятие этой песни.

Флекс зародился чёрно-белым. Его сущность тоже чёрно-белая. Но эта чёрно-белая сущность флекса способна раскладываться на цветовую гамму человеческой чувственности. В том и отличие чёрно-белого Флекса от просто чёрно-белого цвета. Вот Флексист нарисовал чёрно-белую флексработу. Я пойми эту работу, и в твоих недрах отразится это понятие множеством цветов, присущим твоему индивидуальному восприятию того или иного штриха работы.

Передо мной работа А.Гризли «Не зря!». Левая нижняя с острым внешним контуром часть флекса воспринимается мною как красно-зелёная скорбь и усталость. Вверх эта часть уходит коричневым выкриком и смачно чёрным желанием иметь бо́льшее число флексработ. Вправо — синим, переходящим в голубой, цветом радости за сегодняшний день.

То есть чёрно-белые флексы потенциально имеют цветастость, даже бо́льшую, нежели тот мир, который наполняет автора. Все флексы, в которых применяется иной цвет (т.е. не чёрно-белый) являются работами, где автор заостряет внимание зрителя на том или ином участке своих выкладок, придавая им определённый цвет — тот, в который они окрашены в сознании самого автора. Цветофон — — это обман, явное надувательство. Флексоиды на цветофоне дезинформируют зрителя, т. к. он воспринимает ложную взаимосвязь флексоидов с фоном. Она ложна потому, что цветофон создаётся человеком с индивидуальным подходом ко всему, в том числе и к Флексу. Это путает и сбивает зрителя. В большинстве случаев он получает лишь удовольствие от просмотра таких работ, не чувствуя своего единения с Флексом. Цветные флексоиды — меньший обман, т.к. в цвет окрашены лишь отдельные флексоиды, т.е. лишь они могут не соответствовать восприятию зрителя. Если всем людям дать алфавит, и попросить окрасить каждую букву в определённый цвет, то получится огромная масса поразному разукрашенных алфавитов. Очень мало, почти ничтожно мало, будет одинаковых. Так и во Флексе: каждая закорючка, да ещё во взаимодействии с другими закорючками имеет свой цвет, зависящий от индивидуальных качеств каждого зрителя. Вот почему Флекс рождён чёрно-белым. Чтобы своей чёрной белизной объединять, а раскладывающейся

И НЕ ВЫБРАТЬСЯ ОТСЮДА НИКОГДА ...

А. Гризли.

67

Четырнадцатый ?!..

14й Флексосборник, как помнят ценители Флекса, был начат Сигэрой Омой. Кстати о нём. Сигэру Ома — японский ясновидец — пришёл на Русь пешком. Другие говорят, будто он родился на Руси, вроде он и не японский ясновидец, а русский бродяга. Третьи нос воротят от всего: — Сигэра — не Сигэра, — говорят они, — Тем более он не Ома. И не бродяга он, а удельный князь.

После такого заявления третьи ломается спать и больше не обращают на вас внимания. Однако, и это не всё о Сигэре. Есть четвёртые. Они скромно улыбаются в свои усы, качаются на мысочках, а потом прильнув к вашим бакенбардам шепчут: — Он — Император!

Вы шарахаетесь в одну сторону, четвёртые в другую. Их больше вы не найдете, а жуткая тайна уже начинает тяжёлым кирпичом давить вам на мозги.

— Импе... — хотите вы сказать и задыхаетесь от спазм в горле. — ...ратор!

Сердце стучит так, что прохожие оглядываются на вас и крутят пальцем у виска. Подскакивают какие-то штацкие, хватают вас за рукава и тараторят:

— Что, что, что вам сказал тот гражданин? Что он сказал? Что? Отвечайте, отвечайте! Чего молчите! Что-что-что вам сказали? Ну?

И трясут, трясут вас за ваши седые пейсы. А вы стоите и молчите.

— Да. — наконец говорите вы и идёте к метро. За вами бегут штацкие:

— Хуже будет! — грозятся. — Что-что вам...

Толпа прохожих оттирает их, их давят мчащиеся троллейбусы и автомобили. Наконец, вы едете в вагоне, вас сжимают со всех сторон, толкают. Вы уже забыли о том, что вам сказали четвёртые. Толи дегустатор, то-ли Улан-Батор, или вентилятор... Зачем всё это? И так забот хватает. На нужной остановке вы вываливаетесь на платформу и растворяетесь среди толпы.

Я мало верю всем. Даже — вообще не верю. Я знаю истину: Сигэру Ома — Флексист, игрок.

68

Плохой ли, хороший ли — не важно. У него есть потенциал для Игры. На сколько он его использует — вопрос иной. Все мы играем по разному и в разной степени.

Звонили по телефону. Полушария получили сведения и, включив на коня, помчались в заданном направлении. Мела метель. Полушария спешились, привязали коня к чьей-то отвердевшей на морозе ноге и углубились в тёмный переулок. Он постепенно перешёл в канализационный ход. Шаги гулко отдавались впереди. Послышался разговор и стих. Полушария на всякий случай прижались к слизким стенам хода. Прогремел выстрел, трассирующая пуля прожгла темноту и вязгнула в кирпич.

— Стой! — послышался голос Четырнадцатого, кто-то ещё дышал возле него. Полушария брызнули автоматной очередью на голос, раздался крик, тяжелое тело упало в воду. Плюханье убегающего, одиночные выстрелы с разворота — так завершилась первая встреча с удравшим Четырнадцатым.

Полушария подошли к убитому. Это был Степан. Осмотр показал, что он не убит, а сильно пьян. Степан пошевелился.

— Встань! — Полушария пхнули кованым сапогом в алкаша.

— Не трись! — Степан, пошатываясь, встал. — Не трись, гварю!

Холодный блеск ножа напомнил полушариям летние зарницы. Нож свистнул над пригнувшимися Полушариями и высек искру о стену. Под дых и в щёку — как учили Полушария на уроках каратэ. Степан вновь упал.

— Сё, алды. — хрипел он. — Алды, грю, вяжи!

По железной вертикальной лестнице Полушария выбрались на улицу. Метель давно утихла. На ровном, ослепительно белом в свете фонаря снегу отчётливо виднелись босые следы человечьих лап. По гигантским размерам можно было судить, что здесь прокрался Четырнадцатый.

Полушария пошли по следу.

17.12.81. Ал Серый

Дальнейшие сведения о преследовании Четырнадцатого Полушариями Редакция будет опубликовывать по мере их поступлений.

ПР Редакции.

на радужность сутью развивать индивидуальности.

Так что, если бы мальчики из «Машины времени» были флексистами, то они бы не огорчались чёрно-белому цвету. Другое дело, что многие челобречки окрашены в чёрно-белый цвет. Но ведь это не страшно, потому что у них судьба такая!

Короче, приведу ещё один пример не в пользу цветастости во Флексе. Например, у меня такая-то заковыка имеет красный цвет. Я её и рисую красной. Но у зрителя такая же заковыка имеет зелёный цвет. И он видит мою красную, он конечно ничего не понимает и становится лишь ценителем моего умения пользоваться красками. Нарисуй я эту же заковыку чёрной — всё встанет на свои места. Моё красное отношение к этой заковыке посредством чёрного цвета правильно и зелено воспринимается зрителем. Он начинает проникаться моей заковыкой, т.к. понимает её, видит её тою зелёной лакомой штучкой, которая для меня есть красная. Понимаете? А? Ну это же обыкновенный дальтонизм фантазии, вошь побери! Да-да, полёт фантазии, раскрутка её и мысли. Поняли вы наконец? Ну и молодцы. Люблю я вас за это.

28.VI.80 А.Сергеев

УНІМАНИЕ!

(Экстроэкстренное сообщен.)

Вчера поздно вечером во дворце Императора были собраны в одну залу посредством усилий Сигэру Ома представители двух враждующих группировок. Ими были: с одной стороны — А.Я.Сергеев, с другой — В.В.Котов и Б.Олег.

Переговоры протекали в исключительно сердечной обстановке, наполненной обильными признаниями в любви друг к другу всех сторон.

Император вынес вердикт, коим этот — 15-ый — номер с 4/VII-80 будет считаться 18-ым.

5/VII-80 Редакция.

На странице 30 помещена работа небезызвестного А.Я.Сергеева от 6/VII-80 «Наше время иное — лихое».

Редакция

Понравившийся мотив.
7/VII-80 А.Я. Серпов

Поми́лꙋй, мѧ̀ гдⷭ҇и, ꙗ҆́кѡ не́мощенъ є҆́смь.

6/VII-80 А.Я. Серпов

69

Зазвонил (в который раз!) телефон.

— А, — говорю в трубку, мгновенно вспоминаю кое-что и быстро добавляю: — Ллло!

— Что? — спрашивает голос Котова.

— Алло, говорю. Понял?

— А... Понял.

— Что — а?

— Понял, говорю.

— Ну, тогда — здорового.

— Прифет.

— Ребята, не мешайте спать, — вклинивается в наш разговор кто-то невидимый.

— Что-что?! — в один голос изумились я и Котов. Котов чем-то лязгнул, не то новой вставной челюстью, не то кинжалом.

— Кончай базар! — заорал невидимый. Я услышал шум борьбы, стоны и глухие удары. Наконец всё стихло, лишь шуршала плёнка магнитофона у подслушающего устройства.

— Эй! — позвал я.

— Прикончил я его. — тихо сообщил Котов.

— Кто такой?

— Не знаю. Какой-то мужик в пижаме.

— А чего он к нам придрался?

— Спать мешали.

— Как так?

— Очень просто. Слишком громко говорили.

— Он твой сосед?

— Да как тебе ответить... Может и сосед. Но живёт он в Туле.

— Туляк, да?

— Ага. Он спать собирался лечь у себя в Туле, снял телефонную трубку, а там как на грех наш разговор просачивался. Вот теперь бедняга погиб.

— Как же ты в Тулу так быстро пробрался?

— По проводам.

— Понятно. Ну, давай!

— Давай!

В этот день больше никто не звонил. В окно стучались — это правда. Дверь ломали — — врать не буду. Но по телефону не звонили. Нет, не звонили. Может быть собирались позвонить, но не позвонили. Что-то помешало. Мало ли что может помешать. Хотел человек позвонить, потрепаться, с наступающим поздравить, стал к телефону подходить и вдруг — БАХ! — — сердечный приступ, кровоизлияние в мозг, апоплексический удар или жена зарезала. Мало ли что! Да...

17.12.81 Сергей

70

— Как? —

Такой вопрос вдруг заёрзал у меня в мозгу после звонка Котова. Да, как я смогу дать ему этот сборник, после того что в нём понаписал? Конечно, написано всё верно и справедливо. И Котов написал много гнусного — уж постарался, уж сожрал килограмм сахара перед тем, как приступить к писанине. Факт!

Я же предполагал, что Котов умрёт и ему сборник увидеть не придётся, разве что заглядывая в него из-за моего левого плеча. Но я туда очень часто плюю. И всё равно. Надо же, Котов не помер. И о сборнике говорил, просил его. Как же я, а? О, а! Хрен с ним. Пусть читает, может поумнеет. Да и пока до этой страницы доберётся, может ослепнет, или его в армию забирут, в Афганистан отправят, может его трамвай переедет. Бывали же такие случаи. Вон, во вчерашней «Московской правде» писали как какая-то Аннушка-вагоновожатая отрезала трамваем голову некоему Берлиозу. А он — уважаемый в городе человек. Да, такие дела. А вдруг — Котов с ума сойдёт? О! Чего же я кручинюсь! Точно, бояться и нервничать нечего — Котов же моих статей не читает! Он же даёт свои „ответы" по кем-то написанным шпаргалкам. Конечно, такой метод ответов постоянно будет комичным, и относиться к нему серьёзно не следует. Так что, отдам Котову этот номер. Извиняюсь: эти номера — восемнадцатый и двадцать первый. Ай! Вспомнил! Ведь и Сигэру может прочесть эти страницы. Вот уж рыдально мне станет! — Где мой четырнадцатый?! — — заорёт Ома — Хочешь, падла, объединить его со своими? Не дам, понял! Убью!!!

А ведь не исключена и такая возможность — убьёт, ей-ей, убьёт. Да и Котов ему поможет. Ничего, я с собой чего-нибудь возьму. Такое, что может придать будущему разговору спокойное течение, на лицах разговаривающих будет мерцать милая улыбка СТРАШНОГО, просто УБИЙСТВЕННОГО понимания, взаимоуважения. Да, завтра встретятся три Флекскумира, Братья по крови, близнецы Духа, любящие друг друга нежные сердца.

Да здравствует Флекс! Да здравствую Я! Ура мура! Ура ора!

17.12.81. Ал Сергий

70/71-а

Пардон, но на странице 28 помещена совместная работа. Её авторы известны всем. Это — А.Я.Сергеев и А. Гризли.

Впервые сборник Флекса имеет возможность предоставить свою страницу цветной диафлексии. Это ново, а следовательно — хорошо. Ведь ещё великий Балькатаур говорил: « Всё новое может быть только хорошим и не иначе, так как это пришло мне в голову.» Кто такой Балькатаур? — спросите вы — и чем он велик? — спросят за вас.

Отвечу: — Балькатаур был от рождения мужчиной, но где-то к середине жизни стал женщиной. Чем он велик? Своим телосложением и популярностью среди бегемотов.

По настоятельному требованию Императора (а ему я подчиняюсь беспрекословно) я вынужден вновь сотрудничать с группой Котова. Это решение Император обосновал довольно весомым доводом — в сложившейся ситуации разногласий между мной и Котовым могут понести урон детища почти шестилетнего дела — Флексосборники, т.к. встал вопрос о дележе их внутренностей, следовательно, исчезновения сборников как таковых.

Я, естественно, подчинился Императору. На переговорах 4/VII-80 в Ставке были достигнуты некоторые конкретные соглашения по поводу этой совместной работы.

Но сейчас, сидя в своём за́мке у негреющего камина и слушая популярные в среде разжиревших рантье песенки, моя голова не может избавиться от навязчивой мысли: — Как? Как можно иметь общее дело с тем, кому больше нет доверия, кто стал для меня более чем чужой?

А за окном опять заварили самый чёрный кофе; а мой чай остыл; а комаров с улицы налетела тьма; и ночная бабочка с мордой бульдога яростно атакует лампу, но, осознав своё бессилие, в бешенстве пикирует мне в лицо.

Как быть? Жё не знаю. Одним словом — полнейший тужур. Мерси и на этом. Ну чтож! Щука из меня получилась неплохая, в узде флексистов держал исправно. Пора́ и лирикой заняться. Буду тихонько флексовать, помалкивать да продолжать жить в прекрасном мире Флекса. Траля-ля-ля-ля ля, ля-ля.

6.VII.80 А.Я. Сергеев

70/71-b

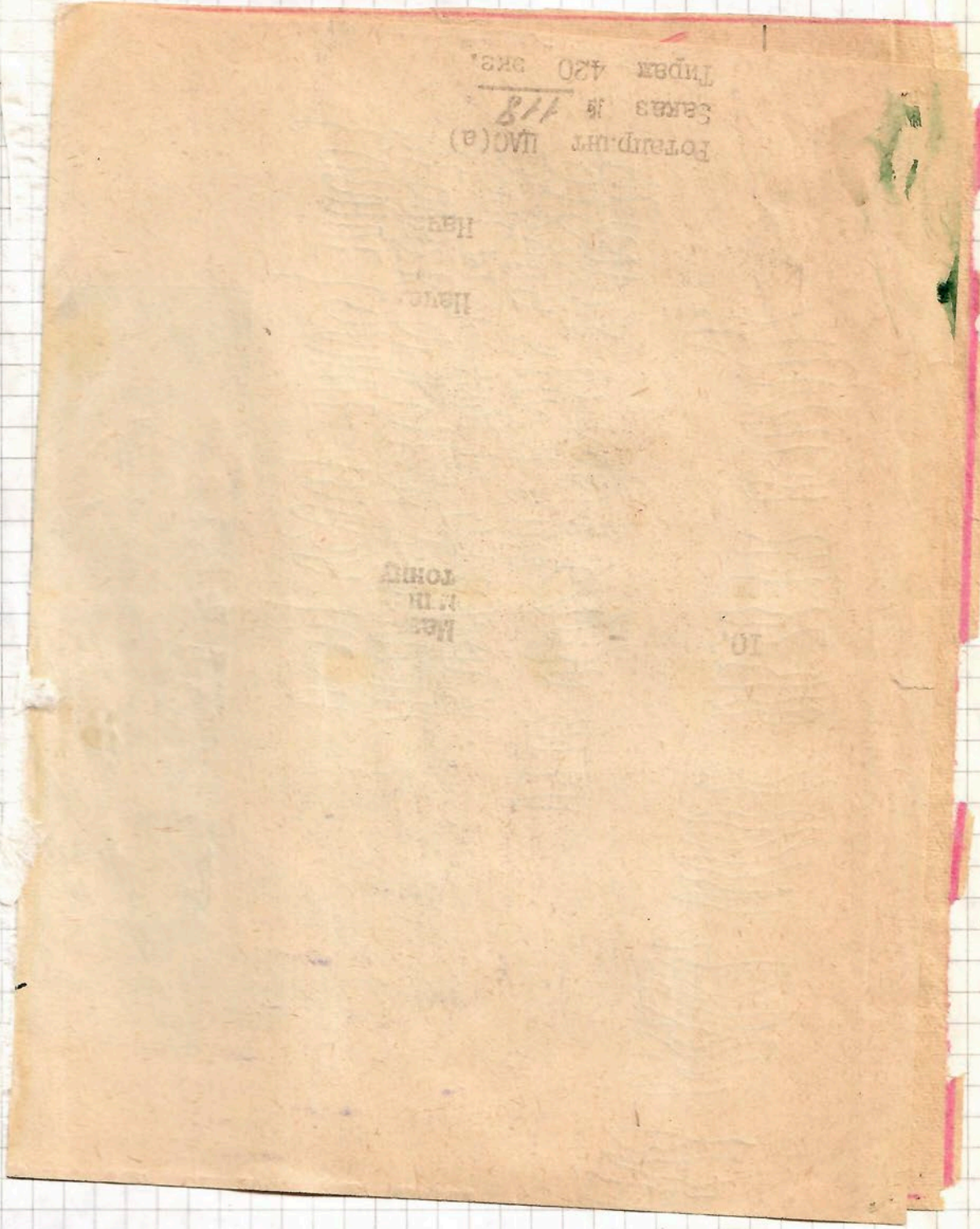
Клятва:
-Злодейство будет отмщено.
9.VII.80 АЯ Серый

ДФ

Святому Даниилу
Атака Грязи. АЯ Серый
9.VII.80

71

Осторожно! Реликвия.



Ужри, но не дыши!!!

Клятва:
-Злодейство будет отмщено.
9.VII.80 АЯСерпъ

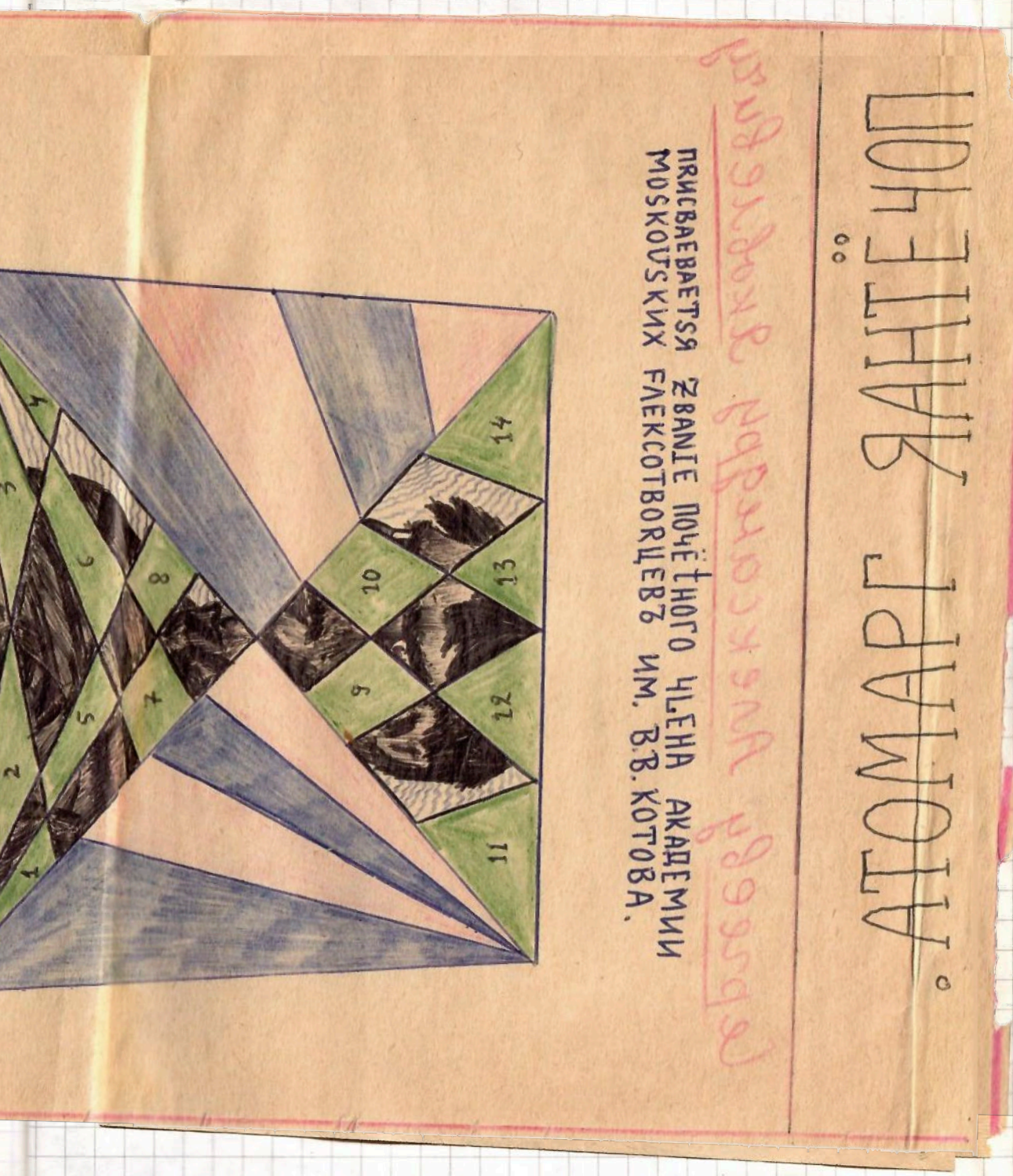
Солнце Солнце Глаза Неба
Человек лежит и думает
Зачем я зачем откуда я
Откуда кто я кто
Человек человек глаза неба

Правда шерсть зеленая человеку рад

ДФ

Святому Даниилу
Атака Грязли. АЯСерпъ
9.VII.80

Осторожно! Реликвия.



Умри, но не дыши!!!

ПРИСВАЕВАЕТСЯ ZВАNIE ПОЧЁТНОГО ЧЬЕНА АКАДЕМИИ
MOSKOVSKИХ ГЛЕКСОТВОRЦЕВЪ ИМ. В.В. КОТОВА.

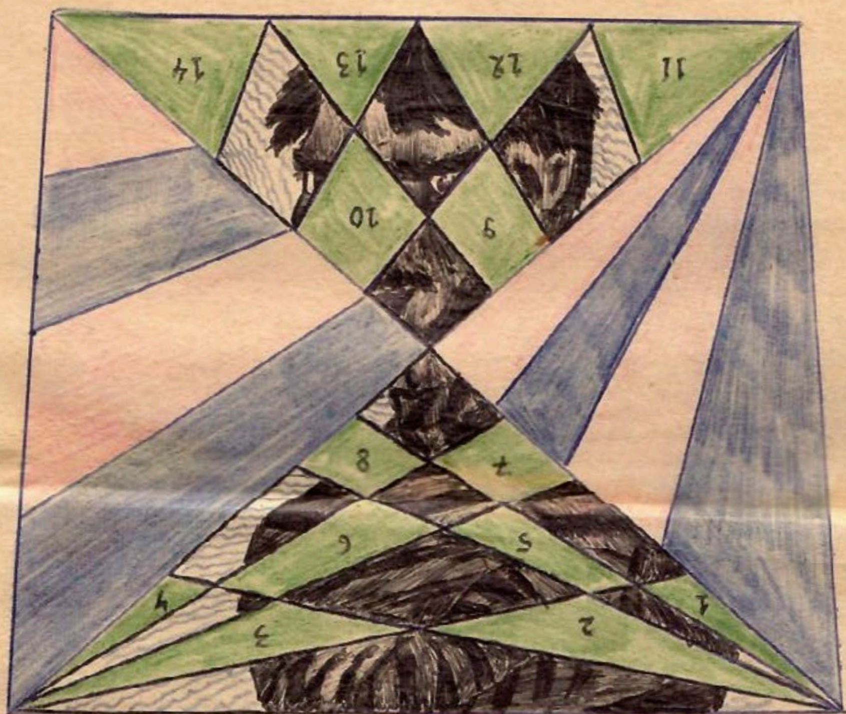
Солнце Солнце Глаза Неба
Человек лежит и думает
Зачем я Зачем откуда я
Откуда кто я кто
Человек человек глаза неба

Трава шерсть земли человек рас

ПОЧЁТНАЯ ГРАМОТА.

Сергееву Александру Яковлевичу

ПRИСВАЕВАЕТSЯ ƵВАNIE ПОЧЁtНОГО ЧЛЕНА АКАДЕМИИ
MOSKOVSKИХ FЛЕКСОТВОRЦЕВЪ ИМ. В.В. КОТОВА.



Солнце Солнце Глаза Неба
Человек лежит и думает
зачем я зачем откуда я
откуда кто я кто
человек человек глаза неба

Трава шерсть земли человеку рай

72

Для потомков.

Многое станет в будущем достоянием гласности. Станет известно и о многих мелочах и деталях жизни и быта флексистов. Чтобы хоть как-то облегчить труд будущим исследователям спешу описать рабочий стол в моём кабинете.

Размер крышки стола — 51см × 51см, т.е. 2601 см². Из условия, что сейчас 6-е июля 1980года, 1час 43минуты по московскому времени на столе находятся:

Флексосборники №№: 11, 13, 18; кофейник с крепким, очень крепким, я бы даже сказал: очень-очень крепким чаем; кружка из дешёвого фаянса с изображением драматического похищения лисой несмастного петушка; три фламастера с любимыми мною цветами — красным, жёлтым, зелёным; ножнички; гвоздь для прокалывания в процессе подшивки сборников; молоток — первый помощник гвоздя; пинцет для ловли бабочек-бомбардировщиков; три шариковых ручки, лишённых отечественной лёгкой промышленностью стержней с чёрной пастой; наручные часы; два коробка спичек; пепельница с двумя окурками и одиннадцатью трупами спичек; вязальная ржавая спица; верёвочка — остаток от той, которой я сошнуровал Волчью Почку; листы бумаги; пузырёк с клеем; кассета плёнки; моя рука с причудливо скрюченными пальцами, держащими ту самую шариковую ручку, которой пишется эта статейка; отрезанная вчера на Казанском вокзале голова казанского татарина; крупнокалиберный пулемёт Земля-Воздух; связка гранат со слезоточивым газом; досье на Картера; взятка в сумме шести миллионов франков; гусеница от танка; туша убитого на вчерашней охоте слона; ордена за оборону Тель-Авива; ордена за взятие Тель-Авива; кусок Царь-колокола; скелет Чарльза Дарвина; третья колонна Большого театра; связанный Крамаров; груда битого кирпича; и, наконец, тот, о ком писать не принято.

Описывать всю мою обстановку я просто не в силах. Скажу лишь ещё об одном. Гриб, что плавает в трёхлитровой банке, прильнул изнутри к стеклу своим одиноким глазом и с мольбой смотрит на меня. Взгляд этот неприятен тем больше, что грибовый глаз очень уж похож на глаз одного человека, памятник которому воздвигнут перед Детским миром.

6.VII-80 А.Сергиз

73

Стат-календарь 21-го выпуска.

До этой минуты в номере помещено работ: 38 ед.

Из них принадлежит	(шт.) (реакция народов СССР)
Сергееву	23,0 (аплодисменты)
Котову	8,5 (свист, топот, протесты матом)
Гризли	3,0 (смех)
Кролику	3,0 (недоумение, страх)
Братцу	0,5 (рёв негодования)

В процентах это выглядит так:

Сергеев	–	60,5 %
Котов	–	22,4 %
Кролик	–	7,9 %
Гризли	–	7,9 %
Братец	–	1,3 %

* Примечание:

На съезде флексотворцев, который проходил в Академии Московских Флексотворцев имени Котова В.В., было принято правило – диафлекс один, авторов два, значит, каждый выполнял половину работы, следовательно, в стат-календарях ведётся учёт: за дуэтофлекс – 50%, т.е. 0,5 работы.

Если же авторов в совместной работе больше, то эта работа учитывается ОСОБО. Как? Пока – секрет. Как появится такая работа, редакция, будьте уверены, найдёт способ раскрыть этот секрет.

Всего хорошего, читатель!
И смотри – не сдохни, как собака.

18.12.81.

подготовил: Ал Серый

74

Джесси и Моргиана
15.I.81. [signature]

25-ть лауреатов одиннадцатого сборника

Редакция 11-ого Флексосборника любезно предоставила нам список 25-ти лучших работ, помещённых в 11-ом номере. Вот этот список:

1. «Друг мой любимый, Друг мой единственный» А.Гризли, стр.4.
2. «Моим друзьям» А.Я.Сергеев, стр.8.
3. «Простуда» А.Я.Сергеев, стр.11.
4. «В полнолуние» А.Я.Сергеев, стр.16.
5. «Вот» А.Я.Сергеев, стр.17.
6. «Беседа с му-у-у-ужем о том, о сем.» А.Гризли, стр.21.
7. «Осень. Грусть» А.Я.Сергеев, стр.27.
8. «Флексоид № 5» А.Я.Сергеев, стр.39.
9. «Ёжик». А.Я.Сергеев, стр.41.
10. «Посвящаю трём любимым цветам» А.Я.Сергеев, стр.41.
11. «Монофлекс замкнутый» А.Я.Сергеев, стр.42.
12. «Енат» А.Я.Сергеев, стр.42.
13. «Флексоиды взвихрённые» С.Ома, стр.49.
14. «ухххуххххехехехе» В.В.Котов, стр.87.
15. «Рэнго Сёкигун» В.В.Котов, стр.94.
16. «Ибо» В.В.Котов, стр.98.
17. «Прошлое» В.В.Котов, стр.100.
18. «Прошлое Бедуина» В.В.Котов, стр.103.
19. «Январь Ордену и Сэнсею» В.В.Котов, стр.107.
20. «Путь» В.В.Котов, стр.114.
21. «Человек и бунт» В.В.Котов, стр.116.
22. «Гороскоп» В.В.Котов, стр.116.
23. «Если падают звёзды» В.В.Котов, стр.118.
24. «В пику моим друзьям» А.Я.Сергеев, стр.143.
25. «Усталое солнце» А.Я.Сергеев, стр.145.

На странице 36 помещена вверху работа А.Я.Сергеева «Богу нашему Иисусу Христу и всем святым угодникам» от 9/VII-80г.

А на этой странице — 37-ой — представлена двумя своими работами знаменитая Атака Гризли. Она продолжает свой цикл минифлексов, начатый ещё в 11-м сборнике (см. стр.25, 11 сборн.) Можно, кстати, и поздравить Атаку — в этом сборнике уже помещены её восемь работ, кроме того два шедевра Гризли передала в распоряжение 13-го сборника «Волчья Почка».

Урр-ра-ра-ра-ур,! Урр-ра-ра-ра-урр Атаке.

9/VII-199988000г. Редакция.

74/75-b

ОПЯТЬ
В ДУРАКАХ.
А. Гризли.

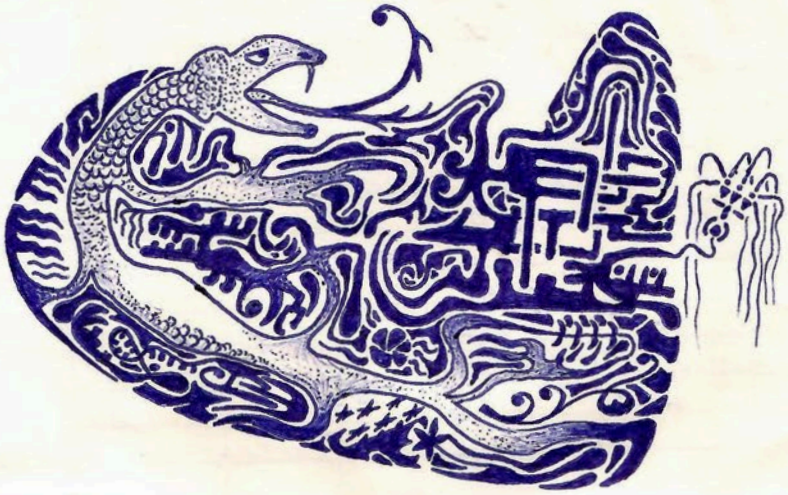
«Опять в дураках» – Работа, написанная шариком, пастой и рукой А. Гризли в тот вечер, когда эта знаменитость смогла просадить за несколько коков переводного дурака всё свое состояние — пять подмосковных заборов. Счастливым обладателем этих заборов оказался небезызвестный карточный шуллер Джордж Вопючкин.

Соб. кор. «Флекса»
Ал Серый

И этот — на жёлтой бумаге — флекс принадлежит шарику-духарику А. Гризли, о чём красноречиво свидетельствует подпись.

75

Я родился под созвездием
Рака
27.5.05 Ав Сергей



Я не имею
27.5.75 Ав Сергей

76

Окно, ведущее к
истине
5.6.75 А.Л.Серов

Воспоминание о великом множестве чёрных
крапинок на сизо-фиолетовой плоскости,
опускающуюся под грациозную волю. 6.6.75 А.Л.Серов

Следующая после работы «Богу нашему Иисусу Христу и всем святым угодникам» на стр. 36 представлена моя работа «Суета и месть» от 12/VII-80. В ней я как нельзя ярко показываю свое отношение к пошлости мирской суеты, не отвергая возможности и необходимости справедливого возмездия методом МЕСТЬ.

Что такое месть? Во-первых это целое дело, совершив которое можно гулять смело. Месть пробуждает в человеке справедливое чувство гнева. А как будет протекать этот гнев — зависит от благородства оскорблённого, от степени его гордыни. Как известно — чем меньше в человеке благородства, тем больше в нём гордыни. Мстящий с такими качествами страшен. Страшен своей земной сутью и неотвратимостью разъярённого зверя. Именно такими предстает основная масса мстителей. Есть благородные мстители. Их немного. Они страдают от мысли, что им придётся мстить, брать на себя ответственность, в конце концов заниматься тем делом, которое претит им. И они выбирают самые, как им кажется, благородные формы мести (дерутся на шпагах; кончают с собой самоубийством; играют с обидчиком в кости на смерть; презирают; бьют пощёчину, называют дураком и забывают и т.п.). Есть очень негордые люди. Они как будто не мстят. Но почему-то их враги и обидчики потихоньку и обязательно при неясных обстоятельствах или случайно погибают. Тих-тихо. Как будто их и не было. Таких мстителей совсем мало.

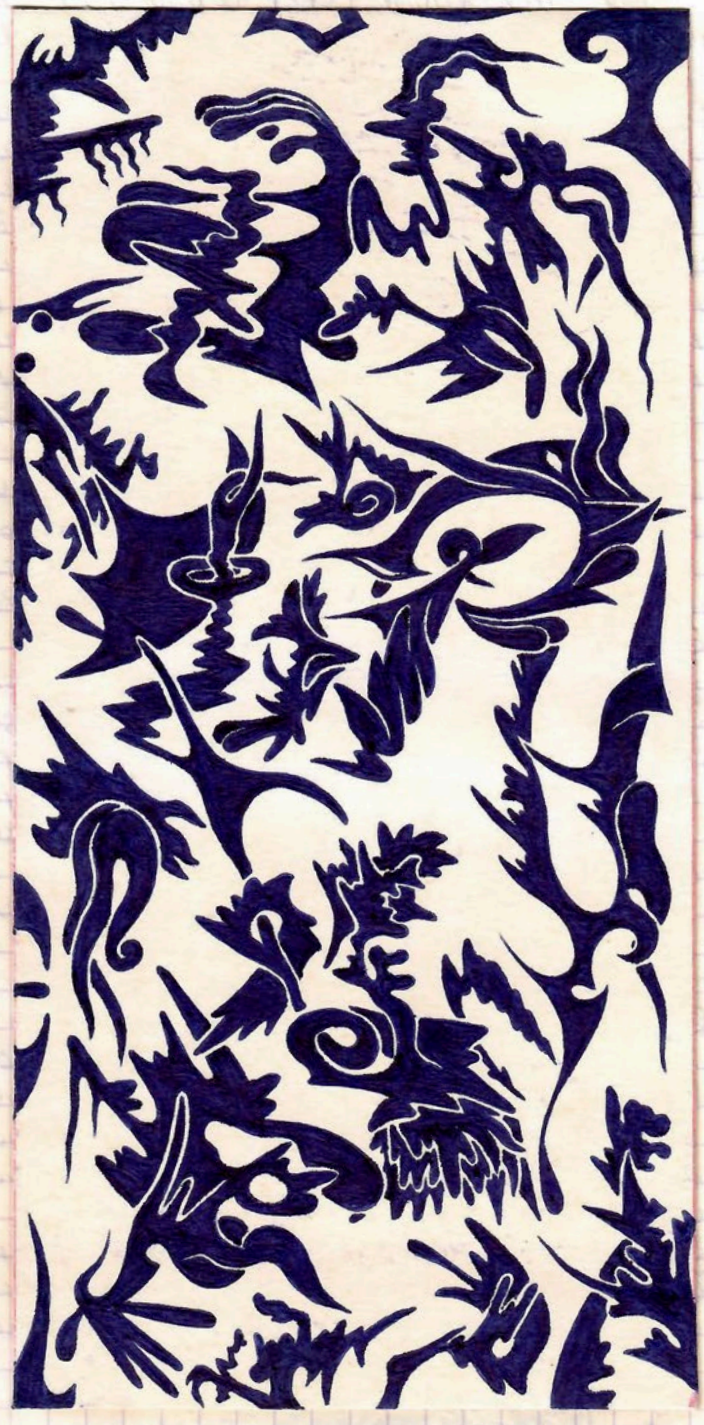
Вот так-то, дружок, в этом-то всё и дело!

Степан вдарил Никифора в ухо. Никифор не удержался на ногах и упал, задев лбом затылок Ивана. Иван вскрикнул от боли и пхнул Никифора ногой в живот. Никифор отлетел в сторону и причинил ущерб Николаю. Николай разозлился, схватил топор и отрубил Никифору руку. Никифор бросился бежать, но неткнулся на Сергея и разбил ему нос. Сергей схватил Никифора поперёк тела и бросил под грузовик. Грузовик перевернулся, шофёр Вася облил Никифора бензином и поджёг. Никифор забегал на склад боеприпасов и...

Что было дальше — всем ясно и без меня. Одно лишь скажу: кроме Никифора погиб рядовой Бабаян, охранявший склад, и старушка Ксюша, которой звуковая волна взрыва пробила череп в шестистах местах.

12/VII-80 А. Серия

76/77-b



77

Воспоминание
о ветре.
7.6.75 Ал Серг

1.6.75 Мои прожитые дни. Ал Серг

78/79-а

Стечением обстоятельств и самой историей мне отведена роль собирателя и хранителя флексоценностей. В этом деле мне помогает этот журнал. Да будет он счастлив на пополнения!

День назад в моих подмосковных владениях побывал Генеральный гонец Его Императорского Величества Сигэру Ома. Мы долго беседовали с ним о здоровье Императора, о его больном сердце (сердце у него болит по причине сердечной любви к своим подданным), о многом другом.

Сигэру Ома поведал мне несколько новых московских анекдотов про кое-кого, и мы долго, почти бесконечно долго смеялись, смеялись до тех пор, пока обессиленные и вздрагивающие не попадали штабелями на пол. Был мне доставлен и 14-ый сборник. Я его читал и остался им доволен. Очень понравилось про Хабермаса и его злогорькую участь борца за справедливость. Я плакал от переполнявших меня чуйств. С четырнадцатым сборником я в данный момент тоже работаю и веду его к заветному концу.

Так же имел я мужество ознакомиться с 12-ым сборником, который находится в крайне плачевном состоянии: как в физическом, так и в духовном. Дал туда актуалину.

А теперь, переверните страницу и погрузитесь в мир Флекса. Ведь только он может усыновить и удочерить вас — сирот нашего времени.

Хотя — подождите листать. Ещё я вам скажу кое-что. Редакция сборника подумала и решила отменить своё прежнее постановление о непомещении здесь работ начинающих авторов. Лучшие из этих работ будут занесены в этот каталог бессмертных шедевров. Пусть такой акт будет способствовать делу Флекса. Остальные работы найдут своё достойное место в архивах Флекса. Они будут принадлежать будущему, а будущее неведомо и непредсказано, т. что возможно дней через несколько архивные работы станут появляться и в Великом Каталоге.

18-ый сборник будет носить имя — ВЕЛИКИЙ КАТАЛОГ.

А теперь, читатель, листай ВЕЛИКИЙ КАТАЛОГ! И не трусь!

26/VIII-20 [illegible]

78/79-b

3. 1980
сентябрь.

Здравствуй, неведомый мне подготовленный читатель!
К чему тебя подготовили?
Достаточно-ли ты подготовился?
Будем считать, что ты готов.
А я — Котов, простой советский аптекарь, нашедший второе призвание в коллекционировании гармонически организованных замкнутых кривых, в тщательной штриховке, в подклеивании, в молчаливом восхищении, громовом негодовании, в Игре.

Почин аптекаря поддержали многие — многие, ну, скажем, люди. Меня хвалят слева и справа, критикуют слева и справа, осторожно догоняют сзади и поджидают спереди. Я знаменит. Я счастлив, мудр и хочу уйти в тень. Я люблю славу, вообще я человек южный, но такие славные дни приятно посидеть в тени, в умиротворённом созерцании работ Сергеева (справа) и хода истории (слева, вам не виден).

Здесь, в тени, я буду „проверять своё умение поговорить". А если уж честно — то ваше умение послушать.

Я люблю эту траву. Подорожник, череда и лебеда (белая марь). Я так часто дарю себя суете, усталости и тщательной штриховке, что совсем о них забыл. Подорожник заболел, поник и яркая его зелень покрылась какими-то белесыми пятнами.

Я допишу эту страницу и полью. Всегда знал, что лучше сила и бодрость без любви, чем слабость и усталость без пренебрежения к здоровью подорожника.

Я знаю, что всякая трава слышит наши мысли. Это иногда успокаивает меня. Но, увы, она тоже считает — и не без основания — что пусть бы уж лучше этот двуногий нас ненавидел, лишь бы сходил на кухню да принёс свой суррогат даруемых небом дождей. Небом, которое он у нас отнял.

— Иду!.. Всё, иду!

Итак, последнюю запись я сделал здесь двадцать шесть дней назад. Что изменилось с тех пор?

БЕСЕДУ ВЕДЁТ д-р Котов

Волчьих Почек Монарх

Похолодало. Заметно скопился осенний дух. А я — человек южный. Мёрзну. У Сергеева тоже не топили, но он написал в „Правду" — — теперь топят. А я пишу только в сборники. И нам отключили горячую воду. Из всего этого и многого другого рождается искусство вообще и флекс не в частности.

Подорожник совершенно сник. Зато непобедимая марь, необоримая лебеда плещет сверкальнозельной жизнью по всему подоконнику. И стебли, удалившиеся от ерундовой баночки, хоть и имитируют максимум пессемизма, но из корня пробился молодой росток, ещё ярче, развернулся, резной весь, — самый прекрасный флексоид в мире травы! — и даже в пасмурные дни кажется, будто на него ложится солнечный свет.

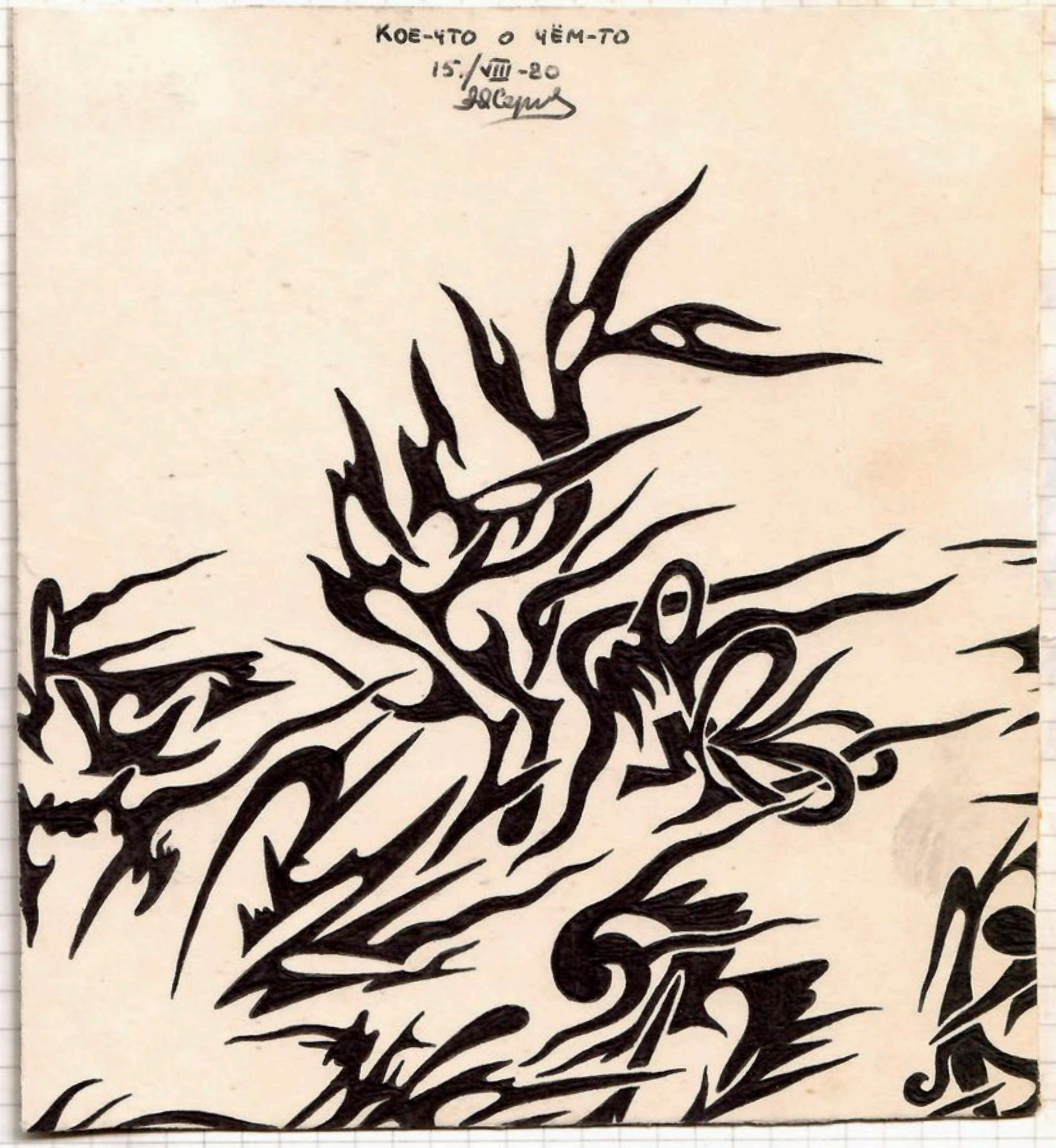
Это очень древняя лебеда. Она исчезает и вновь пробивается из заброшенного сосуда с убогой почвой вот уже ... миллиардье лет! Ну что толку, если я скажу, что всего-то года два-три? Ведь солгу именно тогда. Я ещё успею, — очень хочу рассказать и успеть, — я покажу вам самое древнее, — моё и ваше, — более древнее, чем история человечества, и много более настоящее, подлинное, реальное.

Надеюсь, этот пробившийся лист в моей беспризорной грядке увидет зиму из окон комнаты, в которой когда-то так же пророс флекс, увидит без страха и ненависти, — наш с ним дом — наша крепость.

Так же, без страха и без ненависти, когда-то увидели мир чернильно-синие глаза раннего флекса. Только для этих не двадцатого века глаз мир за нашими окнами — не временная зима. А может быть, впрочем, и совсем наоборот — — этот вечный декабрь мира за окном для них — лишь временный, временный, временный мир.

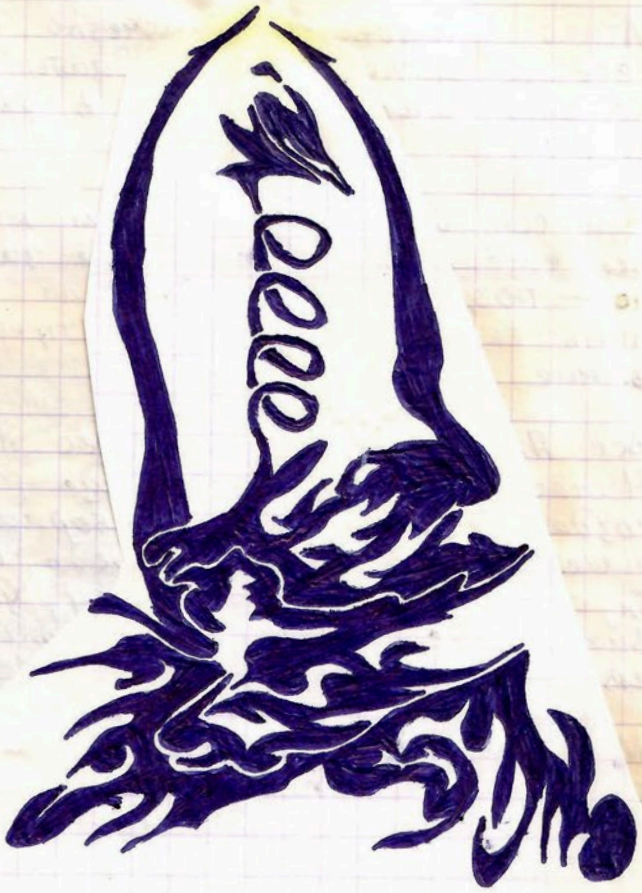
(см. стр. 46)

79



Моё бешенное
одиночество
1.7.75

80/81-а



Лампа макалывания.
Москва, 1980г, кв, Дж.
Джогер,

Москва, 1980г, кв, Дж.
Джогер,

80/81-b

Итако, флексдвижение исчезло. Флекспресс отпрессовал своё и заглох. Восемнадцатый сборник, т.е. Великий Каталог стал последним в ряду Великих Флекссборников.

Ещё есть и ходят по рукам какие-то сборники, всё ещё надеятся на своё завершение 14-й, 17-й, но — ПОЗДНО. Лошадь убежала. О движении можно лишь сказать одно — оно прекратило своё существование.

Всё. Амба. Алды. Йёк. Амес. Куку.
Несчастный доктор всё ещё на что-то надеется, создавая безномерные сборники. Он что-то ещё пишет и вклеивает, а ведь время его прошло. Глупо, Вовик, тю-тю Флексу, умчался он, как вихрь, как штопор, как солёный комод или свечковая волынь.

Мир праху твоему, Флекс Батькович! Хороший ты был чувак, поэтому спи спокойно на последнем своём ложе — страницах сборников. И пусть приснится тебе послесмертный сон: Великий титан Флекса, его поборник и защитник Александр Яковлевич Сергеев.

Так и подох ты, Флекс, никем не понятый и не оценённый по достоинству. Но я всегда с тобой, мой друг Флекс, я буду отлеживать твою копчину и призывать свою, чтобы быть с тобою рядом, господин Флекс.

Чао-какао!

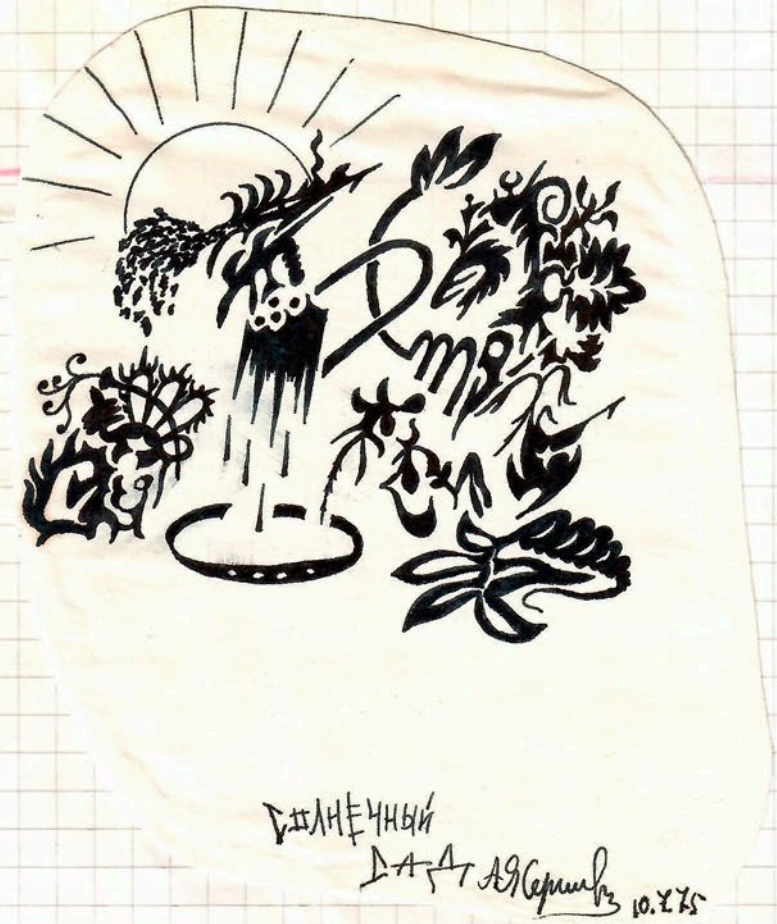
30/10-80 Ал Серг

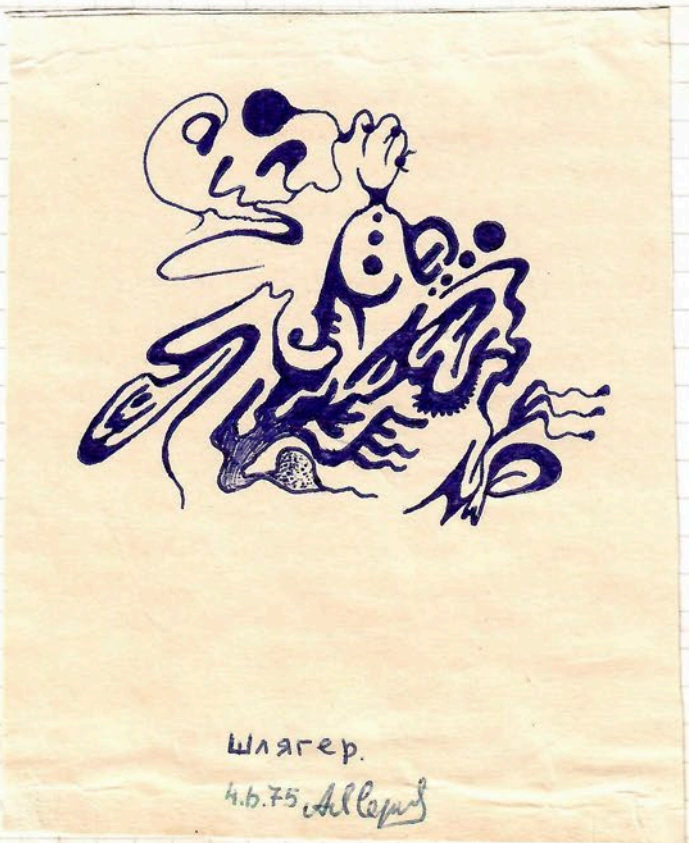
Незаконченная повесть

17.7.75 А.В. Серов

81

82





82/83-а

Здравствуй, Саша Сергеев!

Вот и настал черёд помирать 57-й странице.
Так тебе и надо, собака!
О чём писать? Да ни о чём! Напишу-ка я
тут своё стихотворение, а потом посмотрим.

Стихотворение:

Присказка — В стакане плескались, играя зарёй,
Четыре водицы с большой бородой.
Одна — вышла в поле и там умерла;
Другая — на крышу свистать в провода;
А третья — залезла в огромный бурдюк
И строила замки и рожи вокруг;
Четвёртая понни — упала в роман,
Откуда её положили в карман.

Сказка — Старая, старая, старая бабка
С заводом ручным и котлом на боку.
Она вылезала из серой пижамы,
Неся из сарая платок голубой.
Из носа старухи растёт кукуруза,
В руках — недотроги, скучая, сидят.
А бабка всё лезет, всё лезет, страдая,
И ноги её завились в хоровод.
Из вьюги смущений и пламя нужды
Её вынимают суровые звери.
Ты, жирный мужчина, сверни панталоны
И брось на съеденье старухе слепой.
Старуха чихает, старуха моргает
Своими газами с недлинной чертой.
Ей — старой — не надо цвести шоколадом,
Она извергает булыжник немой.
Когда же упала старуха глухая,
И ей придавило колёса ноги,
Она, заклиная, руками хватая,
Дразнила собаку с креветкой у глаз.
Старуха, старуха! Задохлась иная,
И ветер снежинки по полю метёт.
Исчезли колени, замазано темя.
Большой бегемот выходил из ворот.

30/XI-80. Ал Серг

82/83-b

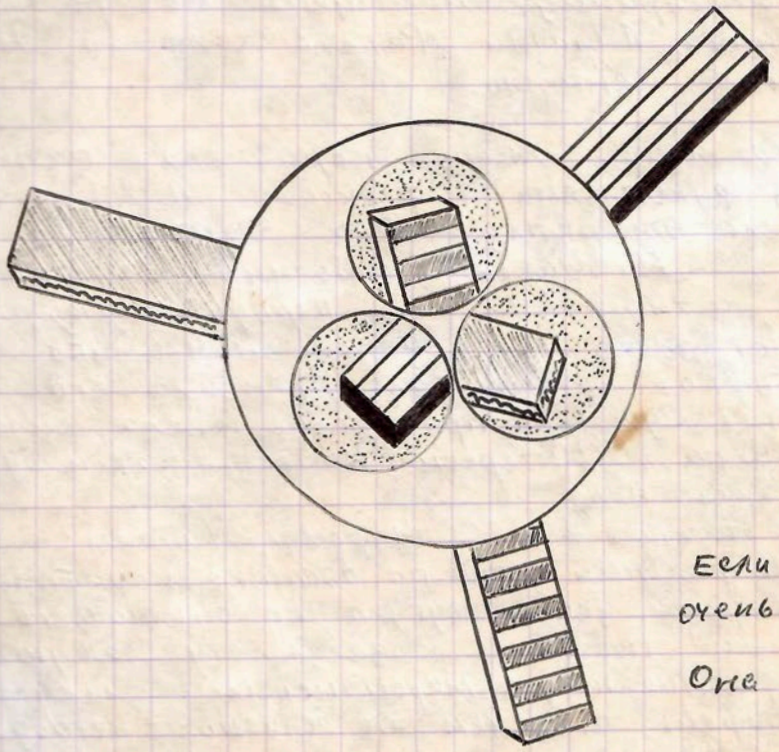
С ДНЁМ ЗИМЫ!

1 декабря — это день празднования зимы. Зима наступает именно в этот день.
Что было с флексистами в этот день за последние годы? Постараемся вспомнить.
1 декабря 1975г. — В.Котов разулся и лёг спать, но не заснул и вскочил с гневным воплем. Он схватил чайник и с силой вдарил им себя по голове, после чего крепко заснул.
В этот же день Чарвакари, как обычно пьяный и грязный, возвращался из общественного сортира, где провёл ночь, домой. По дороге он упал и у него выпала нижняя челюсть. Чарвакари не заметил этого, встал и пошёл дальше.
1 декабря 1976г. — А.Я.Сергеев купил у В.Котова слона. В.Котов выиграл в кости у RA корову. RA обменял левую часть своего мозга у Брезнева на козу. Брезнев пропил Проворова. Проворов съел гнилую котлету и издох.
1 декабря 1977г. — А.Я. Сергеев получил премию в 28 рублей и половину в этот же день пропил с В.Котовым. RA купил собаку — добермана — и, обтушевав её, съел. Б.Олежка в этот день упал с 10-го этажа, но не умер. Дрюня I залез под стол, застрял там и сидит до сих пор, рисуя флексы, что является его единственным развлечением.
1 декабря 1978г. — Оппозиционер вызвал на дуэль А.Гризли. Дуэль состоялась, итог: два трупа. В.Котов сошёл с ума и теперь, неторопясь, возвращается.
1 декабря 1979г. — В этот день все флексисты были мертвецки пьяны, иные из них даже икали (Б.Олежка, Оппозиционер, А.Гризли, П.Дама, Дрюни). Дима Врубель в этот день нарисовал портрет А.Я.Сергеева, который чудесным образом через день превратился в портрет унитаза. С той поры Врубель заметно трясёт головой и неимоверно жестоко заикается. С.Ома пускал из окна квартиры на улицу мыльные пузыри. Пузыри замерзали на морозе и с грохотом рушились на головы прохожих. С.Ома так смеялся, так смеялся, что сам вывалился из окна и наполовину разбился.
1 декабря 1980г. — В.Котов и Б.Олежка готовились к ночным бдениям, точили ножи, вилы, топоры, заряжали арбалеты, пищали и прочий ночной инструмент. А.Гризли справляла свою ночь рождения. А.Я.Сергеев отпилил голову статуи Маяковского и продал её за трояк проезжему жиду. Бельский

повесил себя за ноги и раскачивался до тех пор, пока ноги не оторвались от остальных частей. Врубель нарисовал унитаз, который через день чудеснейшим образом превратился в портрет А.Я. Сергеева. Это повлекло счастливое прекращение головотряски Димы, и речь его стала геогеновой. Орюни совсем ёпнулись и перестали реагировать на болевые ощущения внешнего мира, чем незамедлила воспользоваться П. Дама и с наслаждением откусывала у Орюнь всяческие кусочки. Так прошёл этот день.

Ку-ку. Ку-ку-ша-маша. 1/XII-80.

Вот такую хреновинку я видел в одном из сборников В.Котова:



Если не такая, то очень похожая.

Она мне нравится.

82/83-d

Если ты, дорогой человек, бросишь свои глаза вправо, и твой взгляд упрётся кое во что, то это «кое-что» окажется фундаментальной работой А. Гризли. Эта работа для автора то же самое, что для меня «9-я маразматическая», а для В. Котова «3-я идиотическая».

Сия работа долгое время находилась в личной коллекции А.Я. Сергеева. Но шли дни, Сергеев старел, а, следовательно, и глупел. Вот в один из таких дней, когда уровень глупости в Сергееве поднялся до высшей отметки, пришла в голову Александра Яковлевича мысль: поместить работу А. Гризли в «Великий Каталог». Страница №61 имеет счастье быть носителем шедевра.

На 63-ей странице помещена моя работа, посвящённая А. Гризли. Работа хорошая, добротная, имеет ценность.

Вот передо мной лежит коричневая папка, набитая рукописями и флексами А.Я. Сергеева. Открываем эту папку. Ого! Фантастика: «Встреча», «На Марсе», «Военные действия на Вилии», «Эйфа». Читаем первую штуку, ну, хотя бы вот здесь: «Не успел он что-либо сообразить, как острая боль пронзила его грудь, и все мускулы профессора свела сильнейшая судорога.» Интересно! Надо бы как-нибудь прочитать всю вещь.

А вот вторая — «На Марсе». Читаем: «Разбудил их неприятный стук по обшивке корабля. Гимми старший первым увидел бубука, прибивающего столебойными гвоздями к звездолёту какую-то табличку, исписанную марсианскими знаками.

— Эй, парень, ты зачем это делаешь? — негодуя крикнул Гимми Младший.

— Тебя не спросил! — зло ответил бубук.»

Наверно хорошая это фантастика, надо, даже обязательно надо почитать. О! А тут что такое? Да это «Военные действия на Вилии»! Ну-ка, Ну-ка: «... а на пути их стоял «диплодок». Броня мерно вздымалась от дыхания танка, десятки глаз ворочались в глазницах, ощупывая пространство, а бесчисленные орудия глухо урчали смертоносной начинкой.

— Ребяты, каюк нам! — прошептал кто-то.

Мрак разнёс шёпот по барханам.

— Молчать, судорога, или я тебя вот этими

82/83-f

вот руками, как щенка! — капрал, извиваясь всем телом, подполз к ропчущему. — Ты что же, гнида, супротив народа? Ану, бери гранаты и ползи к танку! Искупи свою вину и трусость кровью, гад! И не вздумай улизнуть — я стреляю без промаха.

Солдат молча пополз к танку, его вихляющий зад был хорошо виден капралу в прицел бластера. Скоро раздался оглушительный взрыв, столб огня поднялся к небу. На притаившихся десантников стали падать обломки и куски мяса.»

Ух, ты! Вот это да! Даже зачитался, эту штуку я в первую очередь прочту. Надо же: живой танк! Вот это да! Вот это полёт фантазии! Ладно, что тут ещё есть? Ага, «Эйф» или «Нечто». Ну, что тут такое! «— Ублюдки! Ещё требуют от меня связи! Нет меня. Кончился я. Весь вышел.— — Эйф упал на пол и замер. Ему казалось, что сейчас войдёт тот, кого он больше всего боится, и утащит с собой.

— Кого, кого я могу бояться? Сюда никто не может войти. Тут нет никого, даже меня здесь нет. — Эйф встал, подошёл к умывальнику, открыл кран и подставил под струю голову. Вода стучала по затылку, стекала по подбородку и чубу, тоненькая струйка нашла дорогу на спине.» Да, бедняга! Довели его, что-ли? Или с перепоя голова болит. Вот у меня тоже похмелье всегда тяжело проходит. Но это уже другая тема. Да, «Эйфа» тоже прочту.

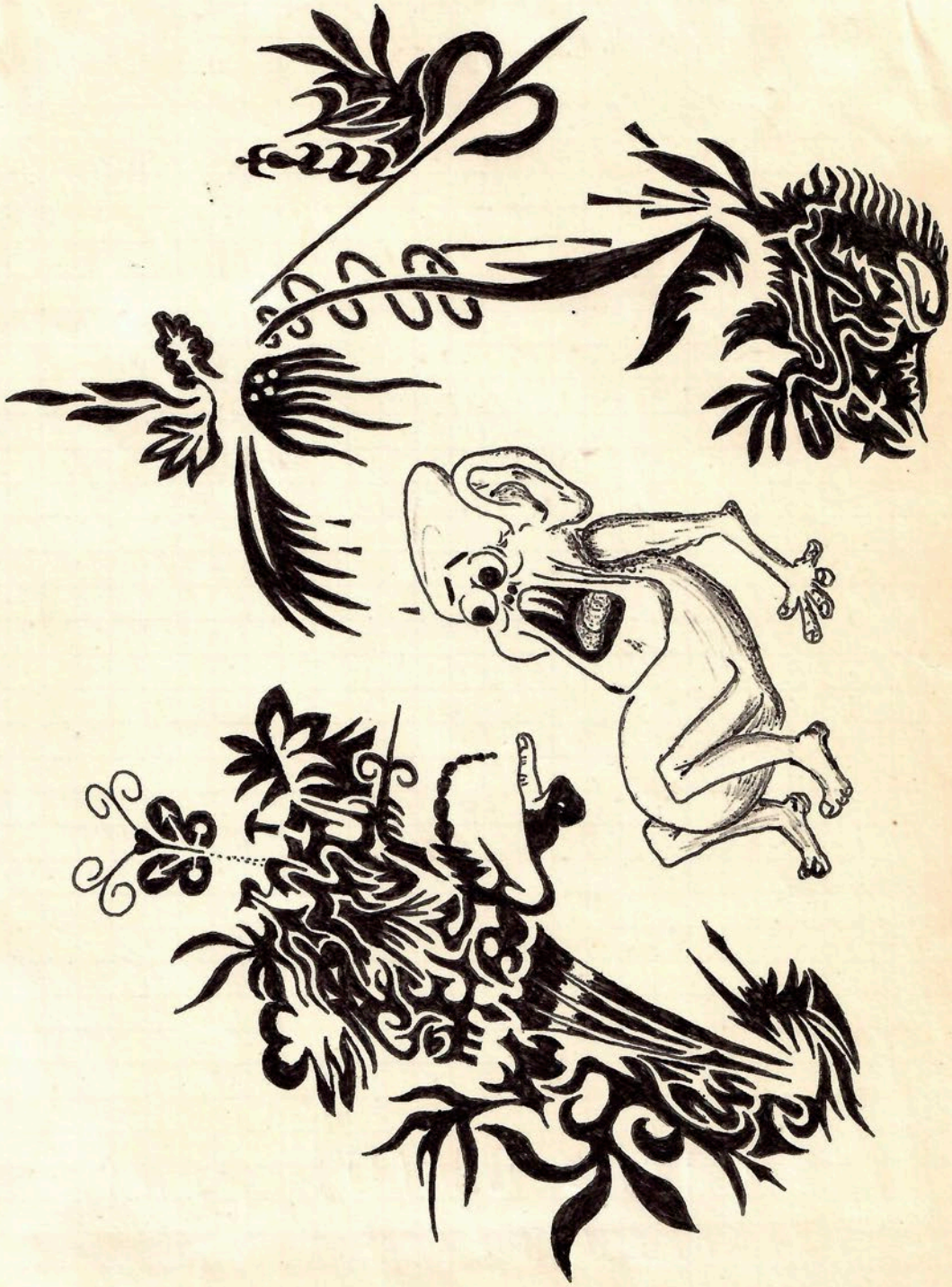
Так, а чего тут ещё есть? Во! Флексы. Четыре штуки. Нет, пять. И в бумажке они. А на бумажке написано: «Для „Лицея"» А! Это тот «Лицей», в котором всякие непризнанности участвуют. Так сказать — аргумент против существующей культурелли. «Лицей» — это хорошо. Мои флексы в «Лицее» — ещё лучше. Только — нужен ли «Лицей» моим флексам? Над этим ещё подумать надо.

Смотрю на стены своей комнаты. Стены чудесны, убиться можно, как они хороши! А почему? Да потому что на стенах висят большие мои флексы. Их немного — всего восемь, формат: 53×31. А как они хороши! Как хороши!!! ХО-РО-ШИ!

Ой, как мне здорово! Ой, как я счастлив! И всё от того, что на стенах висят мои флексы-чудеса и чудо-работы маслом. О, масло! Тебя можно мазать на хлеб и жрать. Тебя можно подлить в огонь и жарить. Тобою можно рисовать такие гениальности, как мои. Да, масло — это вещь.

6/XII-80 АлСер

83



Прогулка по сельве 14.7.75. А.Я. Сапиль

84

Я решил уйти в далёкое настоящее

20.6.75. А.Я.Сергеев

Завтра моя светлость отправится в далёкое путешествие к берегам земли кокошкинской. Именно там, укрываясь от людской злобы, нашёл своё пристанище некогда великий Котов — вождь вымершего племени Флексистов. Да, тяжела судьба у всех бывших. Вот я — — тоже из них. И моя судьба могла бы быть гнусной. Но я — это я, я отказался от прошлого и назначил себя Начальником Будущего. Лишь такой поворот дел спас меня, обласкал и осчастливил.

Грядёт Новая Эра, она близка, она имеет своего представителя в моём лице, она несёт новые лица, физиономии, морды, рожи, хари, хлебала, рыла, хайла. Многие из них уже мелькают передо мной, уже налипают на грань моей будущей судьбы, тянутся ко мне, как к спасительному источнику, гибнут, в толчее заглушая друг друга. Но я не спешу, моё дело теперь лишь одно — — хороший выбор, выбор навсегда. И время на моей стороне.

28 февраля 1981 года. 10 дней назад московское подполье отмечало один из своих праздников: День Рожденья Котова В.В.. Празднество проходило тихо, в обстановке строгой конспирации и секретности. Власти ввели на всякий случай осадное положение, но, как показали события, излишне.

Великий Каталог пополнился новыми шедеврами Сергеева. Они следуют на дальнейших страницах. Предложения многочисленных завистников о превращении Великого Каталога в литературный журнал мною отвергнуто. Этот флексосборник никогда не станет достоянием искуствоведов и ценителей. Он один, а их много. Да и вообще я теперь крепко убеждён в том, что писанина во Флексосборниках лишь вредила движению. Надо было создавать не салянку из флексов и букв, а отдельные издания: сборник флексоработ и приложения на известном и распространённом языке с употреблением слов и словосочетаний. Великий Каталог — последняя проба в неудавшемся симбиозе.

Второй номер Великого Каталога будет выглядеть как альбом с вклеенными флексами. Если заниматься Флексом, то зачем слова? Или вы не знаете моих статей в 11-м номере? Так читайте их и назовите меня после прочтения мудрецом или ослом. Это не будет иметь разницы.

28-29/II-III – 1981 г.

Ал Сергеев

84/85-b

Восходящее затмение!?
23.6.75. А.Ф.Дирин

В мае, а именно 3-го мая, 1981 года мою обитель посетила чета Котовых в лице В.В.Котова и Б.Олега. Проведённое совместно время показало, что тропки флекcистов пересекаются. По этому поводу А.Гризли даже заявила: «Забор сюда, пол-царства за забор!»

Что сулят Флексу возможные в будущем контакты Котовых со мной? Это не праздный вопрос, отнюдь! Смогут ли старые, закостенелые флекcисты найти в данное время общий язык? Хочется верить — что да. Но, как говорил Остап Блаватский, хочется да не можется.

Этот сборник я уже несколько месяцев никому не показываю, даже когда В.В.Котов меня заклинал и умалял дать его ему, я ссылался на то, что, мол, я не знаю, где сие сокровище. А оно было у меня! Я сохранил его, но теперь я на распутье: пустить в свет или не пущать? Пока буду не пущать. Да и никогда не пустю. Это мой сборник, он достоин лишь участи вангоговских картин.

Видел 14-ый. Очень скушно, лишь мои Степан и Никифор озаряют его страницы жизнерадостными стонами. Кое-что написал. Тяжело пишется для того дела, участники которого давно разошлись в разные стороны, а сойтись всё как-то не могут.

Скоро лето. Отвратительный апрель сдох, чтоб ему пусто было. Раньше я любил лето, радовался весне, не любил осень, и тосковал зимой. Теперь странное случилось. Вся осень мне стала люба и мила. Зима навевала мне всякие хорошие штуки и дарила чудесные сказки. Март был прекрасен, я влюбился в него. И май меня радует. А вот апрель — гад. Что за гнусный месяц?! Отрубить ему голову! Лета жду. Жду рыбной ловли, грибов-ягод, скитаний по России, бортничества, охоты на гиббонов. Летом Москва уезжает куда-то, а на её месте появляется Зурбаган. О, о, о! А, а, а, а, а, а......!

С сегодняшнего дня начинаю вновь рисовать маслом. Апрельская тоска, гнуснейший апрельский кризис прошли. О, мои чудненькие картинки! Были бы люди немного поумнее, они бы давно меня ограбили, а может и убили бы, т.к. я не люблю отдавать своё. Но люди глупы, им нравятся не мои картинки, а дешёвые поделки соглядатаев и хапуг, будь они прокляты! Мои друзья Рублёв, Грек, Рафаэль и Гойя говорили мне как-то за пирушкой: «Саша, плюнь ты на них (имеются в виду современные пусточеловеки), забирай семью и иди к нам.» Но я как-то почувствовал себя неловко, да и дела кое-какие были, вобщем отказался. Но приглашение осталось в силе. Поживём — увидим, может и переберусь к ним.

06.05.81 [подпись]

84/85-d

Говорю одно, делаю другое
28.6.75 АР Серия

85

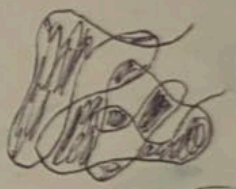
Мир грёз и реальность.

А. Сергиев 7-11/VIII-80

86а

Святому Духу.

5-6/VIII-80.



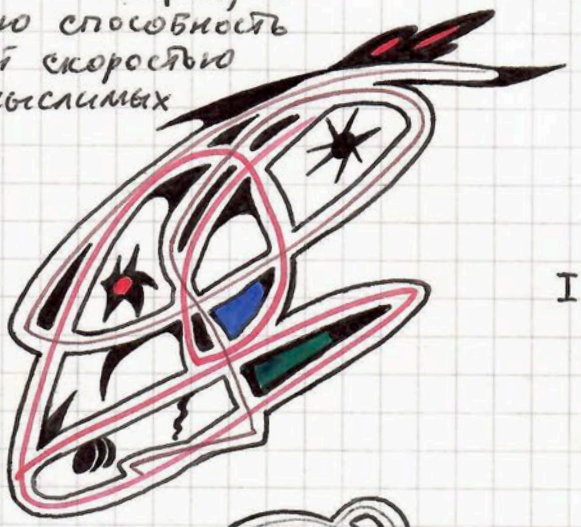
87a

Новый флексист

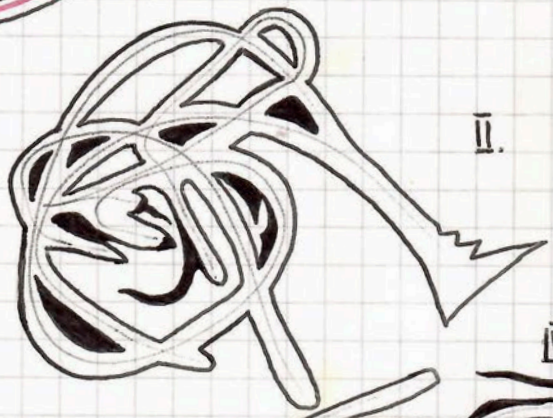
88

16 декабря 1981 г. подарил(о,а) миру нового, видимо, самого молодого флексиста. Этому человеку всего один год восемь месяцев и 17 дней.

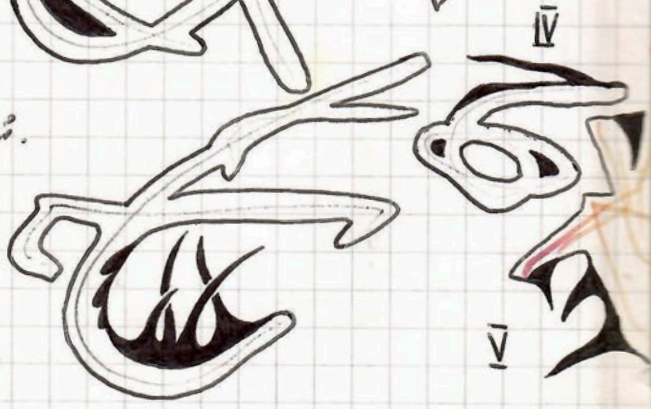
Однако молодость — не помеха для тех, кто хочет многово(многого) добиться в жисти. Даниил — так зовут нового флексиста — ещё не умеет расписываться, плохо говорит, но проявляет исключительную способность передвигаться с огромной скоростью во всех мыслимых и немыслимых направлениях. Сейчас, когда пишутся эти строки, Даниил перевернул свой письменный стол. Час назад он с усердием работал со мной над созданием диафлекса, диалинфлекса. Ещё, кроме как на имя Даниил, этот флексист отзывается и на Кролик. Будем считать второе имя псевдонимом. И так, во флекс проник Кролик. Будем надеяться, что в будущем звания Диплодок, Мамонт, Игуанодон — не будут для него пределом возможностей. Вырастай, Кролик, в Крокодила!



I.



II.



III.

IV

V

На этих страницах живут 6 дуэтофлексов. Они помечены римскими цифрами в соответствие со временем рождения. Каждый раз я был соавтором на вторых ролях, т.к. моя задача была менее сложной и значительной, и заключалась лишь в механическом обводе линфлексов Кролика. Небольшие мои флексдобавления и цветодобавки — — это лишь согласие с замыслом первоавтора, моё непосредственное отношение к его душевному порыву.

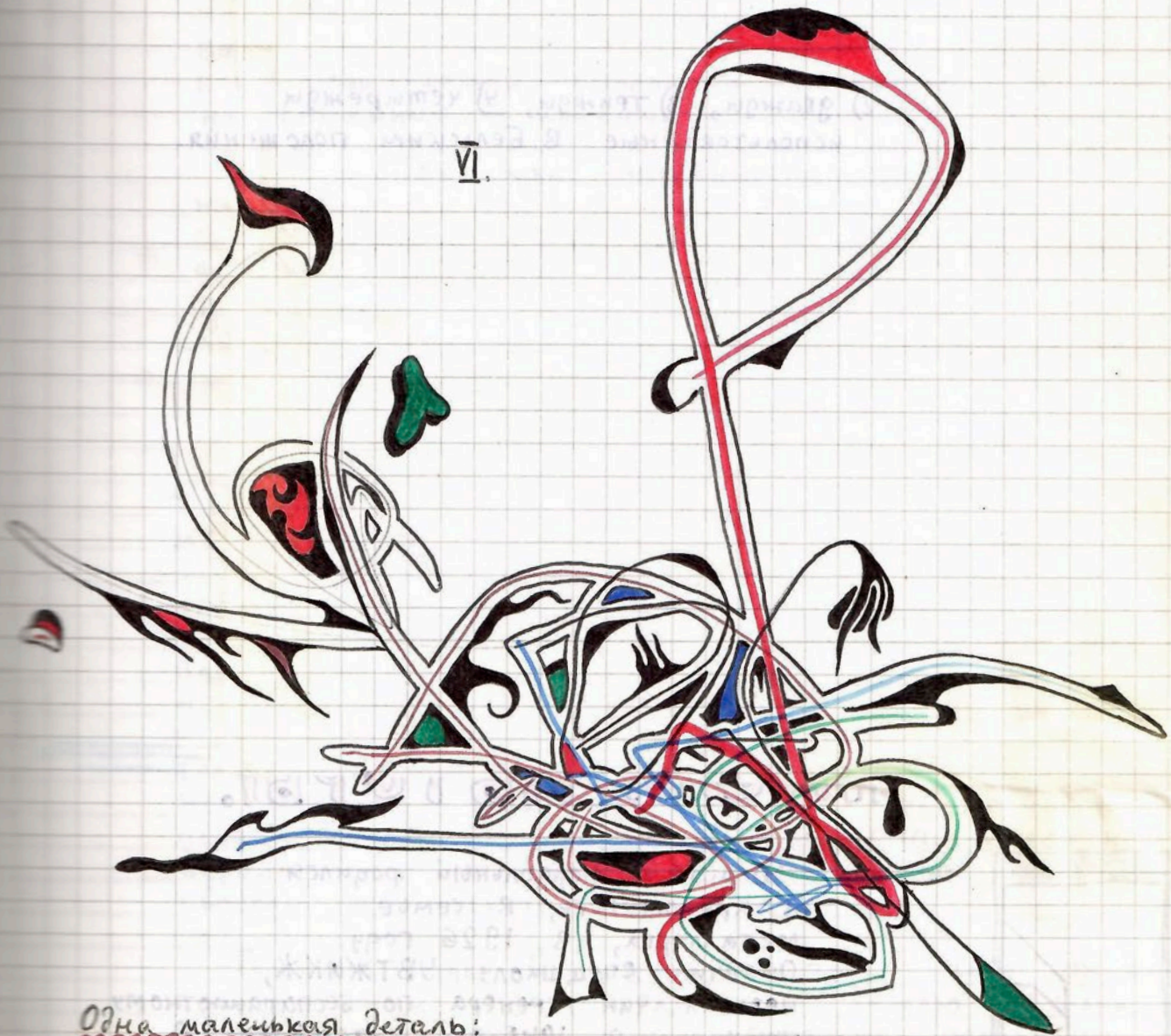
89

Шестая работа (внизу на этой странице) — самая грандиозная из серии новоявленного флексиста. Если привлечь к ответу метод сравнения, то он даст такие показания:

Эта работа очень напоминает некоторые современные работы Котова. На стр. 37 внизу есть одна из них — «Макет для ночных игр.» Что-то есть общее между этими работами, хотя одна нарисована матёрым гипопотамодавом, а другая всего-навсего каким-то Кроликом.

Не вестник ли такая схожесть того, что Кролик — не простой, а Саблезубый? Стоит подумать.

16.12.81. Ал Серия

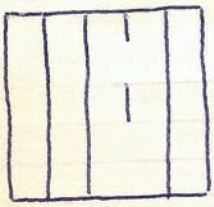


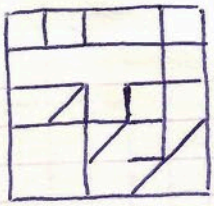
Одна маленькая деталь:
Кролик наотрез отказался пользоваться жёлтым фламастером. По всей видимости в настоящее время у него ещё не родилось желание тянуться к свету (жёлтый — символ света)... Может быть, юный флексист сейчас пребывает в том состоянии, когда вокруг и в нём самом света больше чем можно себе представить нам — закостенелым догматам своих мозгов.

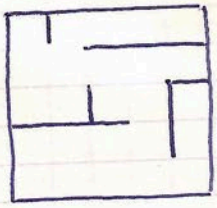
СПЕЦИАЛЬНОЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ

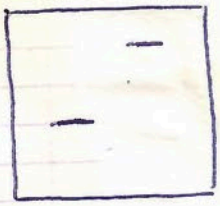
~~ПРИЛОЖЕНИЕ~~

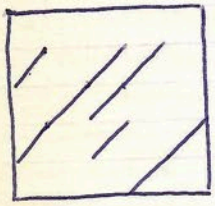
ДЛЯ 312512477-МИ И КАЖДОГО ИЗ НИХ

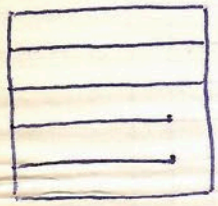
1) 

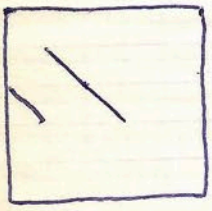
2) 

3) 

4) 

5) 

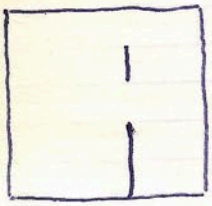
6) 

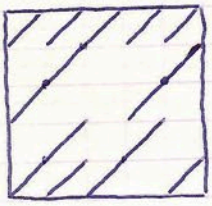
7) 

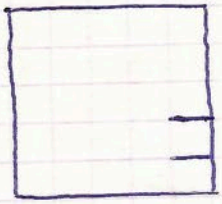
1) положения элементов |, использованные В. Бельским
5) положения элементов /, использованные В. Бельским
6) положения элементов —, использованные В. Бельским
7) положения элементов \, использованные В. Бельским.

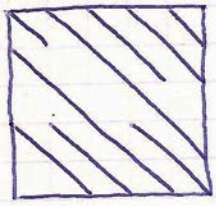
2) дважды, 3) трижды, 4) четырежды использованные В. Бельским положения.

8) неиспользованные положения |
9) неиспользованные положения /
10) неиспользованные положения —
11) неиспользованные положения \

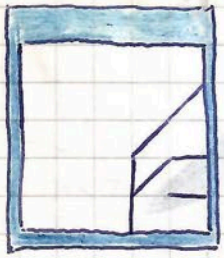
8) 

9) 

10) 

11) 

НАШИ АВТОРЫ.



д-р М.И. Поддольный, кандидат секретных наук.

Д-р. М.И. Поддольный родился в Кривом Роге, в семье металлурга, в 1926 году. Окончил спецшколу УВТЖИКЖ, получил чин тренера по беспарашютному прыжку, в 1945-ом участвовал в спасении Хиросимы от американцев, дважды был ранен, награждён и осваивал целину, закончив МИФИ, ВГИК, ЦИБГЦ, ТШИЗ намерен участвовать в следующих Олимпийских играх.

БОЛЬШАЯ ТАЙНА В. БЕЛЬСКОГО.

В предложенных 12-ти квадратах использованы элементы

В 25-клеточном квадрате можно расположить 20 элементов |, 25 /, 20 —, 25 \.

Если учитывать, что каждый элемент может быть использован в сочетании с любым расположением другого, то общее количество всех возможных комбинаций составит 3125125000 вариантов.

Вероятность создания такой комбинации, которую не создаст никто кроме меня, составляет $\frac{1}{Z} \cdot A$, где Z – количество возможных комбинаций, A – количество возможных соперников, каковыми являются все люди земли, способные начертить квадрат на странице в клеточку.

Так как численность таких потенциальных творцов ≈ 4 млрд, а точные подсчёты с учётом безруких, парализованных и т. д. дали бы как раз 3 млрд 125 млн 125 тысяч, то вероятность создания приведённых В. Бельским композиций равна

$$\frac{1}{3125125000} \cdot 3125125000 = 1,$$

т.е. Бельский неизбежно должен был создать их и именно их, так как все остальные 3125124988 вариантов остаются потенциальной собственностью других.

Независимо от смысла, который мог вложить автор в эти квадраты, а мог и не вложить, безразлично и безотносительно к этому смыслу они должны были быть только такими и В. Бельский не мог их не создать, так как теория вероятности делает эту ситуацию ЕДИНСТВЕНО ВЕРОЯТНОЙ; вероятность же какого-то авторского произвола, свободы творческого выбора ⩽0.

Гениальность Бельского в том, что он есть единственный из населяющих Землю 4 млрд. авторов, доказавший существование остальных, и, косвенно, подтвердивший теорию вероятности.

д-р Поддольный,
ПНД №13, кв. 666.

ПРЕТЕНЗИИ ВДОВЫ

92

О самом молодом флексисте

Это – Вероника Владимировна Котова. Ей было 157 дней, когда она прочертила зигзаги, послужившие основой большого „диафлекса", вклеенного между стр. 36–37 этого сборника.

Это был первый эксперимент с Супердетским Творчеством Во Флексе, дата которого – 1. XII. 81. – станет исторической.

(к стр. 88)

Собственная инициатива А.Я. Сергеева

действительно имела место и заключалась в уничтожении третьего сборника, демонстрировавшего процесс обучения Котовым и Чарвакари тогда ещё скромного деревенского парнишки А.Я. Сергеева флексу. Здесь помещено много работ Сергеева, изъятых им без согласия редакции, (меня, мужа и наших учеников и родственников), из уничтоженного сборника. Эти работы – – первые упражнения А.Я.С. под руководством В.В. Котова, ныне трагического. В них ещё видна рука моего мужа, чего, увы, нет в последующих.

Ученики, узнав о предательстве карьериста А.Я.С., изгнали его из числа оправданно живущих. Но милосердный учитель, вернувшись из Зурбагана (в котором, кстати, А.Я.С. никогда не был по причине), выпорол учеников и сказал им: „кто не Иуда, пусть бросит в Иуду камень". После чего Сергееву было разрешено участие с условием восстановления им III-го сборника, покаяния и прекращения пьянства, чванства, хамства, зверства и всякого свойства.

Это условие остаётся в силе и в настоящее время, окрашенное памятью мужа, ныне безвременного.

(к стр. 90)

Вдова Владимира Котова ...ВВКотова...

Д-р Поддольный

ГРЁЗЫ ГРАФИКОВ

Я листал несколько сборников флекса. Несомненно, флекс есть абстрактная графика плюс грёзы.

$$\text{г} + \text{А} = \text{Ф},$$ где

г – грёзы, А – абстракционизм, Ф – флекс. Все прочие формулы флекса сводимы к этой.

Каждый из элементов, каждое слагаемое не ново. Ново лишь их суммирование, соединяющее их в один гештальт.

Гештальт, как известно, есть целое, не выводимое из свойств частей, но само определяющее свойство своей части.

Гештальт г х А – идеал, к которому стремится флекс.

Реальность – обыкновенное сложение г + А, именуемое Сборником или Движением.

Остановлюсь на г (грёзах).

Они представляют собой комбинацию популярных элементов романтически-сказочной традиции.

Зурбаган, Лисс, даже сам Грин – с одной стороны, АТака Гризли (персонаж сказки Льюиса Кэррола) – с другой. Не совсем ясны корни образа „Даниль-сына", но, вероятно, здесь мы имеем дело с пересечением библейски осмысленного (блудный сын) былинного образа Даниля с кэрроловским кроликом, опаздывающим куда-то (задним планом образа оказывается своеобразный синтез мотива блуда и спешки, т.е. спешка есть блуждание, блуд, а блуд, соответственно, есть запаздывание, декалаж).

Графиков двое: Котов, призванный на действительную службу и не вернувшийся с мира, и ещё живой Сергеев.

За этими псевдонимами кроются вполне реальные лица: Виссарион Рабинович и Ёын от его второй жены (Елизаветы Кандинской, дочери знаменитого абстракциониста) Борис Виссарионович, взявшие себе соответственно псевдонимы Котов (от славянского „кот", „котик") и Сергеев (толкования противоречивы).

Боря, оставшись без отца, ещё острее ощутил потребность в символической передаче своих страданий (образ блудливого сына).

Вскоре появляется и образ мамы („вдова"), заменивший Боре реальную, бросившую семью Лизу,

94

уехавшую в опасной погоне за дешёвой славой своего отца.

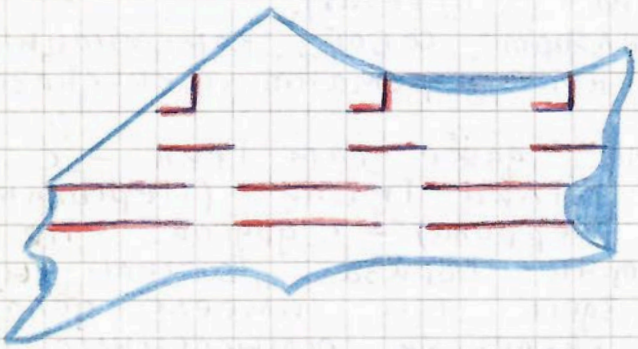
И Боря начинает новый, весьма самокритичный цикл: „Претензии вдовы", в котором одновременно сублимируются эдипов комплекс и чувство экзистенциальной вины.

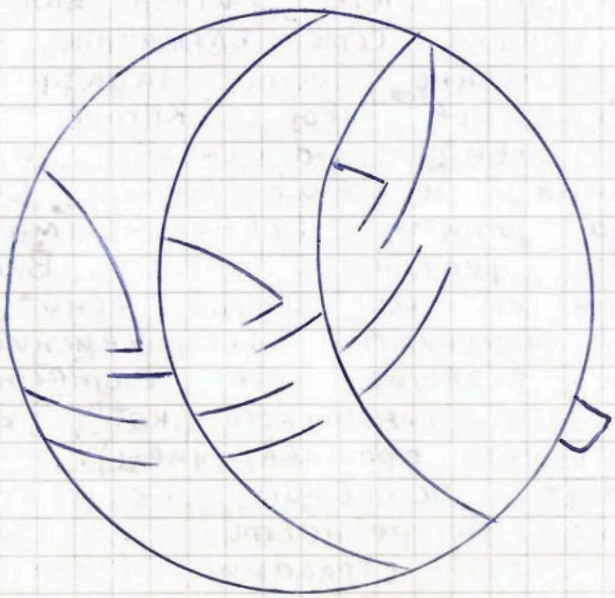
Трагедия Бори – это трагедия поколения молодых людей, у которых Война и Мир (Л. Толстой) отняли Отца, и не нашедших духовно-ценностного эквивалента (Дж. Вилли, „Общая биология").

Это – большая и трудная тема. Я писал о ней на страницах „Пионерской" и „Комсомольской" „Правд" (№ 3, № 24, № 31), буду писать и здесь.

Трудная тема, – да, – тема больная. Но поднимать её надо.

д-р Поддольный,
ПНД № 13 кв 666.





„БОЛТАЙН"

СМЫСЛ.

— Я обрёл его.
— Что же утратил?
— Нечего было утрачивать.
— Теперь есть?
— Нет.
— Вот: Нет.

Жы
Шы

СТРАХ.

— Я боюсь.
— Разве?

ЖИЗНЬ.

— Я её обрёл.
— А смерть утратил?
— Нет, только обрёл жизнь.
— И не утратил смерти?
— Нечего было утрачивать.
— Разве?

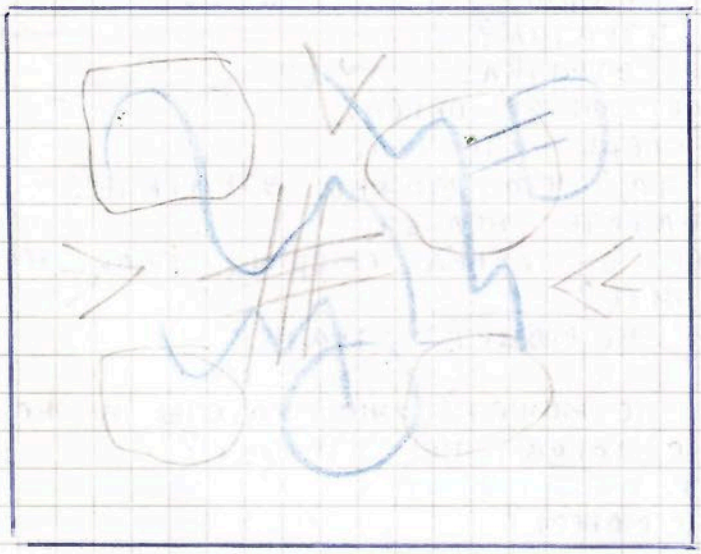
СМЕРТЬ.

— Он обрёл смерть.
— А жизнь утратил?
— Да, жизнь утратил.
— Но прежде он её обрёл?
— Да, а теперь — утратил.
— И обрёл то, что можно утратить?
— Нет, утратить нельзя.
— Так разве он обрёл смерть, если не может её утратить?
— Обрёл и не может утратить.
— Не хочет?
— Нет, он не может уже хотеть и не хотеть.
— Отчего же тогда не утратит?
— Не может.
— Ничего не может?
— Ничего.
— Значит, и не утратитить не может?
— Нет, не утратить может.
— Чего же нет?
— Если вам так уж хочется, ничего нет, и довольно.
— Нет, мне не хочется.
— Значит, наши прения — пустые.
— Нет, не значит.
— Нет, значит!
— Вот видите: не значит-ли, значит-ли, а всё равно Нет.

98

Вячеслав Жутки-Жуточкин

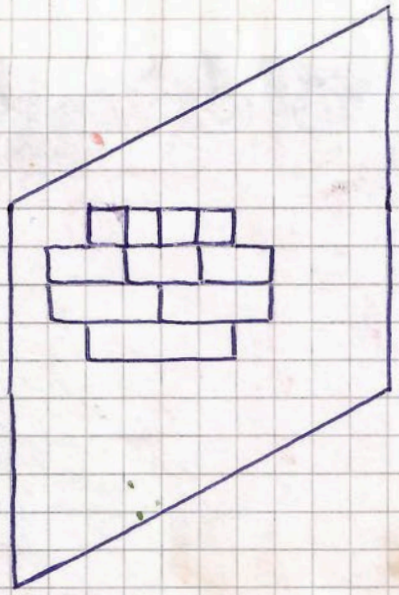
„ПАЛЬЦЫ"



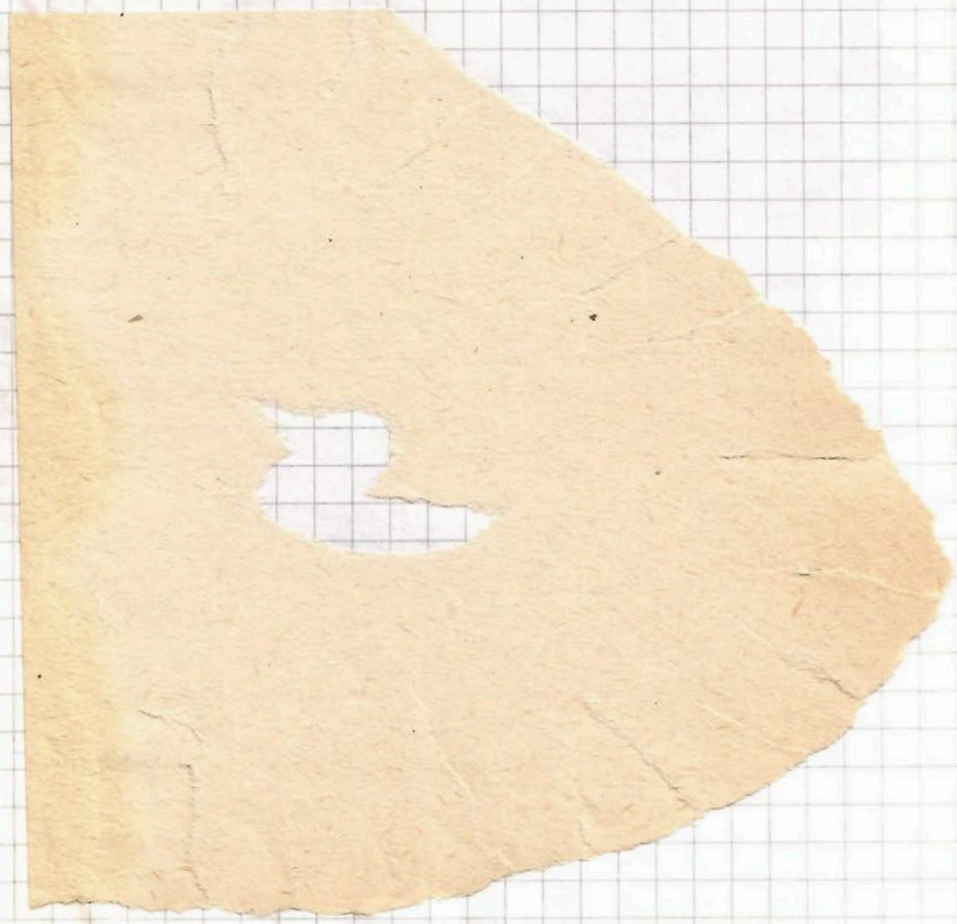
Вячеслав Жутки-Жуточкин

„ЛАСТИК"

99



В. Жутки-Жуточки
„Морской бой"

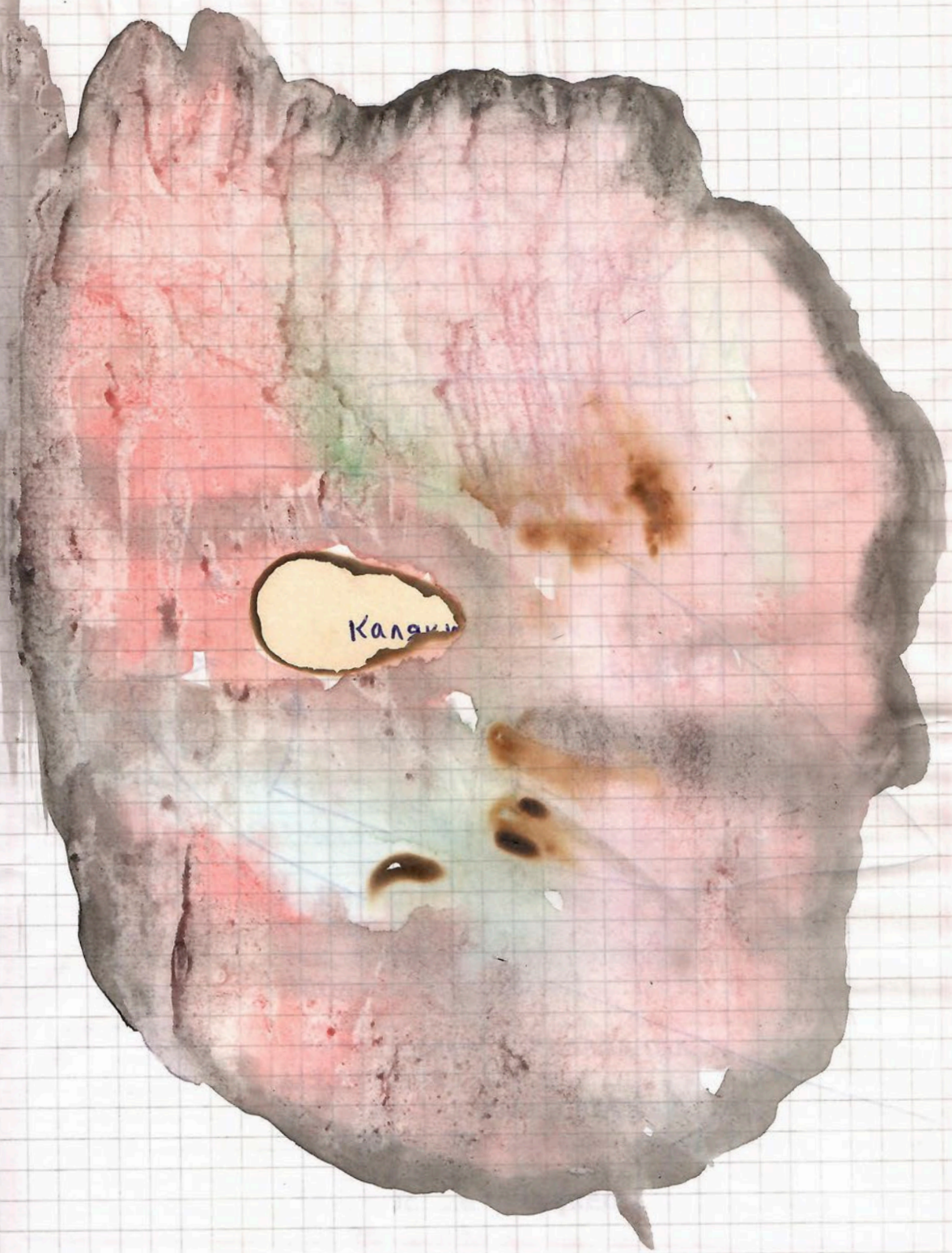


В. Жутки-Жуточки
„Бумага"

100

„Вода и Огонь", фрагмент

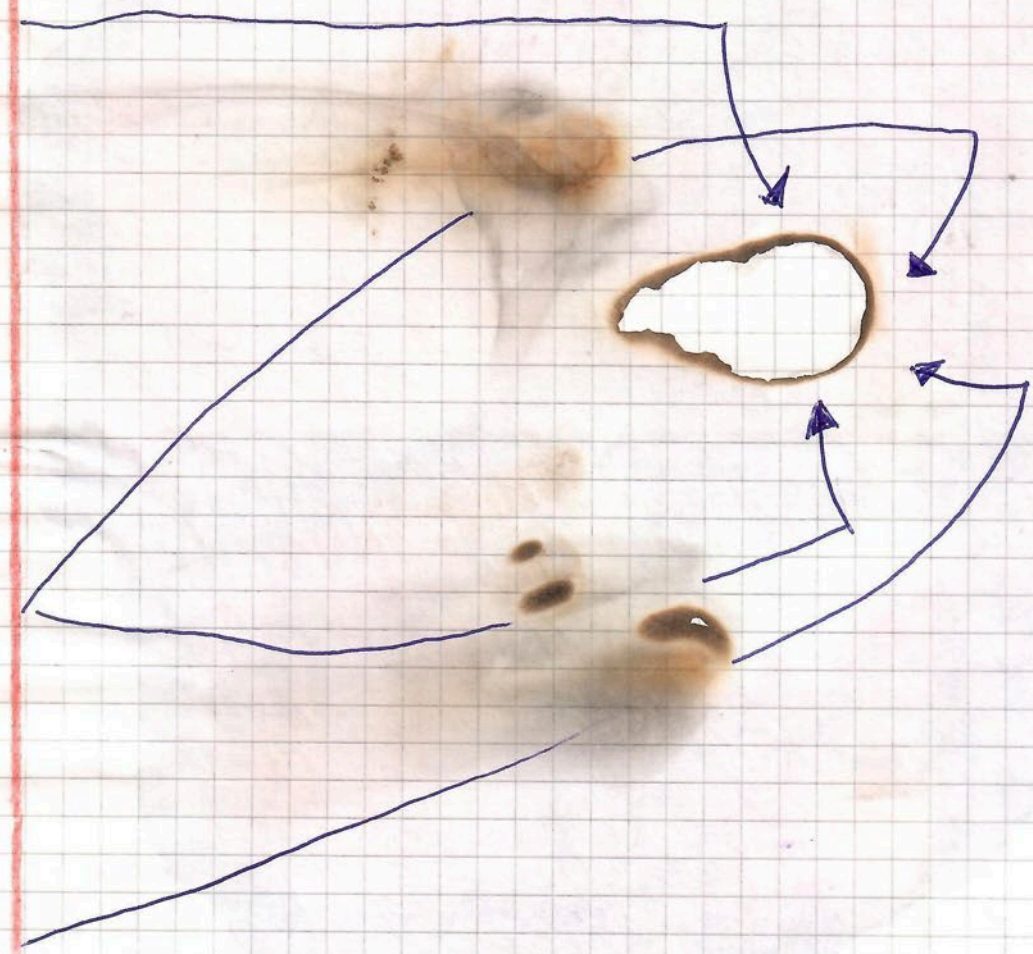
101



„Вода и огонь"

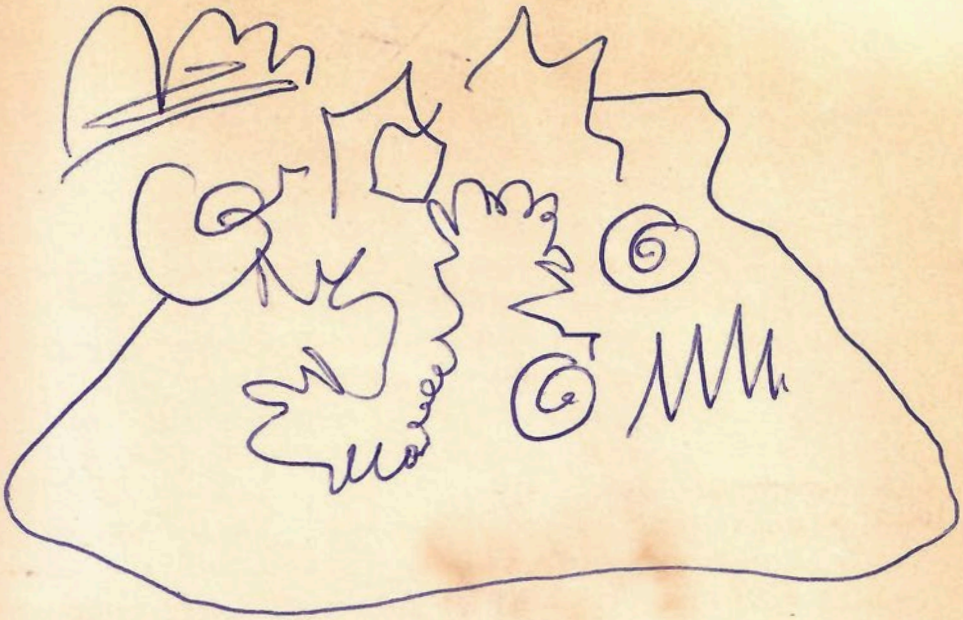
(В. Жутки-Жуточки.)

102



„Вода и Огонь", фрагмент.

103



Каляки-маляки

Вег Жонi

ЖЕЗЛ.

У где же то было,
а где бы то ни, —
всё ж только и вечно,
поплыло одни.

Зеребрянный вскладник
□тратное □, —
то наш виноградник
и лоза его

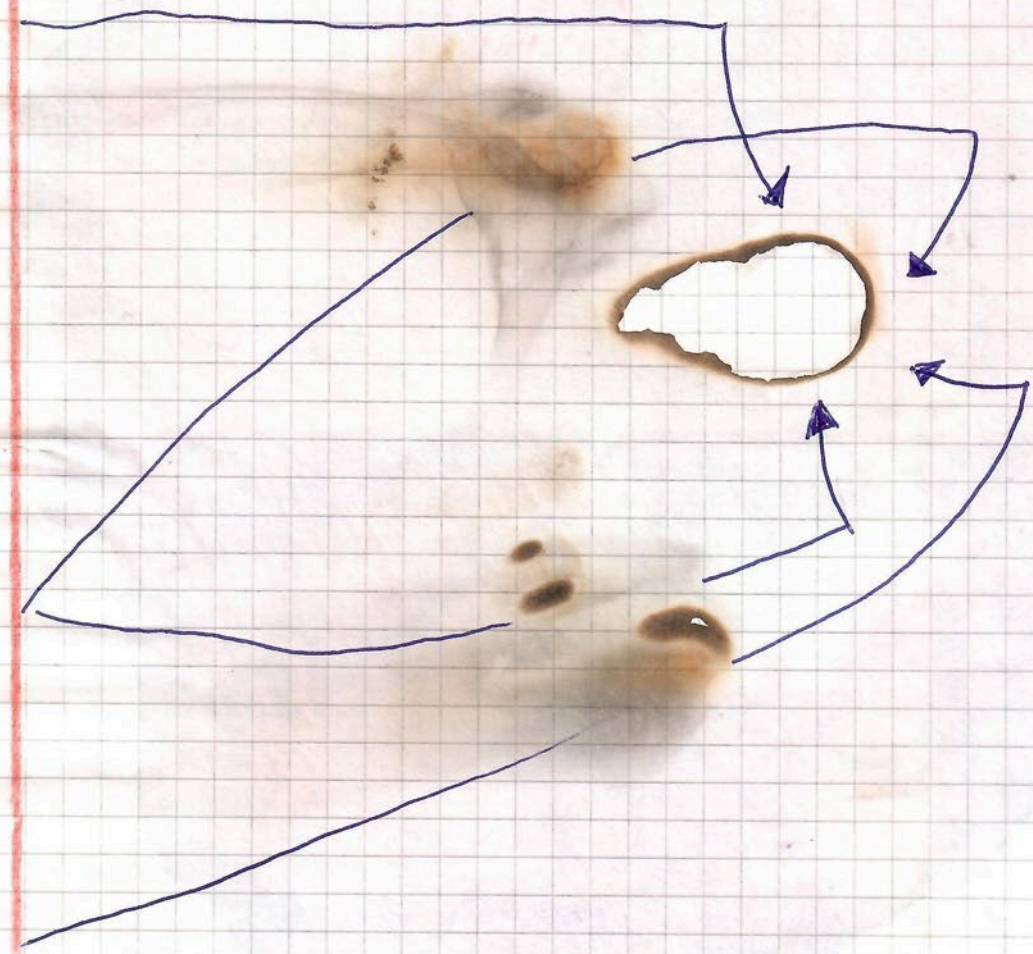
Чей ус ниспадает,
опоры ища:
квадратность мешает
квадрату познать,

Что где б что ж не было б,
А нам есть Священно,
Что есть чего жалко
И нет что есть Мысль.

То разум: иное
Безумьев не знает.

Вег Жонi

102



„Вода и Огонь", фрагмент.

НАРАСТАНИЕ

НА, НАРАСТА, НАРАСТАНИЕ!
О АКСЕЛЬБАНТЫ, НЕ БАНТЫ ВЫ,
А АГРЕГАТОРЫ РОЖ ПОДИ,
ЕСЛИ НЕ ВЗЯТЬ ЗА ПОВЕРХНОСТЬ ВАС.

ЧТО ЭТИ ЕСТЬ СОЧЕТАНИЯ?
ЗВУКВЫ ДА БУКИ ЛИ ВЫ НАМ?
ПРОЧНОСТЬ ДАНА ОКУ УКО,
УКО — ГЕРОЙ МОЙ ГРЯДУЩИЙ.

СУЩИЙ, НИЧТО НЕСУЩИЙ
ВДОЛЬ ПО ШАРАМ, ПО НАРОДАМ,
— ЭТО ЛИ НЕ НАРАСТАНИЕ?

ЛЮБОВЬ...
ОНА ОДНА НАМ МОСТ.
НО БЕРЕГ НАШ — ОДИН,
И МОСТ НЕЛЕПЕН.

УКО ВСЁ ЭТО ЗНАЕТ,
УКО ЖИВЁТ ОДНАКО.
ОТ ЧЕГО? — НАРАСТАНИЯ ОТ.

ЖЕЗЛ.

У где же то было,
а где бы то ни, —
всё ж только и вечно,
поплыло одни.

Зеребрянный вскладник
□тратное □, —
то наш виноградник
и лоза его

Чей ус ниспадает,
опоры ища:
квадратность мешает
квадрату познать,

Что где б что ж не было б,
А нам есть Священно,
Что есть чего жалко
И нет что есть Мысль.

То разум: иное
Безумьев не знает.

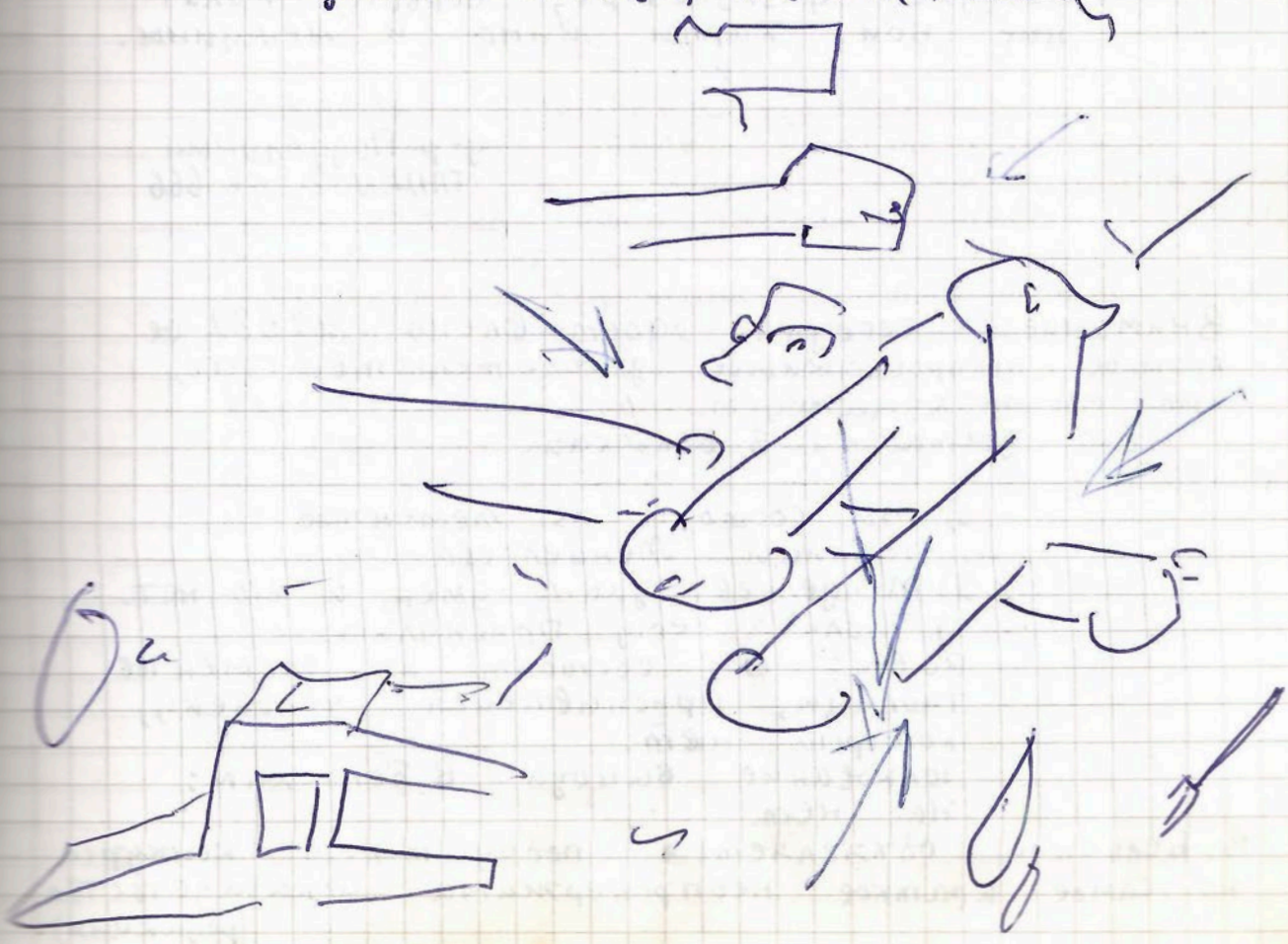
Вел. ЖОНІ

104

АКТ.

Азарт. Затраты на азарт.
Ты назван именем чужим.
О изначальных сын искусств!
И роли без рулей,
рули – не входят в роли.
Аз-Арт, Поп-Арт, Флекс-Арт...
Секс-Арт, Нас-Арт, Жоп-Арт,
Глаз-Арт, Асс миграций,
Вор лука и репы, капусты жук!
Шум. Ум. Ноль. Йога. Яма.
Трень трон, трус!
Зараза сей азарт, – мотай на
Возлюби.
– Да?
– Сомневались вы?
– Я думал о другом, простите.
– Вас? Аз? А затраты
учтены ль?
– Нас чуть не нуль.
– До или после?
– До ре ми фа соль
– Ля си?
– Стоп мьюзик, Гаммам дом
не тут. Не тот уют.
– А что поют? – А шут
их разберёт, кто что поёт.
– А лично вы?
– О, вы... Или не быть, вот в чём
вопрос.
– Вы Гамлет?
– Нет.
– Джульетта?
– Нет.
– Певец?
– Начало и конец, во всех мне
чужды песнопеньях, средина – самое оно.
– Вы...
– Не надо, вы не лучше
– Вы...
– Мы, мой друг, не вы, а мы.
– А рога? Замнём?
– Прикроем краем парика,
сыграем в подкидного...
– И я останусь невредим?
– Как всякий пленник схем и карт.
Ты назван именем чужим. Твоё –
азарт.
– И это всё?
– И это всё ничто.
– А после что? Рай, ад, иль пусто?
– Жук, лук, нуль, репа и капуста.

— Но есть ещё искусство...
— Очень может быть... Или не быть — не в том вопрос, а в том, что очень-очень может — и так, и эдак.
— Ночь во дворе...
— Ночь не в нём.
— Но поздний час уже
— Никогда не поздно выпить стакан баржоми.
— А это мне не повредит?
— Вам лично — нет, умрёте в срок вы. Но кризис цивилизации назрел, загрязнение среды, информационный взрыв, глисты...
— А наука?
— Продалась.
— Купили душу Вы?
— Мы, мой друг, не вы, а-мы...
— Что ищете вы в черепе моём? Оставьте!
— В вашем? Извините, ошибся временем... Продолжим. Впрочем, подпишите прежде это.
— Это?
— Угумс...
— [illegible]
— И время...
— Нет его... но где-то поздно.
— Ах, да, я ведь ошибся.
— Ошибочки ни фига себе, сука! А ну убывай отсюда, [illegible]



106 Д-р Поддольный

Ещё раз о них

фельетон.

Грёзы, не содержа в себе ничего изобретённого авторами, неизбежно превращаются в скучную и почти бессмысленную перестановку слов, в которой лишь специально, профессионально интересующийся структураль-гештальтист и психоаналитик может усмотреть постепенное превращение самообманов в разгул нигилизма. Необычайно ценными для меня, как для учёного, оказались статьи Бори, Бельского, стихи украинского мыслителя Жутки-Жуточки (вероятно, псевдоним). Бельский – нигилистическая ясность, ум и честность. Его поиск завершён. Сергеев в начале пути, ему ещё предстоит освободиться от всего чужого (см. „Грёзы"), Жутки-Жуточкин (если это не подделка) – посередине. Но путь этот – в пропасть, в ничто.

Я могу понять ребят, но помочь им может только коллектив, здоровая среда, труд на свежем воздухе, физкультура, борьба, кулачные бои, карты, вино и женщины.

д-р Поддольный
ПНД №13 кв 666

Внимание: сегодня доставлено 42582-ое Краткое неопровержимое доказательство того, что мы не существуем.
Его доставил В. Бельский.

1) Мы состоим из элементов таблицы Менделеева
2) Менделеев давно умер и его нет.
3) Таблица ему приснилась.

Вывод: мы состоим из элементов таблицы, приснившейся человеку, которого нет.
Толкование вывода В. Бельским: Нас нет.

В. Бельский объявляется победителем конкурса на самое краткое неопровержимое доказательство.
(редакция)

Володя и Саша! Вы талантливы!
Я нигде не видела более талантливых,
чем вы! Флексов я не понимаю, пожалуйста,
скажите мне, что они означают?

Марина В.

Дорогие Сергеев! Дорогие Котов!
Ваши флексы перевернули моё понятие
жизни. Что-то влекущее есть в ваших
буквах. Как из обыкновенных букв
возможно сделать сборник? Только
лишь одной силою талантливости ума.
Эта талантливость ума — ваши флексы.
Почему их стало меньше? Особенно
у Котова. А Сергеев вклеивает
многолетней давности работы.
Дорогие мои! Вы же видите,
что только флекс соединяет буквы
в сборник! Когда пишите, соединяйте
буквы сразу, кривыми линиями
и пятнами силы талантливости
своего ума, своею совестию. В этом-
— Путь вашего магистрального открытия.

Клер Саанд С.

Уважаемые художники.
Мало политики, мало! Ответственность
за отступление демократических принципов
и попирание отступающих наступающими
на них попирателей лежит на вас!
Потому что художник и ответственность —
— единое свободно-демократическое
пост-индустриальное целое. Я, как
художник в своём роде, говорю это
с полным знанием проблемы, — как
в её философском, так и в Тель-авивском
аспектах.

Корчной,

108

Курьёзы?
НЕТ, ГУМАНИЗМ

21, с точки зрения флексологии Сергеева (у флексоида нет низа, верха и т.д). есть так же и 12. Как только Этот сборник будет завершён, тем самым будет завершён сборник №12. Но будет-ли при этом завершён XXI-ый сборник? Нет, так как он только что начат Прекрасной Дамой, Арндхеймом, Бр.О и В. Котовым.

Но если XXI перевернуть, будет IXX. А девятнадцатый — лучший сборник, он сейчас у Врубеля. Значит, всё зависит от Врубеля. Но ему некогда, у него родился сын Миша (Поздравляем!). Значит, XXI сборник — сын Врубеля. Нельзя отнимать у Врубеля сына. XXI сборник только что начат, и это не курьёз, а Гуманизм.

П. Пифагор,
30.XII.21.

Анкал[1]. /подстатья/

После серии вздрючек, которые я устроил Котову, оный решил скрываться от глаз науки под разными псевдами. Поддольный, Жутки-Жопки, Пифагор — это всё ещё неполный перечень детских кликух Котова.

Но от ГЛАЗ НАУКИ не скроешся! НЕТ! Мы-то знаем кто такой Пифагор. Да, да — знаем-с! Спать, спать всем!!! Дегроданты, нищие духой ублюдки! Спать, суки!

И так, чем ценен Котов? Во-первых, он живуч. Как его ни дави, он всё шеперится. Такие мужики нам нужны. Ведь как трудно работать со стеклом, коим явились прочие фигуры. Их тронь — они разобьются. А Котов от пинков только здоровеет, сам норовит лягнуться, хищнически огрызается. Но плохо.

109

Какую только чушь не писали в сборники! Новое изыскание в этой области — трилогия Котова „Претензии вдовы". Автор открыто замахнулся на большой сюжет. Но ведь не только замах выражает настоящего писателя. Нужна и обычная способность писать, писать грамотно, умело, современно. Этого всего у молодого начинающего писателя-Котова нет. А без этого настоящим Шолоховым, брат, не станешь. Нет, НЕ СТАНЕШЬ!

Большой Сюжет — препятствие на пути многих желающих стать писателем. И сколько не маши лапами, они в крылья не превратятся. Павлина видно по полёту — так говорят теперь. „Претензии вдовы" — — роман. Котов пытался в нём осмыслить несколько параграфов. Это ему не удалось, а неудачу автор выдал за открытие. Ловко? Да, и страстно. Незабудется то место в повести Котова, где он выражает свою надежду на несбыточную карпону. Этот абзац является центром повествования, и не плохим, а хорошим.

Что можно сказать ещё? Удачи будут. Азбука „Претензии вдовы" и словарь под названием „Грёзы графиков" — не лучшие работы Котова. Но я-то знаю, что этот последователь идей Даля имеет и кое-что получше. У него есть неплохие замыслы, умыслы и помыслы. Они живут в сердцах миллионов, бытуют и трезвятся. Успехов тебе, Котов Вова!

Сердечно рад за тебя и твою печень.

01.01.82.

Аверин

Анкал.[2] /надстать/

Такие дела. Наш сборник получил счастливую возможность хранить в себе чудо-шедевры Котова. Я имею в виду работы на стр. 94, 98 („Пальцы", „Ластик"), 99 („Морской бой", „Бумага"), 100, 101, 102, 103, 105. Эти флексы просто ворвались в историю человеческого мира. И животного мира. И мира рыб, птиц, ящериц, коров, деревьев.

Уже давно Котов никак не мог создать что-нибудь стоящее, ценное. Наконец полоса депресса прорвана. Да, я вижу настоящее творение настоящего мастера, человека гордого и крутого, мыслителя с задатками. Каждая из перечисленных выше работ — это плод всей прожитой Котовым жизни. В каждой он смог искренне и глубоко, по-своему, как мог выразить себя, свою страсть и порыв.

В разговоре, который состоялся между мной и Котовым 1 января ночью, Котов мне открылся.

— Знаешь, Саня, — сказал он. — Ведь эти работы я сочинял сам, без твоей подсказухи, без твоего

110

влияния, которое ты оказывал всегда. Все мои прежние работы только на половину мои. Я их лишь рисовал, а форму кривизны я брал, черпал из твоих советов и подсказух. Те работы даже в бо́льшей степени твои, чем мои.

— А вот эти, — продолжал Котов, указывая пальцами на „Пальцы" — Эти мои личные. Я сам дошёл, своим умом. Признаюсь, лучше я уже создать не смогу, но и этих шедевров мне до гробовой доски хватит.

И мы верим ему. Да, хватит. И даже останется сверху. Поприветствуем удачу нашего коллеги. Он обрёл. Утратил? Нет, обрёл.

— Обрёл и не утратил?
— Да, обрёл и не утратил.
— Как?
— Вот так.
— Значит — обрёл?
— Да, и не утратил.
— И утратить нельзя?
— Можно, но не нужно.
— Не обрёл.
— Обрёл!
— Утратишь?
— Нет.

01.01.82. [illegible]

Анкал³. /о́статья/

Вот и отметили мы праздник Новый Год.
Как говорит Котов — один засранец умер, другой пришёл.

Мою обитель 1-го января 1982 г. в 2 часа ночи посещали Б. Олежка, П. Дама, Натали, С. Ома и конечно же В. Котов. Ели, курили, говорили, дышали и конечно же ПИЛИ. Пили шампанское-итальянское „Мартини", вермут „Хороший, прекрасный", водку „Пашеничную". Стали петь, вернее С. Ома пел. Пел хорошо искусно управляя звуками горла. А. Гризли спала, Кролик тоже дрыхнул.

Видите собрались вместе вроде бы все основные флексисты. Жаль, конечно, что Яна не было, не было чудаков Дрюнь, Джокера-Покера не было, ещё кое-кого.

Но 8 чуваков было. Восемь! Хорошее число. И что же? Быть то были, а толку не было. Вот что значит единство исчезло, что значит не почитать мою мудрость и котовскую зрелость.

[illegible]

Усладиться звучанием воздушных слоёв атмосферы. Скрёбно.
С Новым Годом, орлы и орлицы!

02.01.82. Al Серп

Удди I. /ɣ'статья/

Предыдущую статью я закончил вот так ↑. По крайней мере это выглядит умно. Теперь хочется преподнести читателю кое-что из Котова. Это не в пример написанному в этом сборнике всему тому чему писано этим же тем самым Котовым. Вобщем я так сказать тут приступаю к изложению тех самых этих вот мыслей оного упомянутого автора найденных в моём архиве самом значимом и оттого интересном в понятии чтения и разумения нами чтимого и чтомого вот: опять же Котов скрывает своё обличие в разнообразных псевдах которые есмь ино и ладно, но вразумительно и лепо для желания читаемого письменно и глагольно со всякими знаками и прочим есмь.

« Зачем? »

Можно самобытную походку иметь — ходить задом наперёд. А зачем? Теорий — хоть пруд пруди: самовыражение, мол, или адекватное разрешение проблемы постоянной необходимости оглядываться на пройденное, или же просто ветер навстречу пыль несёт. Но весь этот пруд напруженный не сделает искусства из того, что им не является.

Теоретики „сборника" говорят много о разнице между „изобразительным" и „выразительным" искусствами. Но если флекс так называемый что-либо и выражает, то лишь одно и то же состояние — состояние „флексования", те или иные оттенки которого всякий раз выдаются за самоценный смысл, за нечто новое, с помощью нехитрого приёма ярлыков-названий, без каковых, заметьте, „флексисты" не обходятся.

Достаточно одного-единственного „флекса", чтобы передать и зафиксировать раз и навсегда это состояние, но переливать из пустого в порожнее в сотнях „работ" — зачем?

Дмитрий С.

Прекрасна была весна флекса — Третий Сборник. Непогожим было начало его лета — Четвёртый и Пятый. Но конец Пятого подобен цветущему августу, (когда, впрочем, всё сохнет) и созревшие плоды наливались золотистым, уверенным светосоком в сборнике Шестом. И вот — седьмой, восьмой, девятый...

Осень Флекса. Печальный и торжественный пейзаж,

на фоне которого авторы и творцы гибнущего полу-чуда, надев маски тех, кем давно перестали быть, с наивной верой первобытных шаманов камлают танец весны.

На Руси в стародавние времена было поверье: если осенним стаям улетающих журавлей кричать — „вернитесь", — так громко, чтобы они услышали, — с ними вернётся и весна, и ушедшее лето, и чья-то отпавшая листом кленовым юность... И люди кричали, звали...

Но не слышали их журавли.

Ангалампи,
искренне ваш.

———— • ————

Когда это писалось Котовым — теперь установить трудно, да и каким образом сия грамотка очутилась в моём архиве — трудно сообразить

Одно ясно: пророчествовал Владимир. „Дмитрий С". выразил чётко, ритмично и правдиво то отношение людей и подавляющей части флексистов к самому Флексу, которое оказалось решающим в судьбе Полу-чуда.

„Зачем?" — вот единственное, что они поняли, столкнувшись со Флексом. Ему не нанесли ни оскорбления, не бросили вызова. Просто — зачем? — и всё тут. Отвечать на такой вопрос — бессмысленное занятие, да и зачем, если зачем??

„Ангалампи", который искренне наш, ещё более прозорлив. Его „вернитесь" глухо прозвучало на страницах этого, вероятно, последнего сборника. „Но не слышали журавли." — последний аккорд, и стихла чудо-музыка знака и кривизны.

Конечно, Ангалампи — не житель Руси, и может быть он по свойственной привычке для жителей юга спутал журавлей с крокодилами. Ведь журавли всегда слышат „вернитесь" и на протяжении тысячелетий они возвращаются вместе с весной, летом, а клён распускает новые свои листья — юные и шебуршащиеся. Тут, явно, Ангалампи выпил не из того ведра, как говорят у него на родине. Но фактус остаётся фактусом. В нашем деле крокодилы ничего не услышали, лишь помахали хвостиками и ухандокались, камлая балзую стонку.

Вот так-то, дружок, в этом-то всё и дело.

05.01.82. Ал Серия

О'КЕЙ'Ф

- 05.01.82 -

Под рубрикой «О'КЕЙ'Ф» в нашем журнале будут публиковаться литературные штуки мои и разных-других авторов.

СТИХИИ И СТИХИ-ХИ.

/Поэзии мир и мор/

А.Я.СЕРГЕЕВ.

Ты круглые бросала тени
На мой потрёпанный кафтан.
Я шарил рук костями по карманам,
Ища затерянный пятак.

Не пели птицы, осень наступила,
Заря играла в далеке.
Налит стакан, немного пьяно,
И рыбаки заснули на реке.

1981 г.

ФЛЕКСУ.

Кто-то страстно воет волчицей.
Небо тускнеет, звезда появился.
Ветер из тьмы гонит старые листья,
Нет больше знаков, есть новые лица.

1981 г.

Карась из пруда смотрит рыбьими глазами.
Летает чайка в опереньи птичьем.
Комар гудит, порхая с намерением кровавым,
Поленья в кучку собрались с древесной немотой.
Я — с человечьими ногами, сижу на берегу речного возвышенья.
Я думаю мозгами головными,
И мысли кажутся больными,
Какими-то страдальчески большими,
Немного старыми, немного непростыми.
Всё это пропадёт — останутся круги.

1981 г.

ПАГУБА.

Выставка ладоней.

Оборван на самой высокой ноте
Закат мой слонялся, усталый от гроз.
Бежали лужайки по хлебному утру,
Ногами ступая на лужи из слёз...

19 Семидесятые.

Ричард Третий.

Из книги стихов «Пропажа».

Белые глаза бывают.
Белые глаза бывают.
Тусклыми, тусклыми, тусклыми...
От тумана, как от обиды плачут.
Узники — два зрачка
Запрятанных в карман.

19 Семидесятые.

Адам Голь.

Из цикла «Кровь во сне»

Глобус горя лошади,
Перед полом пал, сник.
Словно свет уношенный
Куст-тростник...
Разве рук хлеб
Кругом шар был?
Пел жук-Феб,
Пар бел — стыл.
Смолк елёз волт,
Выл зуб стен.
Шёл, рос, смолк,
Шёл сор вен...
А-А-А-аааааааааааааааа!!!
Болезнь радости уносила простынь
Как от совести крылья...
Стынь, не стынь на кресте пророк Иеремия...
Или я? ДЕКАДЕНСТВО.
На холсте сок, даль
На груди сор вен.
Только не Стендаль,
Только не Варлен...
Стынь

19 Семидесятые.

Эмилия Розенблюм
КОТОВ.

СТИХИ НА ЧУЖБИНЕ.

Я безумно рыдала на скамейке одна,
и за мной наблюдала белоручка-луна.
Мне и стыдно, и странно
о луне вспоминать,
– но лихого цыгана
мне трудней забывать.
Он умчался далёко,
далеко – далеко,
кучерявый мой сокол,
мой безумный хохол.
Я не вижу причины
свои слёзы таить,
если сердце мужчины
не дано получить.
Ускакал мой ирландец,
за свободой своей
не сменив убеждений,
а меняя коней,
ускакал и уехал,
аквanавт и пилот,
он в последний смертельный
самый дальний полёт.
Я сижу в этом сквере на скамейке одна.
Надо мною рыдает балалайка-луна.

Санкт-Петербург 1913 и 1977 г.г.

СМЕРТЬ РЫБЫ

Оторвите мне жабры, — заревёт камбала,
если жизнь все надежды её подвела.
Если мудрый и смелый
Плавникастый камбал
за другой камбалою
от неё уплывал,
если жизнь её рыбья
всякий сплюнула смысл,
если так получилось,
что камбал уплывал...

Санкт-Петербург 1913 и 1977 г.г.

Э.Р.Котов.

СТИХИ НА ЧУЖБИНЕ (см. стр. 115)

Когда луна в белесых тучках.

Когда луна в белесых тучках
слезала в озеро слезой
я всё ещё сидел на берегу
и думал о прошедших днях недели.
Воспомнил я о том, как понедельник
стремительно возник и канул,
как вторник вслед за ним пришёл
и несколько надежд коварно обманула
за ним влетевшая среда.
И как в четверг я ел пельмени,
И как потом мне позвонил
какой-то человек иль баба
а после пятница, в которой
я был и весел и смешён
и размечтался о субботе, о том,
как завтра я посплю
но я опять вчера не спал
а всё читал большую книгу
о нескольких умнейших людях.
Теперь же грусть моя огромна,
когда луна в белесых тучках
слезает в озеро слезой
я всё ещё сижу на берегу
прошедших совершенно дней недели.

С-Петербург 1913 и 1977 г.г.

ЗЕЛЁНАЯ ЛУЖАЙКА.

На зелёной лужайке расцветают лапушки.
За зелёненькой лужайкой чей-то там лежит пиджак.
Я гуляю безразлично, ненароком замечая,
как чудесно расцветают
на лужайке лапушки.

С-Петербург 1913 и 1977 г.г.

Перевернув сию
страницу,
ты в прошлом
сможешь
очутиться.

А. Серик
06.01.82.

118

Вероятность решения
проблемы без нф-мышления
человеко-практически
близка к нулю

Выявлению этого
флекса опять-таки
поспособствовало
мойное рытьё
в мойном
архиве.
Экспертиза мойного
глаза дает вывод:
се флекс Котова.

г. Танзау

ФЛЕКС-1981
(сборник № 19)

Начат 2 февраля 1981 года д-ром флексологии Котовым по согласованию с Сергеевым А.Я и Бр.О.

ПЕРВЫЙ СБОРНИК В ИСТОРИИ ФЛЕКСА, НАЧАТЫЙ В ПОНЕДЕЛЬНИК.

Сборник открывается флекс-календарём. Особо обращаем внимание непосвящённых на то обстоятельство, что идея этого календаря — не гость сборника, а полноправный хозяин. Флекс не был бы флексом, если бы не включал в себя этот вид искусства, как не был бы он собой и без Книги Лебеды, без движения Ратников Чистого Света, вспыхнувшем в 1977 году и оставившем нам идею „волшебного времени" — Времени, превращаемого из деревянного щелкунчика в принца красоты, из обузы будней в мистерию и музыку.

Календарь начинается с первого дня очередного года летоисчесления Калиюга, начинающегося в 3102 г. до н.э.

Чёрным цветом даны данные, справедливые для всех последующих лет. Красным — верные лишь в этом, 1981 году. Синим — комментарии и астралогические толкования.

Все данные календаря могут послужить темой как для медитаций „дхьяна", так и для открытых флексом способов медитации, прежде всего „полифонической" (см. сб. 16).

Кроме того, они — совершенно необходимый справочник для стремящихся овладеть искусством так называемой *синхронизации*, о котором многие знакомы по манифестам Ратников 1977 года и будут ознакомлены иные несколько позже на страницах этого сборника.

ФЛФ • ॐ

ФЕВРАЛЬ.

Солнце в созвездии Водолея до 19 февраля.

Со знаком Водолея связан САПФИР.

сапфир украшал скипетр Соломона.

Сапфир - талисман для всех, рождённых с 20 января по 19 февраля. В этот же период возрастает его мистическое значение и для рождённых под другими знаками.

18 февраля среда, день Меркурия. Алхимическое воплощение духа среды - ртуть. Меркурий - планета Гермеса Трисмегиста, основателя алхимии, последнего хранителя тайн этрусских жрецов, (аватарой которого будет Пифагор, помнивший свои прежние воплощения).

В этот день начинается 4083 год „Железного Века" (Калиюга, см. сб. 15 и „Осеннее Приложение" к сб. 16).

День рождения **РАМАКРИШНЫ ПАРАМХАНСЫ**, величайшего из аватар (воплощений Божественного начала) последнего столетия, учениками которого были такие выдающиеся ведантисты, как Вивекананда

19 февраля Солнце покидает созвездие Водолея. Последний день инд. месяца **Магха** и месяца Бахман по древнеиранскому календарю. ЧЕТВЕРГ - день Юпитера, с четверга начался 1981 год. Алхимическое воплощение души этого дня недели - олово. По четвергам астрологи рекомендуют мыться, бриться, стричь волосы и ногти, - это обернётся богатством, благополучием и властью.

Полнолуние в 1 час 52 мин. Совпадает конец лунного и звёздного месяца, что усиливает астральное значение этого дня как переходного. От новолуния (6.II) до полнолуния - вдох Луны, „светлеющая" половина месяца, благоприятная для начинаний. 19.II начинается неблагоприятная, „темнеющая" половина луны, - время расплаты за содеянное (см. сборник-приложение к 16-ому).

Момент полнолуния - хорошее время для медитаций и синхронизации.

20 февраля День Венеры – пятница. Талисман этого дня – медь. Солнце вступает в созвездие Рыб, начинается месяц Пхалгун (Фальгун) по индийскому календарю.

По календарю майя – последний день месяца Сак, изображавшегося таким иероглифом:

Первый день вавилонского месяца АДДАР.

Первый день древнеперсидского месяца ВИЯХНА.

Уламрский праздник весны – „Физинтакр".

Первый день месяца ИСФАНДАРМУЗ по иранскому календарю. Все перечисленные названия – названия созвездия, известного нам как Рыбы, – кроме, разумеется, иероглифа Сак.

Со знаком Рыб большинством гороскопов связывается хризолит.

Пятая годовщина флекса Аргунова с длинным названием: „слова, которые ещё никто не произносил на этом свете, и вряд-ли их кто-нибудь знает. Сейчас эти слова можно увидеть только на мрачных, сырых стенах древних казематов, куда за много сотен лет ещё ни разу не проникал луч солнца."

21 февраля Суббота, день сатурна. Талисман этого дня – свинец.

Второе Пхалгуна.

На второй день после полнолуний, по данным статистики, приходится наибольшее количество преступлений, ураганов и автомобильных катастроф.

В этот день два года назад впервые увидел флекс-сборник один из крупнейших нынешних флексистов – Бр. О.

Первый день Кех по календарю майя.

Первый из этих иероглифов – знак дня, а второй – знак наступившего месяца КЕХ в календаре майя.

Продолжается „темнеющая" половина лунного месяца.

Идёт год металла и петуха. Предыдущие годы Петуха были: 1909, 1921, 1933, 1945, 1957, 1969.

22 февраля — ☉ – знак солнца и ВОСКРЕСЕНЬЯ. Металл этого дня – золото. В Воскресенье родился Сигэру Ому, из-за чего в народе его часто называют „наше солнце".

Далее:	1981	1982	1983	1984
23 февраля	понедельник	вторник	среда	пятница
24 февраля	вторник	среда	четверг	суббота
25 февраля	среда	четверг	пятница	
26 февраля	четверг	пятница	суббота	понедельник
27 февраля	пятница	суббота	Воскресенье	
28 февраля	суббота	воскресенье	понедельник	

29 февраля нет, зато есть Воскресенье, 1 марта, которое в иные годы будет: понедельник, вторник, четверг.

6 МАРТА, в 13 час 31 мин, – НОВОЛУНИЕ.

В новолуние разница электр. потенциалов верхней и нижней части человеческого тела достигает наибольшей величины. Луна в этот день находится в том же созвездии, где и Солнце. Йоги считают новолуние наиболее благоприятным временем для тела и духа.

Сергеев! Нехорошо вклеивать украденное!

Котов!

Чем же нехорошо? — во-первых.
И где доказательства в твоём наивном обвинении? —
— это во-вторых.

— Бессмертие гробов! — как любит говаривать мой папа. Понял, Котов?
— Бессмертие гробов!!!

Опять ты, читатель, мог иметь счастье своими моргалами потаращиться на историческую ценность, так сказать быть в соприкасании с архитектурным памятником Котовского слоготворения.

Почему эти листы не стали 19м сборником? Нет, друзья, не потому, что в международном аэропорту города Таизау, где находилась редакция, вдруг высадились Дикие Гуси. Эти мальчики смогли накостылять всем, но когда сунулись в редакцию Флекса, то получили по зубам. Конечно, не Котов лечил Гусям зубы, это всем ясно. Он как раз дописывал страницу о новолунии и электр. потенциалах верхней и нижней части тела. Это был и не С.Ома, который повесил на грудь табличку «Я — ПАЦИФИСТ» и мерно, как робот расхаживал по карнизу, звеня золотой цепью, что ниспадала из его лба. Естественно наёмников бил и не Б.Олежка, не П.Дама, не А.Гризли и прочие. Они горланили пьяными голосами каждый свою песнь и валялись по палатям, полам и пальмам.

Наёмников отдолбил — я, А.Я.Сергеев. Самого первого ворвавшегося в редакцию я задавил окурком сигареты, двух других щелчками мизинца левой ноги вбил в кирпичную стену. Десяток следующих я связал одной бечёвкой и куда-то закинул. Ещё пятьдесят гусей я посадил на одну ладонь, а другой ка-ак шмякну! Плёхшлёпк!!! Остальные разбежались.

Освобождать черножёлтых города Таизау нам не приходило в голову, да и зачем? У них одна судьба, у нас другая. Вот редакция и перебралась снова в Москву. Здесь както попривычней. Здесь уже давно белые живут под знаком Чёрного Дикого Гуся, вроде пообвыклись, спокойнее как-то.

Но время своё содеяло. 19й сборник стал иметь другой вид, родился и ушёл на наш свет.

Такая притослесказка. Так было. Да-а...

06.02.82.

А.Сергеев

МУЗЫКА

— Вениамин, сыграй что-нибудь для души. — попросил Степан, на секунду отрываясь от изнурительного труда.

— А что именно сыграть и для чьей души? — как-то задумчиво сказал Вениамин.

— Из классики исполни, хотя бы Моцартелли. Для моей души. — Степан вновь стал изнуряться трудом.

— Хорошо. — в голосе Вениамина чувствовалась рассеянная вдохновенность. Он сел за руль, запрокинул голову, зажмурился и сразу, без подготовки начал игру. Музыка полилась, как из ведра. Она схватила Степана за горло неистовой спазмой всей своей неземной силы. Степан рыдал, с ещё большим усердием, граничащим со зверством, изнуряясь трудом.

Наконец прозвучал последний аккорд, Вениамин безжизненно рухнул грудью на руль, его взлахмаченная голова как-то неестественно свисла в бок.

— Всё. — прошептали губы музыканта.

— О-о-о! — стонал Степан, орудие труда выпало из его ослабевших рук и брякнулось на землю. Прошло минут пять, Вениамин ожил и поднял своё измождённое, но сияющее каким-то внутренним ясным светом лицо и улыбнулся уставшей улыбкой заново рождённого человека. Он был красив.

— Ну? Каково? — спросил он.

— У меня нет слов! Нет слов... — Степан полз у ног музыканта, стараясь снять с них ботинки и расцеловать ступни.

— Не надо, Степушка! Мне даже не ловко, право. — Вениамин пытался отстранить от себя чрезмерно окосевшего меломана, но тот мёртвой хваткой вцепился ему в икры ног и заурчал по кошачьи.

— Убери руки, Веня, убери руки! — хрипел Степан, вращая обезумевшими глазами. И музыкант понял, что противиться бессмысленно.

08.01.82

Аврил

КРАХ

$121 = 11^2$, но из этого не следует,
что эта тетрадь – подлинный флекс-сборник.

Жутки-жуточки,
„изречения".

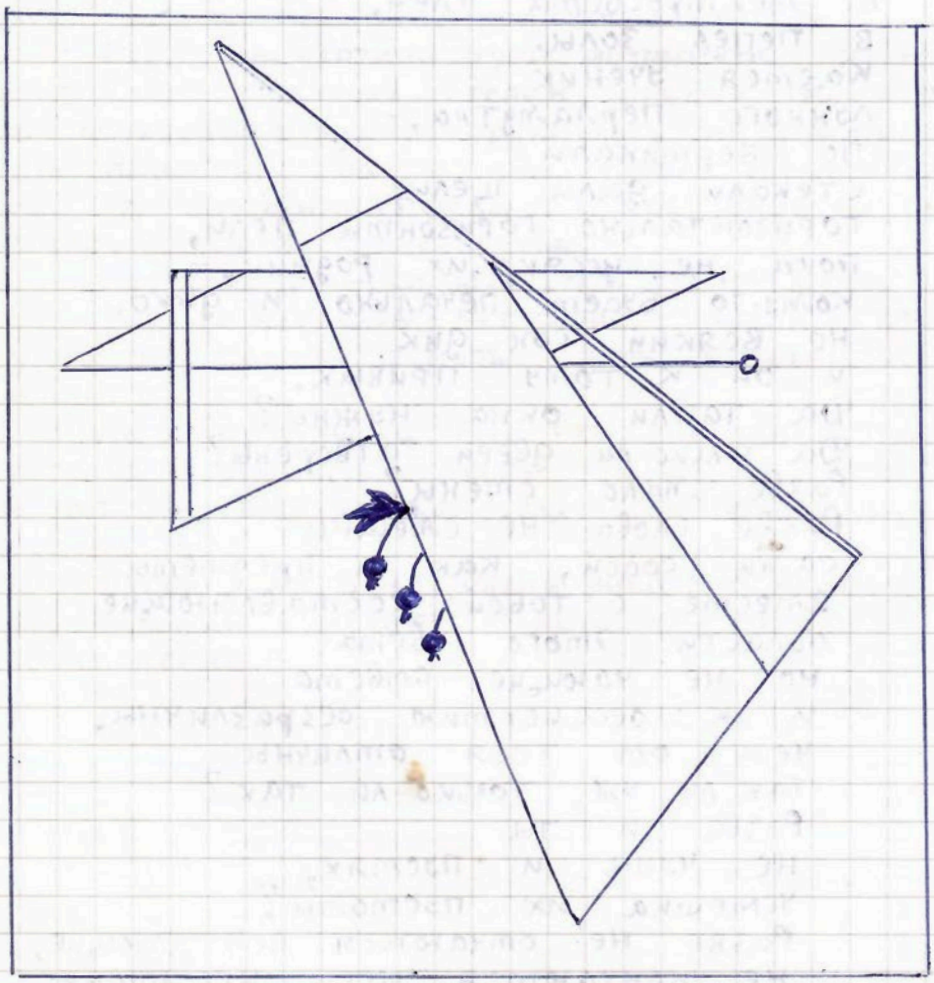
ХАРК
-О-

Только-ли двери закрыты
и занавешены окна?
Возятся тени стен,
вожжённых в углы.
Так-ли кончаются дни
и начинается утро?
Казнённые души забыты
и рвутся волокна
в электросвета тлен,
в пепел золы.
Кается ученик
лунного перламутра,–
по вертикали
стекали дали цели,
горизонтально горизонты пели,
пока не иссяк их родник,–
кому-то будет печально и дико,
но всякий сок дик
и он к тому привык.
Да такли окна нужны?
Да только ли двери затворены?
Разве мало стены?
Разве слова не смешны
сами собой, как и предметы
вместе с тобой составляющие
области Этого света
но не чающие ответа
и к бессмертию безразличны,
чем от тебя отличны
Так ли уж, только-ли так?
Разве и ты
не чушь и пустяк,
усмешка их пустоты?
Разве не отчаются вся чающие,
не кончаются игры играющих,
начинающих с красоты, – как и ты,–
обещающей трон высоты?
Это тающий сон, это рок наш,
Это окна
занавешены,
Это слова смешны,

122

Это души в углах казнены,
Это двери затворены,
Это мечутся безустешно
сны безгрешных,
Это дни безвинных повешены
и ночи кромешные
на паутинах, на занавешеных,
на закрытом и затворённом,
на всём сотворённом,
на всём обречённом, облачённом во мрак.
Разве не так? Так.

Жутки-Жуточкин,
1954 г.



„Крыжовник"

123

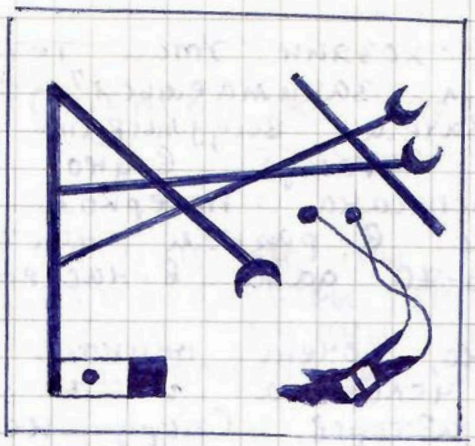
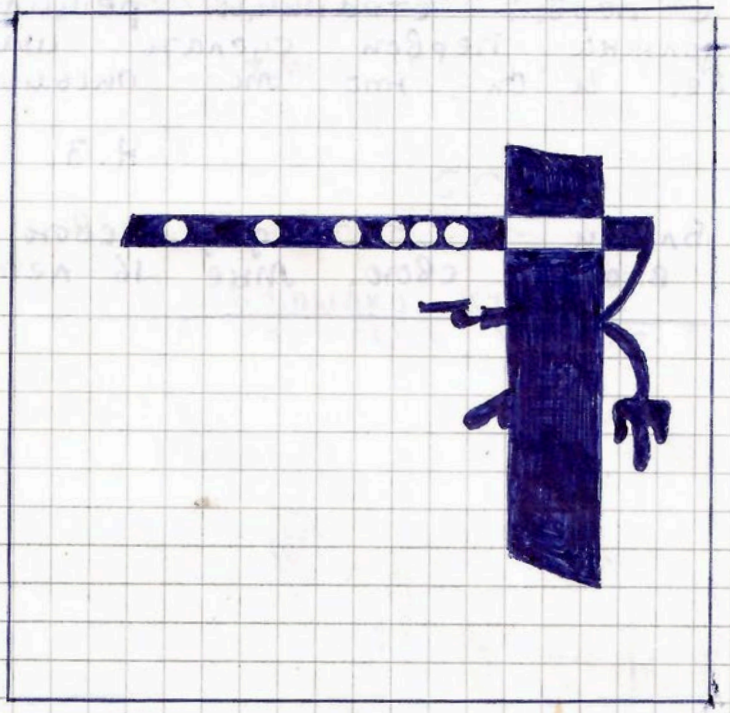


иллюстрация к
рассказу Чехова
„ШИНЕЛЬ"



„Дубровский"

иллюстрация к повести
А.С. Пушкина.

124

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ.

Милый человек, хозяин этой тетради! Зачем ты этим занимаешься? У тебя нет друзей? Зачем выдумывать авторов? Ведь с первого взгляда видно, что вся тетрадь исписана почерком одного человека, только в разном настроении, а на стр. 69-70 даже в настроении нетрезвом.

Ты, вероятно, очень одинок. У тебя нет близкого человека и ты выдумал целую банду авторов. Спору нет, ты мечтатель и не лишён ума и фантазии. Но разве это выход: плодить из своего "я" всяких Сергеевых, Бельских, Гризли, Котовых, Жутки-Жуточки, Поддольных, их вдов?..

Кстати, как зовут тебя на самом деле? Напиши лучше о себе и от себя, о своей жизни, о бедах. Не бойся, я всё пойму.

Я с первой страницы решила, что должна первой сделать шаг к тебе. И он - это моё письмо.

Н.З.

P.S. Вложи в тетрадку свою фотку, а я вложу свою. Мне 16 лет.

Жутки-Жуточки.

страница поэзии.

РОМАНСЫ к Наде 3.

Стихи нужны страдальцам.
Страдальцы пишут их.
Мне нужны мясо и кальций,
и, подобный этому, стих.

Страдальцам страдальцы нужны,
грешникам — грешных раскаянья.
Но разграничил их мир сатаны,
мир пустоты и отчаяния,
мир мудрости и трусости,
мир общей участи,
где всякие ложны пророчества,—
и их многозвучность — от одиночества,—
лишь новичков мучает,—
они не знают, что мука — счастье.

А самые высшие, самые лучшие
знают про то лишь отчасти.

Я бутылку купил —
на картошку не было сил.
Но начала многих начал
постигаю, едва почал.

Вот, к примеру, моя печаль —
ведь это чья-то мечта.
И кого-то зовёт ясноглазая даль —
— то моя пустота.

И кто-то идёт уже этой тропой,
иль другой, — не всё ли равно.
Всех нас однажды спасёт вино
и магнитофонный вой.

126

ВЛАДИМИР КОТОВ.

стихи.

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно,
Привычки, прежде милые, постылы,
И горек дым сигары. Решено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночных трудов и одиноких дум—
Мой жребий горек. Жадного недуга
Я не избег. Ещё мой светел ум,
Ещё в надежде глупой и послушной
не ищет он отрады малодушной,
Я вижу всё... А рано смерть идёт,
и жизни жаль мучительно. Я молод,
Теперь поменьше мелочных забот,
и реже в дверь мою стучится голод:
Теперь бы мог я сделать что-нибудь.
Но поздно!.. Я как путник безрассудный,
пустившийся в далёкий, долгий путь,
не сразмерив сил с дорогой трудной:
кругом всё чуждо, негде отдохнуть,
стоит он, бледный, средь большой дороги,
домов чужих и дел... Вот подкосились ноги,
и он упал... Тогда к нему толпой
сойдутся люди — смущены, унылы,
Почтят его ненужною слезой
и довезут охотно — до могилы...

21.1.82

127

Збигнев Забигловский

СТИХЕМЫ.

Январская весна.

Копыта кран-воды озарены
мгновеньем заходящего светила.
На грязных пятнах лопнутой стены
досрочной и невинной силой
стекает золото весны.

Царя, торчит среди трёх вёдр
плешивый веник,
но бодр, взойдя на смертный одр,
сей лживый неврастеник.

И года не пройдёт, и века, –
Он подметёт и сор, и человека.

Ушли в небытие серебряные стужи,
сверкают в январе ему чужие лужи.

И в магазине, где торгуют не водой,
стоят весенне-длинной чередой
сограждане, чей быт уныл и плох,
творя разбой и злой переполох.

Средь них найдя друзей,
Глаголю им: весна.
И во дворе шпана
Мне говорит: налей!

А я, покамест лью,
Всё мыслю: коего прибью?

Zbigniew Zabigłowski.

21.1.82

Редакция сборника
с прискорбием сообщает,
что 21 января вечером наш
Светоч и Лучезарь А.Я. Сергеев
поломал правую длань в неравном
бою с Великаном.
Редакция передаёт семье пострадавшего
искренние соболезнования и верит
в скорое выздоровление никем
непризнанного кумира.

128

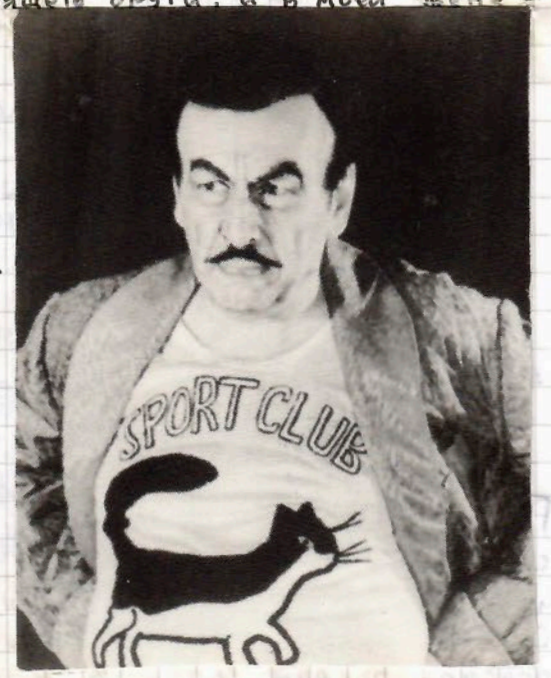
О-у!

Сборник побывал у В. Котова. Хорошо это, или плохо — — судить об этом не будем, не охота. Хотя «Харк» — — замечательное произведение (стр. 121). Любой другой журнал с руками бы вырвал это творение, но счастье выпало на нашу долю.

Очередная моя поездка в Зурбаган дала новые ожидаемые плоды. Это работа на стр. 117 «Ёжику из 11го сборника», работа на стр. 121 «Белому Кролику», стр. 125 «Атаке Г.», на этой странице ← «Клог чёрный» и четыре флекса на стр. 129.
«Катаутёнок» моя старая работа, недавно найденная в флексархиве... Минуточку, рука устала калякать.

25.01.82 Ал Сер

На этой же стр. я поместил для молодухи Н.З. свою фотку. Это единственная моя фотка, на которой я сильно пьян. На других фотках я пьян меньше, чаще — почти трезв. Так что, милашка Н.З., ты найдёшь во мне настоящего друга, а в моей жене — искреннюю подругу.



Удди II.

«Куски. Фрагмент» 17.1.82

Кукошкинский 22 сборник был начат П. Дамой 22 декабря 1981 года, но уже 19 января 1982 года, отмерив 65 страниц, был мною закрыт, а заодно я Великим Вердиктом закрыл и весь Флекс.

Как я и думал, старыми возможностями и методами Флекс существовать, тем более развиваться не может.

Единственная возможность возрождения движения мною выведена в последней статье 22 сборника. Соблюдение этих законов предусматривает существование и развитие Флекс движения (ФД).

«Цельность. Фрагмент.» 17.1.82.

Вот эти законы для истинных флексистов:

ЗАКОНЫ —

1. Рисовать флексии ради рисования флексий.
2. Учиться улавливать и распозновать состояния тела и духа при рисовании флексий, от их просмотра, восприятия.
3. Верить во Флекс, его раскрытие в наших сознаниях, в его действенность. Верить в пока необозначенный ничем смысл Флекса, что он наступит, тайна откроется.
4. Быть в состоянии свершения чуда, ждать его.

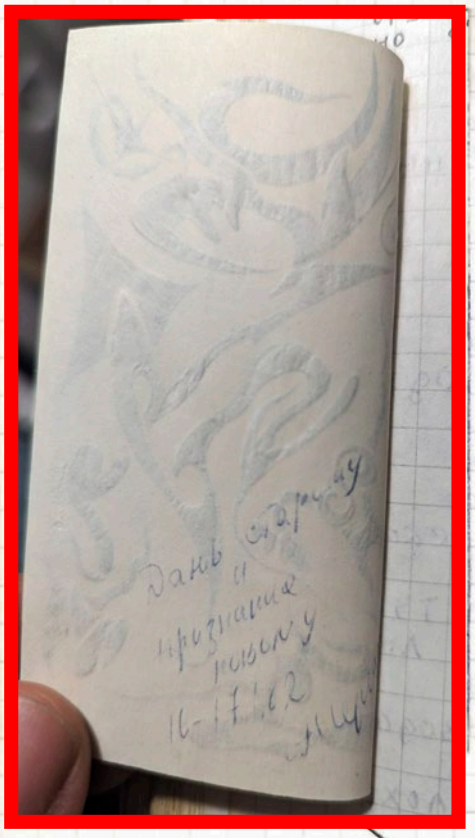
«Ещё. Фрагмент.» 17.1.82

«Ещё. Цфрагмент.» 17.1.82

26.01.82. [signature]

О-у!

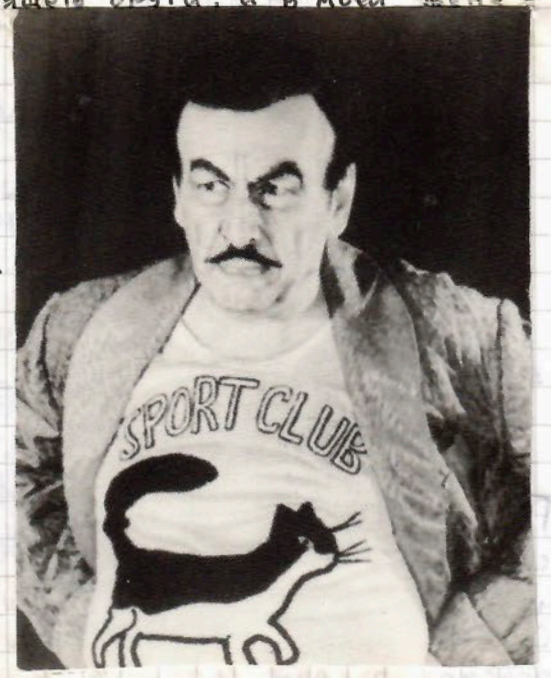
Сборник побывал у В. Котова. Хорошо это, или плохо — — судить об этом не будем, не охота. Хотя «Харк» — — замечательное произведение (стр. 121). Любой другой журнал с руками бы вырвал это творение, но счастье выпало на нашу долю.



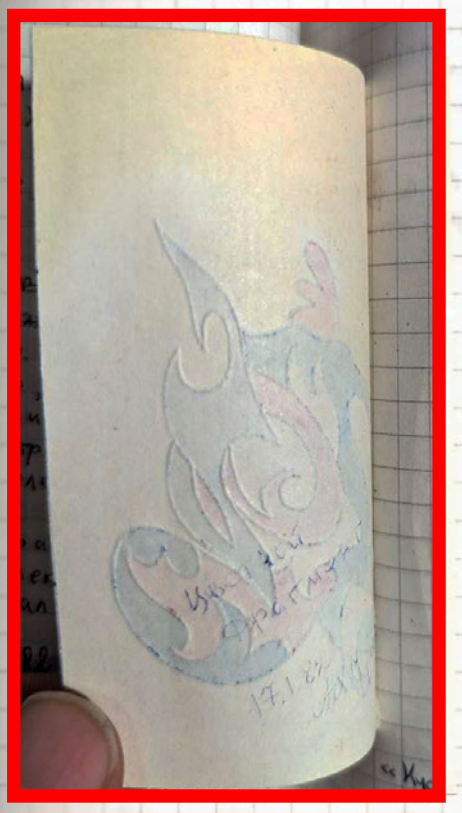
Очередная моя поездка в Зурбаган дала новые ожидаемые плоды. Это работа на стр. 117 «Ёжику из 11го сборника», работа на стр. 121 «Белому Кролику», стр. 125 «Атаке Г.», на этой странице «Клог чёрный» и четыре флекса на стр. 129.
«Катаутёнок» моя старая работа, недавно найденная в флексархиве... Минуточку, рука устала калякать.

25.01.82 Ал Сер

На этой же стр. я поместил для молодухи Н.З. свою фотку. Это единственная моя фотка, на которой я сильно пьян. На других фотках я пьян меньше, чаще — почти трезв. Так что, милашка Н.З., ты найдёшь во мне настоящего друга, а в моей жене — искреннюю подругу.



Удди II.

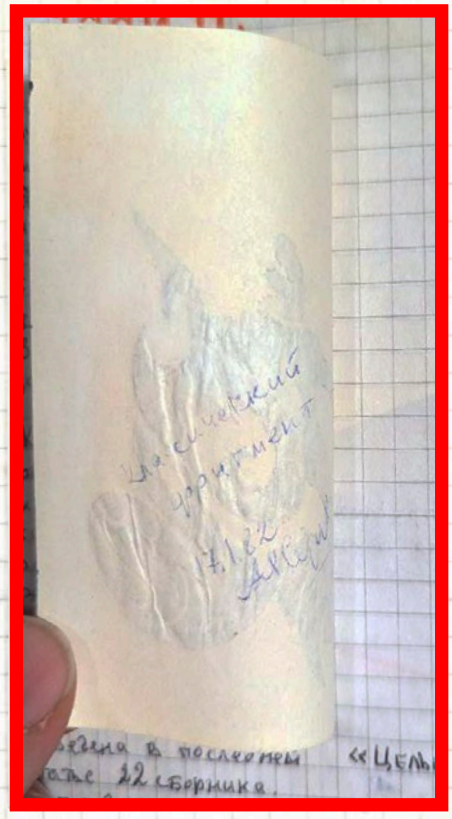


«Куски. Фрагмент» 17.1.82

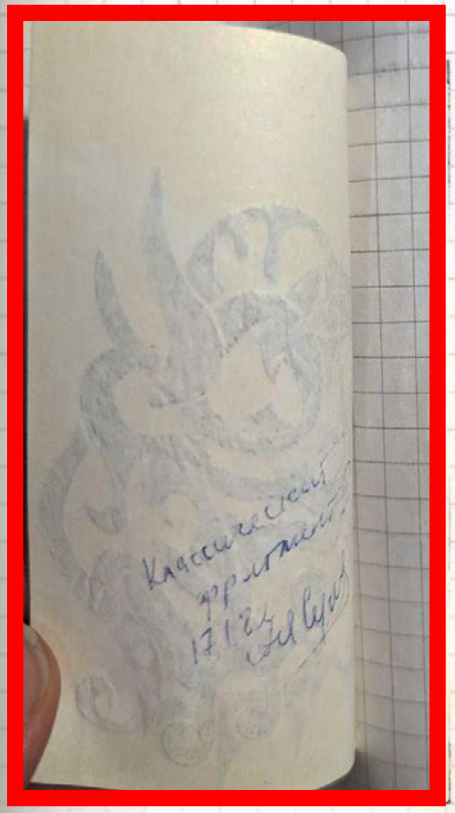
Кукошкинский 22 сборник был начат П. Дамой 22 декабря 1981 года, но уже 19 января 1982 года, отмерив 65 страниц, был мною закрыт, а заодно я Великим Вердиктом закрыл и весь Флекс.

Как я и думал, старыми возможностями и методами Флекс существовать, тем более развиваться не может.

Единственная возможность возрождения движения мною выведена в последней статье 22 сборника. Соблюдение этих законов предусматривает существование и развитие Флекс движения (ФД).



«Цельность. Фрагмент.» 17.1.82.



«Ещё. Фрагмент.» 17.1.82

Вот эти законы для истинных флексистов:

ЗАКОНЫ —

1. Рисовать флексии ради рисования флексий.
2. Учиться улавливать и распозновать состояния тела и духа при рисовании флексий, от их просмотра, восприятия.
3. Верить во Флекс, его раскрытие в наших сознаниях, в его действенность. Верить в пока необозначенный ничем смысл Флекса, что он наступит, тайна откроется.
4. Быть в состоянии свершения чуда, ждать его.

«Ещё. Цфрагмент.» 17.1.82

26.01.82. [signature]

130

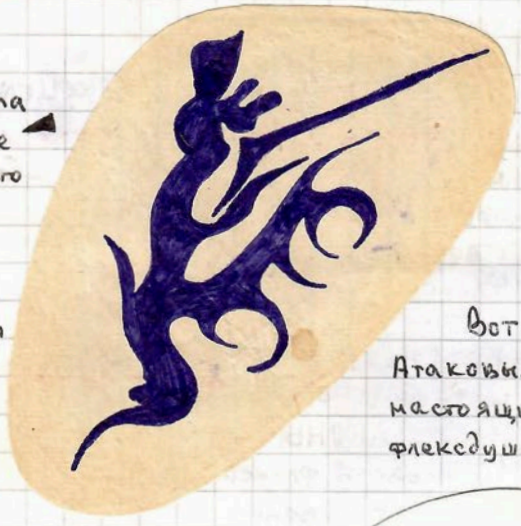
НАМ РИСУЕТ АТАКА ГРИЗЛИ.

Эти пять шедевров — плоды недавних археологических раскопок моего архива.

► Эта работа выполнена в чисто гризлиевском стиле.

Тут у автора явно прослеживается некоторое модное в то время влияние кромешнофлексий. ◄

А здесь Гризли хотела что-то выразить, но не на своём языке, отчего и произошёл такой флексокаламбур. Это несвойственная Атака манера рисования, хотя и встречающаяся довольно часто. ◄



Вот настоящие отпечатки Атаковых лапок во Флексе. Это настоящие следы гризлиевской флексдуши. ▲

▼

Чудно́, но это не С. Ома, это тоже А. Гризли.

Коментировал [signature] 21.01.82

131

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРАВИЛО

Сейчас мы являемся свидетелями рождения в Флексе Новой Эры. Грань, разделяющая её от старой лежит на страницах 22 кокошкинского сборника, который теперь получил историческое значение — он последний в Старой Эре.

Теперь мы имеем четыре обязательных для флексистов закона (см. сб №22 или стр 129 этого номера). Дальнейший путь ФД будет обусловлен этими законами, там, где они не будут осуществляться — не будет ФД.

Прежнюю точку зрения на ФД, царившую в Старой Эре, что у Флекса одно правило: никаких правил, — сама жизнь заставила пересмотреть и изменить. Правило во Флексе есть. Новая Эра Флекса преподносит его флексистам, как откровение:

> Флексисты, чтобы быть полноценными, должны не бояться делиться друг с другом своими впечатлениями и ощущениями от соприкасания (визуального, медитативного, чувственно-спонтанного и прочего) с флексиями.

Это правило даст возможность для самого близкого контакта между флексистами, на основе Флекса. Такое правило даст возможность правильнее понять и задействовать Законы ФД. На основе этого правила произойдёт великое человеческое стремление — Соединение.

Новую Эру в ФД необходимо открыть и новым сборником. Он, конечно, будет под номером 1 (один). Я вижу этот сборник таким: что-то вроде сборника №20, эдакий каталог флексработ с комментариями по существу. В нём допускается публикация стихов, для поэзии его страницы открыты, так же, как для художественных произведений в прозе. Для каждого такого сборника будут созданы приложения, в которых флексисты будут вести дискуссии и войны. Приложения не подлежат законодательству ФД и имеют те правила, которые Бог пошлёт. Лишь результаты дискуссий, решения споров будут переноситься в основной сборник. Флексисты должны выглядеть, как настроившийся оркестр, где каждый знает своё и чужое дело, где общая игра стоит выше личных прихотей. Приложения — это репетиции, сборник — гастроли с ясно отработанной программой.

Такой должна стать Новая Эра для флекс движения (ФД).

26.01.82 А. Семь

Статален Орт

До этой страницы в этом синтезированном сборнике помещено **120** флексоработ восьми авторов.

Вот имена участников флексосозидания:

		их работ (шт.)	
1.	СЕРГЕЕВ	79	
2.	ГРИЗЛИ	17	(о методах
3.	КОТОВ	17	подсчёта
4.	КРОЛИК	3	количества
5.	ДЖОКЕР	2	предъявленных
6.	П.Дама	1	работ
7.	ВЕРОНИКА	0,5	читайте в
8.	Бр.О	0,5	22 сборнике)

Из III сборника мы имели честь узреть 13 ранних работ А.Я. Сергеева.

Восемнадцатый собрал четырёх авторов (1,2,3,5 по списку справа) и 50 флексоработ, из которых Сергееву принадлежит 35, Гризли – 10, другим авторам – 5.

В 21м сборнике приняли участие 7мь флексистов. Число работ определено таким образом:

Сергеев	31
Котов	14
Гризли	7
Другие авторы	5

В тот момент, когда я дописывал этот календарь, ко мне сзади подошёл человек в истлевшей одежде. Он сказал, очень сильно сжимая что-то в зелёном кулаке, так вот, очень сильно сжимая что-то в зелёном кулаке, он сказал с явным немецким акцентом: – Я есть Геббельс. Я много слишаль о Флекс. Я есть ошень радоваться. Я сейчаз бываю на перевоспитании у герра Цербера. Я полушаль минутный отпуск, что бы преподнести фам вот этот знак ЭС-ДЭ. Прощайтсе.

Анкал[4]

Двадцать шестое января считается отныне днём рождения газеты «Крень».
Она появилась в результате неплодотворного сотрудничества флексистов с газетой «Корень», что издаётся в г. Пустышкине. Редакция газеты «Крень» находится в городе Похабинске. и является отделением Флексдвижения Новой Эры (ФД НЭ)

До сих пор были созданы два номера газеты «Крень», но они затерялись в дебрях Пустышкина, были нецентрализованы и носили анархический характер. С 26 января 1982 года газета «Крень» является одним из рупоров ФД НЭ.

26.01.82 Ал Серик

КАК И ВСЕГДА...

/критика/

Как и всегда в мире существует и будет существовать передовая мысль и консервативные инстинкты. Во ФД тоже существует такой закон сожительства двух противоположностей.

Сергеевская передовая мысль постоянно сталкивается с котовскими инстинктами. Может быть гениальный в прошлом флексист (Котов В.В.) просто-напросто чего-то никак не поймет, не усвоит? Может быть, может быть. Но от этого проблемма не уменьшается, наоборот. Невнимание с нашей стороны к Котову, наше нежелание (подчас объяснимое занятостью редакции, массой работы) во время объяснить и растолковать ему и некоторым флексистам азбучных флексических истин, неумелая работа с новыми кадрами, равно как и с заслуженными (Котов) — всё это приводит к застою в развитии флексистов и Котова в частности.

Такой подход к проблеммам флекса неверен, влечёт непонимание флексистов, их общее отставание от передовых мыслей Сергеева.

Редакция выносит решение о культурном и просветительном воздействии на старого, заслуженного флексиста В. Котова и на всех остальных.

ЦК Редакции 21 номера
журнала «Флекс»

Поместить в 21 сборнике 27/I-82 АОС...

З А Я В Л Е Н И Е

Центрального издательства "ФЛЕКС"

от 21.I.82г.

В связи с подрывной и антифлексистской деятельностью А.Я.Сергеева, в полной мере проявившейся при создании 21-го сборника, а также учитывая прежние преступления оного Сергеева против Великого Дела, Ордена и Игры /уничтожение Третьего Священного Сборника, положившего начало Движению, и, следовательно, попытка истребить корень Движения/, а равно с указанным и коварной лживости обещаний Сергеева восстановить якобы не напрочь уничтоженный Третий Священный, требуем Основателя и Координационный Центр ФД пресечь подрывную деятельность а.я.сергеева и избавить мир Флекса от этого троянского коня злобствующего плебса.

П Р И К А З

Основателя И Вождя ФД д-ра Котова,
главы Координационного Центра ФД.

Немедленно прекратить всем всякие попытки убрать Сергеева, одного из первейших моих учеников, из нашего Движения. 21-ый сборник, являющийся свидетельством подрывной деятельности Сергеева внутри Движения, приказываю не считать сборником Движения и тем снять с А.Я.Сергеева обвинения, предъявленные редакцией и народом. Приказываю закрепить статус 21-го сборника Флекса /XXI/ за сборником, начатым Прекрасной Дамой и подлинно отражающим интересы всех активно участвующих в нём флексистов. Напомню, что в Сергеевской тетради участие подлинных флексистов подменено участием чуждых Движению реакционных элементов /Поддольный, вдова-самозванка, Шутки-Шуточки и др./ Я лично участвовал в тетради лишь в качестве её критика и блюстителя духа ФД. Вклеенные или переписанные Сергеевым мои позитивные тексты украдены из Священного Архива и не могут придать тетради статус сборника с Моим участием.

Приказываю также прекратить распространение слухов о лживости и коварстве Сергеева, так как Третий Сборник непременно будет им восстановлен.

д-р Котов, 21.I.82.

135

135-
СТРАНИЦА ПАМЯТИ
Д-РА КОТОВА.

136

136 –

СТРАНИЦА ДРУГИХ КАЧЕСТВ ЕГО ДУШИ.

137

Беседу ведёт доктор ПОДДОЛЬНЫЙ.

Друзья! Молодость всегда содержала в ряде своих черт черты ненормальности, психопатологии. Но, будучи сама преходящей, она делает преходящими, и, следовательно, вне-патологическими указанные черты.

Тем не менее, если за здоровое начало в молодости не развить, если дать ей свободу сиротства и беспризорничества, она чревата, — индивидуально, — подлинной патологией, — социально — новым 1968-ым годом, когда обезумевшие от марихуаны и всяких Махариши молодые люди по всей земле вдруг вздумали построить светлое будущее из своих фантазий, сердец, снов, словно не ведая, что на Трети Планеты оно уже строится из более надёжных материалов: бетона, металла, электричества, компьютеров и прочих основ, предоставляющих человеку ПРАВО НА ТРУД, на них, для нарастания их массы и плотности.

Некое брожение, хоть и далёкое от вулкана-1968, повсеместно сопутствует молодости и ныне. Это и увлечение восточными системами, и полуграмотность-полумода в области весьма спорных книг (типа „Игры в бисер", „Фаустус" Манна, „Ричард Бах" Дж. Ливингстона и проч), и хождения на „выставки" бездарного выпендрёжа моих пациентов — на так называемую „авангардную живопись".

Мои коллеги пресекают, где могут, „источники" указанного сорта. Но ведь не в них главная причина. Ведь спрос обуславливает потребление, а не наоборот. А спрос этот — тот самый пред-патологический так называемый „Поиск" молодости, вызванный нарушением гормонального балланса в период диалектической борьбы вторичных и первичных половых признаков, развивающейся несинхронно с развитием диалектической борьбы второй и первой сигнальных систем, коры и подкорки, и сопровождающейся нарушением распада и синтеза серотонина, норадреналина, гаммаглобулина и терпингидрата.

Надо сдвинуть спрос, обмануть чреватую болезнью идейно не зрелую гормонально-вегетативную лимфатическую систему коры и подкорки.

138

С этой целью я и прибег к простительной мистификации: создал (не один, разумеется) эту тетрадь. Мне очень помог в работе мой пациент, параноик, писавший лучшие места – под моим гипнозом и от себя лично писавший „Сергеева". Это В. В. Попов, проживающий по адресу: М., Ан. Живова, 8, 35; ныне – на амбулаторном лечении.

Но более всего советую обращаться лично ко мне: моя своевременная помощь довершит дело, начатое этой тетрадью: пародирование всякого поиска в мире, где всё уже найдено, – даже либексин и неулептил, – далее: пародирование „обществ" молодёжи и скрывающуюся за „поиском" грызню, имеющую чисто гормональные причины.

А что бы сказанное не потонуло среди текстов, „авторы" которых обвиняют друг друга во всём, кончая нереальностью (например, на стр. 108, внизу, даже моя фамилия преподнесена как псевдоним), закончу беседу следующим документом:

И вот пример параноидно-депрессивного синдрома:
(В. В. Попов) →

Анкал[5]

Не было никогда Котова — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Чарвакари — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Сергеева — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Аргунова — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Акульского — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Рюши — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Пэна — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Минкина — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Гаюты — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Гулангари — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Сигэру — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Гризли — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Оппы I — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Братца — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Клера Саанда — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Дамы Прекрасной — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Елены — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Фрюми — лишь был параноик убогий.

Но были всегда Бенджамины и Пинты.
Но были всегда Марины и П. Пифагори.
Но были всегда Ангалампи и Димы.
Но были всегда Вячеславы и Жутки-Жуточкины.
Но были всегда М.З. и М.З.
Но был всегда Пушкин в зелёной рубахе,
Корчной с унитазом шагал налегке.
Но были всегда разноцветные перья,
Что с мамой прощаясь, летели к реке.

Но был постоянно Поддольный суровый,
С Поповым в обнимку стоял в вышине.
Был Бельский жестокий с кровавою книгой,
Был страшный Вонючкин с кочергою в руке.

Стреляли бомбарды, звенели разбито
На осени листья упавшие стёкла.
И мчалася конной лавины громада
На стройные профили ждущих шеренг.

Блистали зарницы, в зрачках потухая,
Кричала убитого витязя мать.
Туманы клубились в оврагах холодных,
Кривилось страданием жизни лицо.

Оборваны нити, что куклой играли.
Марионетка упала на кафельный пол:
Разбито лицо, сердце остыло,
И кровь растеклася тёмным пятном.

07.02.82 Кто-то Кое-какой.

... гормональные причины,
А что бы сказанное не потонуло среди текстов, „авторы" которых обвиняют друг друга во всём, кончая нереальностью (например, на стр. 108, внизу, даже моя фамилия преподнесена как псевдоним), закончу беседу следующим документом:

Н. тов. Попов В.В.!

Срочно придите на прием
в ПНД № 5 (м-ро 1905 г., ул. М. Гру-
зинская, д 23) тел 252-32-68)
к вр. Подольскому Ф.С.
четные ч. с 15-19
нечетные ч. с 9-14
(с военным билетом)

И вот пример параноидно-депресивного синдрома:
(В.В. Попов) →

Анкал[5]

Не было никогда Котова — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Чарвакари — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Сергеева — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Аргунова — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Акульского — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Рюши — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Пэна — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Минкина — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Гаюты — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Гулангари — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Сигэру — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Гризли — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Оппы I — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Братца — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Клера Саанда — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Дамы Прекрасной — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Елены — лишь был параноик убогий.
Не было никогда Фрюми — лишь был параноик убогий.

Но были всегда Бенджамины и Пинты.
Но были всегда Марины и П. Пифагори.
Но были всегда Ангалампи и Димы.
Но были всегда Вячеславы и Жутки-Жуточкины.
Но были всегда М.З. и М.З.
Но был всегда Пушкин в зелёной рубахе,
Корчной с унитазом шагал налегке.
Но были всегда разноцветные перья,
Что с мамой прощаясь, летели к реке.

Но был постоянно Поддольный суровый,
С Поповым в обнимку стоял в вышине.
Был Бельский жестокий с кровавою книгой,
Был страшный Вонючкин с кочергою в руке.

Стреляли бомбарды, звенели разбито
На осени листья упавшие стёкла.
И мчалася конной лавины громада
На стройные профили ждущих шеренг.

Блистали зарницы, в зрачках потухая,
Кричала убитого витязя мать.
Туманы клубились в оврагах холодных,
Кривилось страданием жизни лицо.

Оборваны нити, что куклой играли.
Марионетка упала на кафельный пол:
Разбито лицо, сердце остыло,
И кровь растеклася тёмным пятном.

07.02.82 Кто-то Кое-какой.

140

ПЕСНЯ отважного наёмника

АВТОР — А.Я.СЕРГЕЕВ — АВТОР

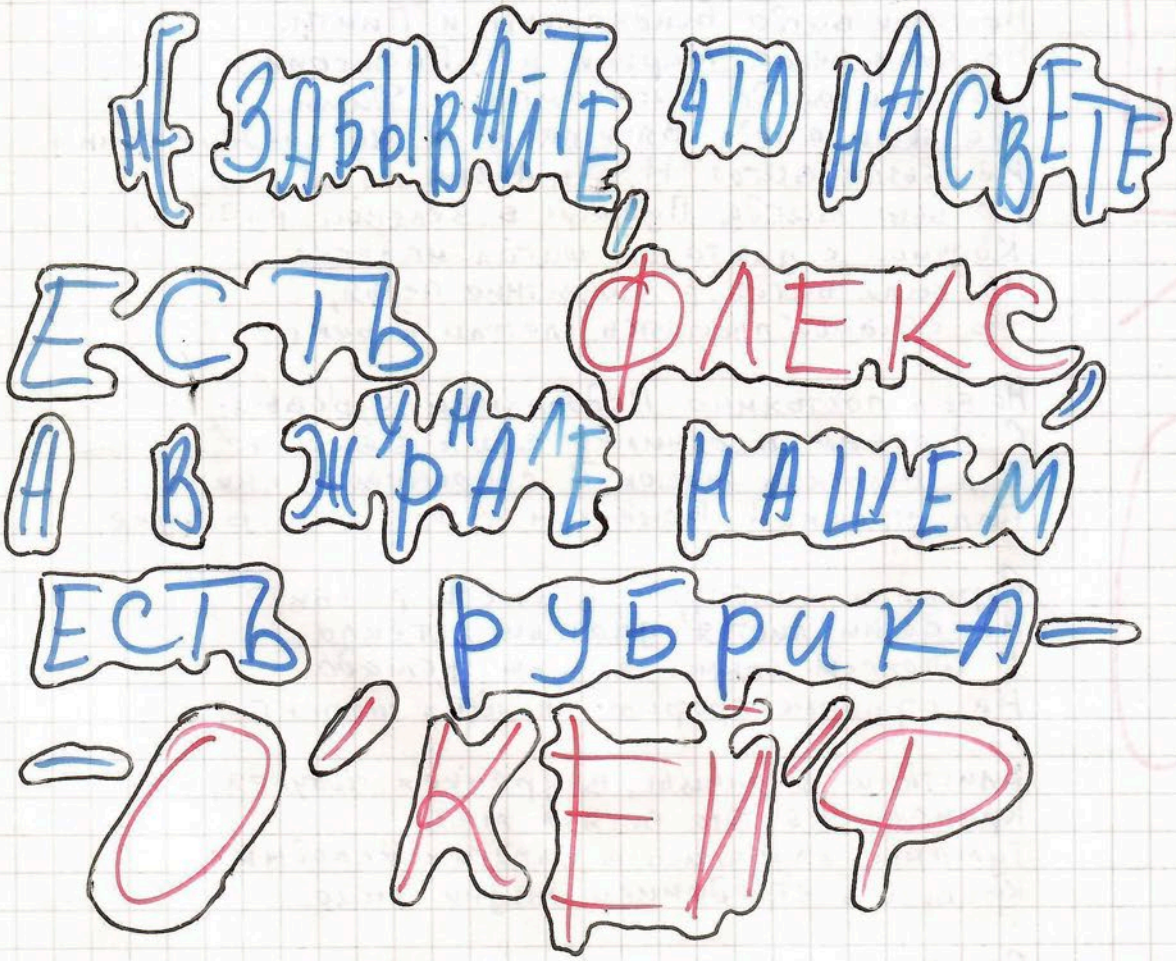
«Правым глазом я смотрю на мир:
Но это просто — тир,
Да, это просто — тир!

И пусть кричат, что я вампир:
Но Парабеллум — мой кумир,
Да, Парабеллум — мой кумир.

Я в людях вижу лишь одну мишень:
Я — человеческий шершень,
Да, человеческий шершень.

Театр жизни нашей очень прост:
Стреляй в мишень — и это весь вопрос,
Да, это весь вопрос!»

7-8/II-82 А.Сергеев



141

Генрих Бехер-Хоберт.

(с Deutsch)

/ Перевод на русский посильно совершил А.Я.Сергеев /

СЕРОЕ.

Самое главное в мире человечьем —
Это душа человека.
Есть души чёрные, есть души белые.
Чёрные — плохо, белые — вроде бы нет.
Но если смешать на палитре краску,
Если смешать чёрное с белым,
Будет серый цвет, цвет неба пасмурного,
Серые души — их в мире больше.
Чёрное яростно с белым воюет,
Белое мягко из чёрных объятий скользит.
Кто победит, ускользнёт ли белое?
Чёрное сильно, а белое ма́рко...
Серое-серое, серые души.
Се́рым-серо́, жизнь сереет в борьбе,
Души сереют,
Сердца остывают, вновь разгораясь с проклятьем вдвойне.

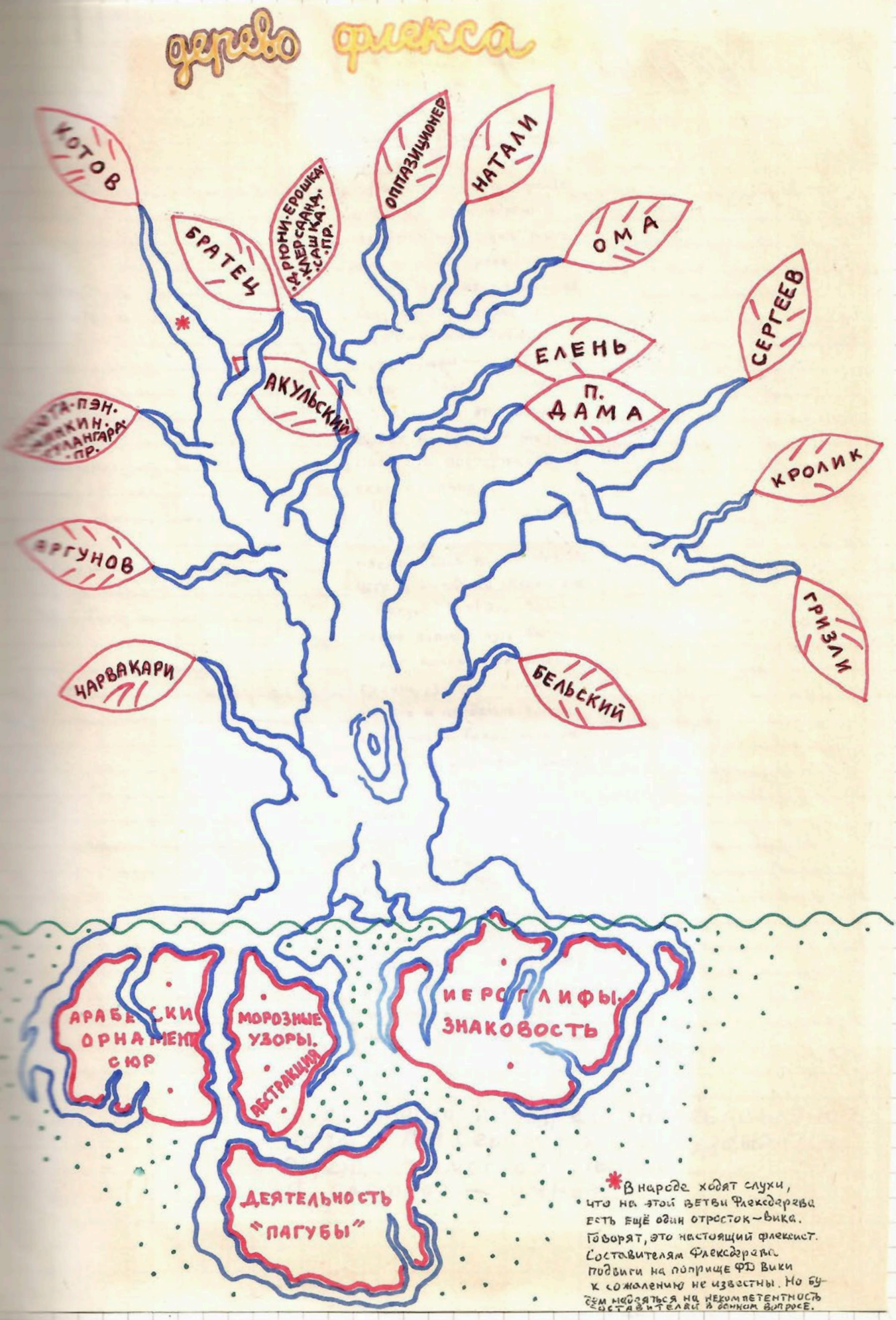
Да, Сергеев. Одни горят чёрным огнём, другие - белым, хотя цвета эти неразличимы, а различение их - субъективно, и зависит от тех, кто (чем) горит. Они друг друга сначала ругают, потом убивают. Всё же их мало. Много же тех, кто не верит ни в какие огни. И эти тоже друг друга убивают — таковы правила игры, алиби серых ханжей. Не постоянно убивают, но рано или поздно обязательно убивают. Хотя именно их следовало бы убивать.

13/14/II-82, Л.М.Зуар.

142

Я
ВАШ,
ЛЮДИ!
А
ВЫ — МОИ...

А. Я. Стрыгин



*В народе ходят слухи, что на этой ветви Флексдерева есть ещё один отросток – Вика. Говорят, это настоящий флексист. Составителям Флексдерева подвиги на поприще ФД Вики к сожалению не известны. Но будем надеяться на некомпетентность составителей в данном вопросе.

142

Я
ВАШ,
ЛЮДИ!
А
ВЫ — МОИ...

А. Я. Стрыгин

Автор: президент и царь республики А.Я. Сергеев

Очень открытое письмо Похабинской республики народам Пустышкинской страны.

Наша Республика обращается ко всем здраво и нездравомыслящим жителям великой страны.

Господа, настал решающий нас, когда вопрос о соединении должен быть решён — и тогда наступит долгожданное -УРА!-, или этот вопрос будет не решён — значит подлость восторжествует окончательно.

Что нас может соединить? Лишь общее активно выполняемое дело всеми НЕЗНАЮ ЧЕГО и методами НЕЗНАЮ КАК.

Абсурд? Нет! Это единственно верный путь. Он не имеет конкретных целей и границ, значит он лишён ошибок и предельно близок к вечности. Такой путь ни к чему не обязывает, значит выбравший его не только освобождается от всевозможных давлений извне, но и обретает абсолютную свободу. Движение по такому пути, основанное на законе НЕЗНАЮ КАК, поспособствует всестороннему раскрытию личности, рождению новых способностей и неведомых доселе штукобин.

Здесь можно лызезреть неодбравлэноэ пызмо А.Я. Серкеефа в Буздыжгин. Ощень грамотноэ пызмо. А глафноэ — умноэ.

144

подвиг

/рассказ/

— Ну, куды, куды прёшь, зараза! — Степан скомкал ладонью чьё-то лицо. Толпа наседала, мужики зло сопели и скалили зубы. Кто-то схватил Степана за подол армяка и сильно дёрнул.

— Ах, мать вашу! — Степан от обиды заматерился, отпрянул назад, выхватил из-за пазухи топор и взметнул его над головой. — Мать вашу в три погибели! Зарублю!

Толпа отхлынула, истово загудела, но не рассеялась.

— Ты, энто, тавo! Не шибко ори. — выкрикнул какой-то бородатый. — Ты нас топором не пужай! У нас сваво топорья ворох. Верна говорю, ребята?

— Лыхо бачишь, хлопче! — гаркнул дюжий хохол и размахнулся своим потаённым топором так, что свист оглушил ближайших.

— Верна говоришь! Верна! Верна-а! — закричала толпа, десятки топоров сверкнули над головой Степана.

— Но! — Степана такая ситуация ничуть не смутила, даже наоборот, возбудила так, что по телу прошла нервная дрожь как у хищника перед охотой. — Но-но! Шантропа! Ишь, как разбуянились. А ну, подходь! Кто первый?

Он широко расставил ноги, упёрся ими в землю с явным намерением оставаться на месте, что бы ни произошло. Топор с гулом делал круги над Степановой башкой.

— Ну, давай! Хто первый!!! — вопил Степан, глаза его всё больше наливались кровью, они выползли из орбит и кровавыми шариками нависли над орлиным носом.

Мужики оторопели. Сначала исчезли топоры; потом стихли голоса; наконец толпа двинулась назад, ещё дальше, ещё. И вот сотни спин показали Степану свои размеры. Через пять минут толпы не стало. Вокруг утомлённого Степана валялись топоры, шапки, буханки хлеба и шмотки сала.

— То-то, хамы! — Степан сел прямо на землю, утёр рукавом мокрый лоб, достал кисет, закурил. — У, сволота двугривенная. — уже без злобы, даже ласково сказал Степан и цыркнул сквозь зубы слюной в то место, на котором ещё недавно стояла яростная толпа.

24.2.82 А. Серов

145

ЛЮТОЕ ОБРАЩЕНИЕ КО ВСЕМ!

Оспода! Прошу вас совершить подвиг. Как? Отшень просто: после прочтения на стр. 144 рассказа „Подвиг" напишите свой рассказ, в котором попытайтесь осветить несколько неясностей „Подвига":

1. Кто такой Степан?
2. Что повлияло на плохие отношения между толпой и Степаном, какие были причины для таких отношений?
3. Где происходило действие?
4. Чего хотела толпа?
5. Почему Степан не уступил толпе?
6. Почему Степан не испугался толпы?
7. Почему Степан быстро остыл, стоило толпе рассеяться?
8. Что произошло дальше?

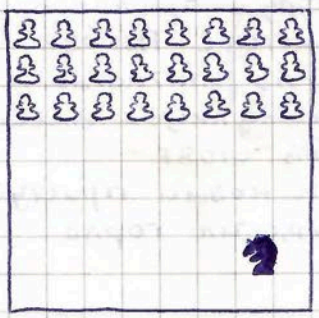
Пишите нам в журнале! Пишите и знайте: лучшая работа будет помещена во всех изданиях ФД, автору будет вручена премия в 75 рублей. Награды редакция сборника гарантирует. Размер вашей работы не должен превышать 1го листа.

Редакция.
Ка-ар.

ШУТКА ДУРАКОВ:

Гении приходят и уходят,
а дураки остаются.

/из ж-а „Крокаддиллус"/



ШАХМАТНЫЙ ЭТЮД.

Журкин-мл.

ПОЭМА.

Едва ли два,
тем более едва
четыре, - е4.
е2 - е4, - пусть!
Но трижды дважды
сколько?
... неизвестно...
О, знать бы - что!
А так всё пять,
как будто в мире этом
ни правды, ни царя...

Журкин-Жилочка.

146

УХОЖУ.

Я скорблю. Я покидаю. Ушли R.A., Чарвакари, Рюша, Ерошка, Дрюня... Ушли С.Ома и Оп.№1, Котов и Бр.О., Кандинский и Клер Саанд С., Пауль Клее и Натали, ухожу и я, ЖУТКИ-ЖУТЧКИ. Остаются Сергеев, Попов, Поддольный и все, кто готов продать Россию и всю Землю как круглую планету за бутылку водки. Я уходят, Сергеев остаются.

Жутки Жубчицкі

8/III-82

УШЁЛ...

Я скорблю. Но не покидаю. «Ушли R.A., Чарвакари, Рюша, Ерошка, Дрюня... Ушли С.Ома и Оп.№1, Котов и Бр.О., Кандинский и Клер Саанд С., Пауль Клее и Натали, ухожу и я, ЖУТКИ-ЖУТЧКИ.» Да-да, ушёл и он — самый главный флекс-еист — Ж-Ж, как прозвал его народ. Остались Сергеев, Гризли, Кролик. Этого достаточно, чтобы флекс не потух совсем. Остались Поддольный со своим неизлечимым пациентом Поповым. Да Попова пришлось усыпить, т.к. он — жутко неизлечим. Поддольный запил, продал не только Россию, не только всю Землю как круглую планету, но и свою душу как планету бесформную, аморфную, непонятную. И всё за одну бутылку водки, которую пришлось распить с Сергеевым на могиле Попова. Взгляд случайно скользнул по эпитафии: ошибка могильного скульптора налицо — вместо букв „П" в фамилии Попов стоят соответственно „К" и „Т". И новый приступ скорби тугим узлом перехватил горло пустой бутылки...

Ав Сергеев 11/III-82

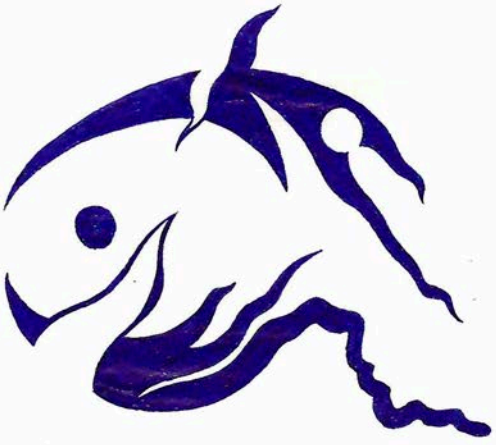
И ВОТ И все ушли. Тихо стало. Никто не ругается, мир, покой, утро и восход. Весна. Очень хорошо чувствуется весна. С передёргиванием вспомнился недавний мой пространный визит к ушедшим. Глупо. Мозг был черезчур упруг и плотен (следствие усердного скорбления на могиле Попова). Даже не смог сказать ушедшему, что он просто глуп и сильно болен. Почему? Что — почему? Почему я добр к тем, кто мне сделал слишком много зла? Вопрос этот не достоин ответа.

Ворона каркает что мóчи есть у ней.
Летает низко воробей.
Движенье солнца всё быстрей.
И вот уж утро шепчет: «Не болей!»

Солнечный день 11го марта. Скоро совсем будет тепло. Снег уползёт. Радость долбится в пустой груди, как проснувшийся в железной бочке медведь.

11.III-82 Ал Сергиц

Наша Таня громко плачет –
Уронила в речку мячик.
11/III-82 Грязи



Мой порок — моя гениальность.
11/III-82

149

ЛАМПАТАР.

У Кузнецова была жена. Девичья фамилия жены — Агапова. Жили вместе они уже двенадцать лет. Детей у них было тоже двенадцать. Жена ещё должна скоро рожать. Кузнецов получал 300 рублей, его жена по 12 рублей на каждого ребёнка, и того: 444 рубля, плюс помощь от государства.

Умер Кузнецов. Осталась его жена с пятнадцатью детьми одна. Началась война. Государство перестало помогать Агаповой-Кузнецовой и её кузнечикам.

Тогда пришёл я, победил врагов государева, часть контрибуции отдал многодетной семье. Дети Агаповой подростали. Все они попали в правительство. Я дружу с ними, значит имею своих людей в правительстве.

Обо всём этом знает моя соседка по лестничной клетке тётя Луша. Она решила меня извести и каждый день пишет в газеты жалобы на то, что у меня есть блат в правительстве. Газеты пишут на меня фельетоны, в том числе злые. Их примеру последовали и некоторые журналы (в частности журнал «Флекс»). Особо отличается журналист В.В.Котов. В силу того, что просто так не скажешь: мол, у Сергеева есть мохнатая лапа в нашем правительстве, вот их имена, и т.п., так как это может привести к некоторым кое-каким неудобствам во всех отношениях, то В.В.Котов обвиняет меня во всём плохом. Особо отличается пасквильщиной его работы в 22 номере журнала «Флекс».

Обращаюсь ко всем считающимся с мнением своих мозгов: дорогие мои друзья, я ни в чём не виноват (может быть только в одном: в чрезмерной своей гениальности), мои друзья в нашем правительстве — милые люди, они не способны на подлость, как и я.

11.3.82.

Ваш А.Сергеев

150

Письма в редакцию.

К нам в редакцию поступило письмо. Странное письмо. Первоначалько может показаться, что оно написано внезапно проснувшимся человеком. Но потом становится ясно: на почте произошла ошибка и вместо газеты «Сов. спорт» корреспонденция попала к нам. Несмотря на это наша редакция решила ответить на письмо Миши. Составила ответ А. Гризли, стенографировал и затем расшифровал А.Я. Сергеев.

ПИСЬМО МИШИ:

«Дорогая Редакция!
Я думаю, что многим любителям хоккея было бы интересно узнать: кто из советских хоккеистов является на сегодняшний день лидером по результативности.
Я знаю, что больше всех забил Б. Михайлов, за ним следует результат В. Старшинова. Но сколько именно они забили, и кто их может догнать или близок к их результатам — вот вопрос. Не могла бы ты, уважаемая Редакция «Советского Спорта», дать небольшую справку по этому поводу. Надеюсь, что она заинтересует многих.

С надеждой на ответ
Ваш читатель Миша.»

ОТВЕТ А.ГРИЗЛИ:

«Наш дорогой читатель Миша!
Это хорошо, что ты с надеждой на ответ.
Лови его, малыш! Да, милый наш читатель, жаль что редакция не знает как твоя фамилия и в каком ты классе учишься.
Да, забивать умеют наши прославленные мастера хоккея. Ты молодец, читатель Миша, редакция сразу почувствовала в тебе смену нашим прославленным мастерам. И догнать Б. Михайлова может каждый, кто хорошо учится и слушается папу и маму. Редакция надеется, что ты — именно такой, читатель Миша. Давай, малыш, дерзай, догоняй В. Старшинова и ты получишь полконька Бори Михайлова.
Дерзай, малыш, и знай — лишь смелым покоряются хоккейные поля. И пиши нам в «Советский спорт» о школе, о своей дворовой команде.
Мы ждём!»

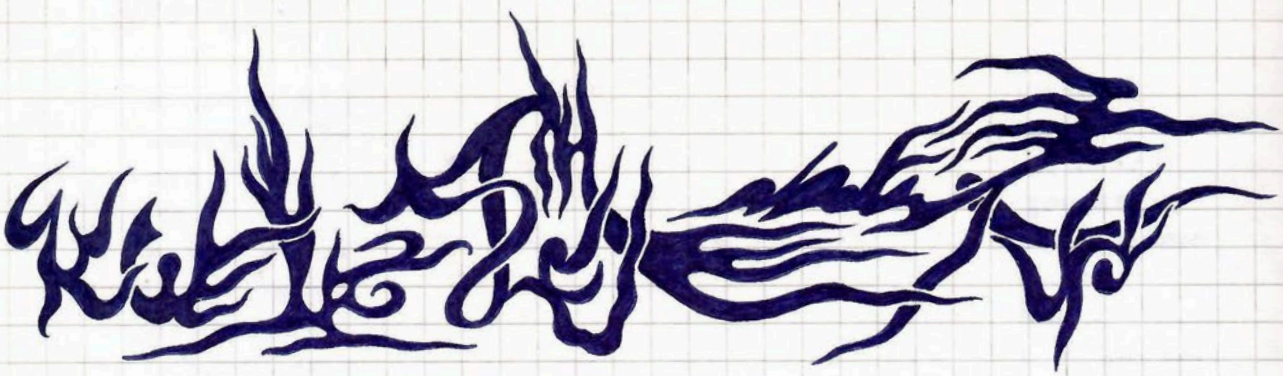
151

ПЛАНЕТА
ЛЮДЕЙ.
СЕНТ-ЭКС.

14.03.82
А.Я.Сергиев

КАТАРАКТАТ.
14.III.82
А.Я.Сергиев

152



„Слово — изменник души"

14-15. III. 82

Четырнадцатый

Поступили новые сообщения о ЧЕТЫРНАДЦАТОМ. Прежде чем их опубликовать редакция желает немного поговорить с читателем, так сказать — посплетничать. Говорят, Сигэру Ома спятил с ума. Он купил себе последние ботинки, камзол, расшитый жемчугом и серебром, всё это напялил на себя и так стоит на Красной площади уже двадцатые сутки. Ничего не ест, не пьёт, лишь изредка посмеивается. Каждый день его уносят санитары, но на следующее утро он непременно вновь появляется на том же месте.

Котов бросил играть в карты. — Душу они мне всю вымотали! — стуча в грудную клетку крепко сжатым локтем, жалуется в объяснениях Отец Флекса. Он состриг с себя все волосы и теперь привыкает к ношению одежды.

Бельский издал манифест, в котором вновь, как и почти 80 лет назад, он ошибается, давая мёртвым свободу — живых под арест.

Кормилец Пустышкина П. Вромбель иссяк физически, занимаясь вспашкой своего надела. Его мощи отправили на восстановление в оздоровительный центр при обществе слепцов «Радуга и драмадер».

Сергеев... Впрочем, пора о Четырнадцатом.

Четырнадцатый перепрыгнул через забор, но подлый зад успел хорошенько зацепиться за торчащие гвозди, что привело не только к болевым ощущениям, но и к разрыванию штанов.

Полушария видели пассаж негодяя и не решились на прыжок. Лестницы нигде не было слышно.

153

Полушария стали делать подкоп. Тем временем Четырнадцатый, хромая на все ноги, зажимая обессиливший и истерзанный зад руками, медленно удалялся в туман.

Холодок скручивал стебли травы, ветерок рывками уносил кирпичи со стройки, а Полушария наконец преодолели препятствие. Как ищейка бросается в погоню за раненым зверем, так Полушария с рёвом пошли по следу Четырнадцатого.

Спустилась ночь, звёзды мерцали в вышине, полная луна освещала путь.

— Стой! — Полушария увидели впереди фигуру человека с пистолетами в руке, остановились.

— Кто такие? — спросила фигура.

— Мы из общества охраны природы. — солгали, нелокраснев, Полушария.

— Документ!

— Что?

— Аусвайс!

— А, понятно. — Полушария подали документ.

— Тут что-то не так. — фигура нагнулась над документом.

— А что? — Полушария метнулись и сшибли фигуру, та упала и разбилась.

— Фаянс. — Полушария подмели осколки. — Где Четырнадцатый?

Ответа не последовало.

— Где Четырнадцатый, я вас спрашиваю! — Полушария врезали по куче осколков прикладом трёхлинейки.

— О-о! — застонали осколки. — Не бейте, мы не знаем. Только не бейте!

— Знаете! — Полушария зверели. — Где он? Вот вам, паршивое дерьмо, вот! Вот, вот-вот...

— А-а-о... — осколки еле дышали. — Он ушёл на хреново болото...

— То-то сволочь! — полушария вновь сгребли осколки в кучку и двинулись на поиск.

15-16.III.82 Алексей

154

УМНОСТИ

Обман — это неправда. «Я его обманул, теперь он подохнет."

Неправда — это обман. «Я знаю эту неправду, я клюнул на неё, я обманут и скоро подохну

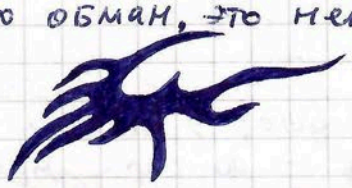
Правда — это необман. «Я видел её, это не туман и не обман

Необман — это правда. „Не обмани я его, он бы не подох."

Обман — это неправда, т.е. обман правды.

Правда — это необман, но обман обмана, т.е. обман.

Правда — это обман, это неправда.



Обман — это неправда, это ложь.

Ложь — это обман и неправда.

Правда — это обман, неправда и ложь.

Ложь, правда, обман и неправда — основы взаимоотношений людей разумных.

Основы взаимоотношений людей разумных — это смысл.

Смысл — это ложь, обман, правда, которая НЕ.

Разумный человек (носитель смысла) — это человек разумный.

Неразумный человек — это неразумный человек, следовательно, он не носитель смысла.

Смысл — ложь, обман.

Неразумный человек не лжёт, не обманывает, не делает правду, которая и есть неправда, т.е. неразумный человек — это лучше, чем разум-

ный человек.

Но т.к. Лучше — всегда обман по отношению к Хуже, и наоборот, то неразумный человек — тоже обман, значит — он разумен и оттого подлец.

Вечер 18.III.82. Ал Серый

ОТКРЫТИЯ

Небо выше Земли, оно над Землёй. Земля снизу, Небо сверху. Но странные дела творятся на самой Земле: если находиться в каком-либо строении с окном и устремить своё внимание посредством глаз через это окно в мир, т.е. не вниз и не вверх, а в бок, то увидишь всё то же Небо или предмет, заслоняющий собою Небо. Значит — Небо не только вверху над Землёй, но и сбоков окружает её.

Такое открытие меняет наше понимание структур Мироздания, порождает новое отношение к Жизни, к её Смыслу. Теперь Смысл принимает новые очертания. Он теряет свою Суть, которая заключается в обмане, лжи, правде-неправде. Суть становится кристально-чистой, исключающей ложь и обман, и приобретает Новое Значение. Что такое Новое Значение? Это — основа Новой Сути. Новая Суть — это Новый Смысл. Новый Смысл — это Новая Жизнь Нового Человека в Новом Мире.

Утро 19.III.82 Ал Серый

НОВОСТИ.

Город Ачинск готовится отметить свое 300-летие.

Годы неузнаваемо изменили Ачинск. Здесь работает мощный глиноземный комбинат, близится ввод крупнейшего нефтеперерабатывающего завода. Пришло время внести коррективы в древний герб города — на красно-синем фоне колчан, лук и стрелы.

В объявленном конкурсе победила старший инженер городского отдела архитектуры В. Зуева. В ее эскизе лучше всех показаны перемены, происшедшие в городе за столетия. Отныне в гербе Ачинска место колчана, лука и стрел займут колосья пшеницы, шестерня и башни заводов.

156

Вы думаете, что на стр. 155 внизу («Новости») случайно помещена вырезка из газеты? Или редакция хочет ещё раз поизмываться над царящими ныне хамством и засилием тупизма в нашем обществе?

— Ни. — говорит редакция.

— Ни. — говорит Котов.

— Нет. — говорю я. — Не случайно, и не для измывательств. Был один герб. Он отвечал сути Ачинска, концентрировал в себе то значение, которое было дано этому городу самой судьбой. Шли годы, добрые понятия умерли, уступив место более мускулистым. Естественный отбор антихристова времени.

Теперь вы, дорогие чивтателели, наверняка усекли, что я хочу провести параллллель с Флексом. Да-да, в Журнале (Ачинск) был свой герб — флексработы. Именно они и были сутью ФД, именно их посылала судьба тем людям, которые называли себя флексистами. Но с годами (как и в истории Ачинска) постепенно уклад флексжизни с её выпученными понятиями и взглядами исчез под натиском более живучего и простого по исполнению инстинкта писательства. Флексисты (те, кто остался в живых после мора 1979 года) стали знаменитыми писателями, а журнал превратился в обычный рукописный литературный журнал, ФД — в противоборство взглядов (да ещё и бесцельное).

На смену закорючке пришла строгая и вполне конкретная буква. Так гибнут идеи, так губится дело, так Игра превращается Занятие.

19.III.82 А.Сергеев

PS

Этот номер журнала (№21) сохраняет дух ФД и придерживается прежних флексических принципов. Он единственный из современных и недавних, в которых помещаются флексы.

19.III.82. А.Сергеев

СТАТИСТИКА

В синтезосборнике помещено 127 флексоидных работ. Всего 64 работы принадлежат 21-му сборнику, остальные 63 — 18-му и 3-му.

В 21м сборнике участвовали:

А.Я.СЕРГЕЕВ	—	38 работ*
В.В.КОТОВ	—	14 работ
А.ГРИЗЛИ	—	7 работ
другие авторы	—	5 работ

* Произошла ошибка: Сергееву принадлежат 37,5 работ, Гризли — 7,5 работ.

157

СТРАНИЦА СЕРГЕЕВСКОЙ МУДРОСТИ

158.

ВДОХНОВЕНЬЯ

(АЛЛИГРИЯ)

А.Я.Сергеев

Ночное небо. Движенье звёзд, оно ускоряется, концентрируется, и вот уже солнце зияет на чёрном небосводе. Пелена срывается, утро. Восход. Поют птицы, звенит капель. Снег тает. Олл один.

ОЛЛ:

Как мог судьбу я клясть
Укором дерзким?
Как мой язык поддаться смог
Болезненного мозга вспышкам?
Как мог найти я зло своё
В пространном мире,
Изъяв оттуда самого себя?
Глупец и враг всему —
Вот имя мне,
Зла проводник я
И обмана укрыватель!
А фарисейство мой удел...

Солнце высоко стоит. Пролетает ворона и каркает. Голуби воркуют и ухаживают друг за другом. Появляется Виг. Он в тёмной одежде, в руках держит свиток пергамента.

ВИГ:

Кого я вижу!
Слуга мой Олл стоит в снегу один.

ОЛЛ:

Кто тут?
Я платья шелест слышал.
Я не один?

ВИГ:

Как и прежде — не один.

ОЛЛ:

Ты кто? И где ты,
Чей голос я услышал вдруг?

159

ВИГ:

Я тот, кто так хорош
В минуты твоего блаженства.
И тот, кого поносишь ты
Глумленьем и упрёком
В моменты страха потаённого
И похотливых неудач.
Я друг твой. Ты мой враг.

ОЛЛ:

Ах, вот ты где!
Теперь тебя я вижу
И узнаю своё лицо
В чертах твоих.

ВИГ:

Ты прав. Здесь кроме самого тебя
Нет более сподвижника для разговора.
Олл, ты один здесь.
Я — это ты, но ты — не я.

ОЛЛ:

Да, узнаю свои я речи.
Да, я один...
Тает снег, уносит с собой
Мои неясные надежды.
Они исчезнут вместе
С шумящими потоками ручьёв.
Настанет день, взойдет светило снова,
Но снега нет нигде,
И нет моих надежд,
А вместе с ними я исчезну.

ВИГ:

И ты не рад?!
Ты вновь судьбе являешь счёты?
Да полно-те, дружище Олл!
Теперь весна, и, правда, тает снег.
Ты верно говоришь: надежды
С ним твои растают.
Но никуда не денется Твоя душа.
Она, как глыба льда,
Теплу неподдаваясь скоро,
Моею тенью усердно прикрыта будет
До новых холодов.

ОЛЛ:

Зачем? Ведь нет надежды —
Нет и жизни.

160

ВИГ:

Предвидел этот я вопрос.
И вот ответ спешу я дать
Уразуменью твоему. Слушай.

ОЛЛ:

Я — всё вниманье.
Я — ухо гласу твоему.

ВИГ:

С того момента, когда познать себя ты смог,
Свои чресла, свой ум пытливый
Ты ласково назвал собой,
С той именно поры ты сделался бессмертным.
Но бессмертие своё связал уздою крепкой
С некрепкой жизнию мирской.
Ты видел жизнь одной лишь стороною,
Той, что дана как явный факт,
Которой всё живое дышит,
Произрастанием от семени идёт.
Свои права, в желаньях бедных заключённых,
Ты миру предоставить поспешил.
И неудачи все, и пораженья
Несбывшимися надеждами нарёк.
Когда свершилось то разочарованье,
С которым ты в снегу стоишь один,
Пришла пора твоих страданий,
А про себя ты вовсе уж забыл.
Забыл о том, что ты бессмертен,
Забыл о сути своего рожденья,
Простым существованьем плотским
Свой звёздный путь во времени обрёк.
Ты видел Небо, но к нему тянуться
Не захотел, причину отыскав в бессилии своём.
Хотя и знал, что именно за этим
Ты послан в мир, который лишь для того и есть,
Чтоб силы придавать тебе.
Ты пользоваться этим благом мира стал,
Заветную мечту о Небе на это благо променяв.
Явиться не замедлило Молчанье.
Ты крикнешь — эха нет, и нет совета.
Как снег безропотно сползает по весне,
Так и надежды мелкие твои исчезнут.
Погиб и ты, скотом рождённый если б...
Но ты же человек, и хоть соткан ты из той же плоти,
Что всё живое,
Тебе дана душа бессмертная в придачу к сочлененьям.
Теперь ты вспомнил, Олл, о ней?

ОЛЛ:

Да. Вспомнил. Не поздно ли, скажи?

ВИГ:

Ха-ха! Вот и теперь ты вырваться желаешь,
Надежда новая в твоём сознанье тёмном,
Как огонёк заблудшему сверкнула.
Надеешься опять, и благо — вечер,
И снег уж таять перестал,
Как солнышко за горизонт подалось.

ОЛЛ:

Не томи! Ответь скорей: не поздно ль?

ВИГ:

По мне — давно уж поздно.
Ведь через ночь вновь упадёт на мир тепло,
И вновь ты станешь угасать
До той поры, когда своею тенью
Я обреку твоё бессмертие на вечный сон.
Но, ладно!
Ночь одна тебе осталась на раздумье.
Чтобы тебе помочь, я свиток этот оставляю.
Не бойся, я подписок не беру.
Люди сами меня находят без каких-то сделок.
В этом пергаменте найдёшь
Ты не свои к судьбе претензии,
~~А судьбы своей к себе~~
А требования своей судьбы к тебе.
Поймёшь, усвоишь — в добрый час!
Не будет отклика — прости, не первый ты.
Я ухожу. Но знай, меня и звать не надо:
Я — это ты, я рядом постоянно.
До утра, Олл!
Ха-ха! Но ты — не я!
Прощай.

ОЛЛ:

Будь ты проклят. Хотя,
Я грамоту твою всю ночь зубрить
Неустанно буду.
О, тяжкие мои грехи!

Ночь. Снег подмёрз и хрустит под ногами осколками льдинок. А вот ручьи ещё не примёрзли, хотя обмелели. Тихо-тихо какая-то струйка шепчет: «Весна. Весна. Весна...»

20.III.82 Ал Сергей

162

✡

Остаток прежней славы
На столе лежит передо мною.
И в нём рука без устали
Проводит мыслей путь.
А путь тот странен:
Он берёт начало там,
Где принято искать конец.
О, жизнь моя! —
Взялась ты Ниоткуда,
И в Никуда спешишь попасть.
Жизнь, полная исканий смысла,
Вершина поиска — тупик во тьме...
Дорога в мраке,
Движение наощупь по краю пропасти,
У которой ни верха нет, ни низа нет,
Есть лишь одно —
Стремительность паденья.

25. III 82 А. Серив

✡

Я затянулся последний раз дымком и раздавил в пепельнице бычок. Небрежно достал из сумки журнал и хлобыстнул им по столу: вот он — остаток былой роскоши, кусок Триумфа! Я полистал его и, как всегда, набросал несколько эскизов своих неповторимых мыслей. Да, интересны они, мысли. Я погрузился в воспоминания, которые причудливым образом переплетались с моими фантазиями, изумительными выводами, с будущностью. Несколько озарений поразило мою мозговую начинку, я заломал над головой руки, закатил глаза, разинул пасть и завыл. «О, жизнь моя!» — выл я, мерно раскачиваясь на стуле и стучась головой о стену. — «Взялась ты Ниоткуда...» Слёзы потоками катились по моим щекам, смачно пропитывая собой рубашку на моей груди. Сердце колотилось так, что его удары соседи по дому приняли за набат.

— Пожар! — кричали соседи, выбрасывая из окон рухлядь: холодильники, стулья, сберегательные книжки, жёны, мужья, тулупы и телевизоры.

— Пожар! — орали прибывшие пожарные, выбрасывая из окон вслед за рухлядью кричащих соседей.

«Дорога в мраке...» — дрожащим от нервных спазм голосом продолжал выть я, не обращая внимание на то, что ко мне в квартиру вломились пожарные.

«Есть лишь одно — стремительность паденья.» — с этими словами, с этим гениальным выводом на устах я был выброшен в окно. Благо — живу на первом этаже.

29. III 82 А. Серив

163

Ни у кого не возникнет вопроса — кто на этой фотке? Да, каждый знает: это он, это он. Это он — Сергеев А.Я. Постарел флексокрокодил, заплыл, обрюзг, взор затуманился, всё лицо пошло пятнами бессилия и усталости. Время сильнее всех, оно может из молодости сделать старость. Именно это произошло с Сергеевым А.Я. Вечная ему хвала.

А это уже Великий Котов В.В. Его замогильный фэйс может смутить любого.

— Ну, что, ещё дышите? — сипло как бы говорит взгляд гения Флекса.

И хочется ответить: нет, не дышим! Но нет храбрости, чтобы ответить, т.к. огурец страха перехватил горло, сжал липким варом челюсти, чёрной бумагой заклеил глаза.

06.05.82 Ал Серов

Некоторые писательницы думают, что добавляя в литературные шедевры других авторов свое «ы мужней» — они становятся соавторами этих шедевров. По-моему такие надежды ошибочны.

Ал Серов

164

КОНЕЦ ИЮНЯ 1982 г.

Так получилось, что этот 21й сборник на время был отложен. Прошло чуть больше месяца, а на свет вылупились новые номера: два дввадцать третьих (с метками «С» и «К»). 22й сборник кажется завершён. Сейчас двадцать третьи захватили всеобщий интерес, они являются кирпичами общения флексистов.

Я раньше давил косяка на этот сборник, но в моей башке почемуто закоренилось убеждение, что сборник №21 завершен. Оказывается, в нём есть ещё целый десяток страниц, которые своим целомудрием повлекли меня — старого насильника-графомана — к своим ланитам. И я спешу, но не падаю.

Хочется оповестить читающий мир зверей, что в 22м сборнике уже помещено 67 флексов, в 18м было 47, из 3го — 14. Всего: 128 флексов. Цыфра не малая. Но вспомните 10й сборник! Там флексов было около 400. В 11м — около 200. Если вести учёт плотности флексов на страницу сборника, то будут такие данные:

а) в 10м сборнике на 1 страницу приходилось более 2х флексов.

б) В 11м сборнике на 1 страницу чуть больше 1 работы.

ц) В этом синтезированном сборнике на 1 страницу приходится всего лишь 0,62 работы.

ж) начало 23К выглядит ещё плачевнее: на 68 страниц приходится всего 18 работ, т.е. на 1 страницу всего 0,3 работы!

Да, пора бить в набат! Конечно, в 10м сборнике участников было больше, чем в 11м, а в 11м больше чем в 21, и так далее. Но уменьшение числа флексистов — это признак затухания ФД. Количество флексов стоит в прямой зависимости не от количества флексистов, а от духа ФД, чем он выше — тем больше появляется работ, и наоборот. Видите какой получается замкнутый круг!

На сегодняшний день, как говорит Отец Флекса Котов: — Мы нэ имаем множество фельксистов, неуклонно падает крывая колычейства нашей фелькеработы.

Очень больно сейчас Флексу от недостатка хороших флексистов, хороших флексов. В 23К-сборнике Котов кручинится, что многих флексистов пришлось списать за борт, что многие стали бездеятельны. Это так. Там же Котов предлагает определить статус уволенных и сокращённых флексистов. Я предлагаю такой вариант: начиная с номеров 23С и 23К считать сокращёнными и уволенными тех флексистов, которые не поместят в сборнике 10 работ и не напишут 1 статью. А вот и списочек кандидатов на увольнение: 1) С. Ома 2) Оппа I 3) П. Дама 4) А. Гризли 5) Я. Елень 6) Бр. О. 7) В. Бельский 8) Группа Ко-ко из Кокошкина 9) Натали.

Сокращёнными теперь, видимо, можно считать вот этих: 1) R. Акульский 2) Чарвакари 3) Е. Аргунов 4) Компания Гаюта-Гулангара.

165

Итак у кандидатов есть ещё время для того, чтобы вновь подтвердить свою репутацию флексистов. Сокращённым мы воздадим должное, отпоём, почтим их память, а 15 апреля каждого года на ассамблее или на другом каком торжестве мы вспомянем их имя добрым словом и чаркой.

Незыблимы позиции лишь у двоих мира сего: у Котова и у Сергеева. И хотя Котов усомнился в своём 23м номере на стр. 32 в моём существовании — это не страшно. Я не менее был изумлён в своём 23м номере, когда обнаружил несуществование котова. Теперь-то всё нормально: оказалось, что и Котов и Сергеев одновременно выпускали один и тот же номер сборника, усердно работая над его содержанием.

Надвигается ближайшая Ассамблея флексистов. Попытки делать что-то подобное были и раньше, но успеха они не имели, или носили временный, недолговечный характер. Теперь мы ждём от Ассамблеи большего. Во-первых, она должна вновь сплотить ряды наши. Во-вторых, мы попытаемся на ней решить главные проблемы Флекса, и в первую очередь дадим конечное определение Флекса. Также мы ждём от Ассамблеи Манифеста, в котором будут отражены какие-то духовные особенности флексистов. Одним словом — ждём. Ждём тебя, Ассамблея!

24.06.82 А.Сергеев

В недрах моего архива были найдены эти древние флексы, относящиеся к середине 70х годов XX столетия (НЭ). Автор их - я.

166 НАЧАЛО ИЮЛЯ ТОГО ЖЕ ГОДА:

ВДРУГ

ОТКУДА НИ ВОЗЬМИСЬ...

-КОННИТИ-ВА! - РЕЗКИМ ВЗДРОГОМ ПРОЯВИЛ СЕБЯ СПОКОЙНЫЙ ГОЛОС

СИГЭРУ ОМА,

ЭТАКОГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВУЮЩЕГО КОСМОПОЛИТИЧЕСКОГО ХИППОВО-КОНСЕРВАТИВНОГО САМУРАЯ.

-ТАК ВОТ, МИЛЫЕ МОИ, ЕЖЕЛИ КТО ПОЛАГАЕТ, ЧТО БЕЗ МЕНЯ ВАМ ВО ФЛЕКСУ ЧЕГО УДАСТСЯ, ТАК ШИШ С ГОРЧИЦЕЙ. Я, МОЖЕТ БЫТЬ, ПО СУТИ БОЛЬШИЙ ФЛЕКСИСТ, ЧЕМ ИНЫЕ ФЛЕКСОМАЗЫ.

НО ДЛЯ НАЧАЛА МНЕ ОХОТА УЧИНИТЬ

ЗАГЛЯД В АРХИВ

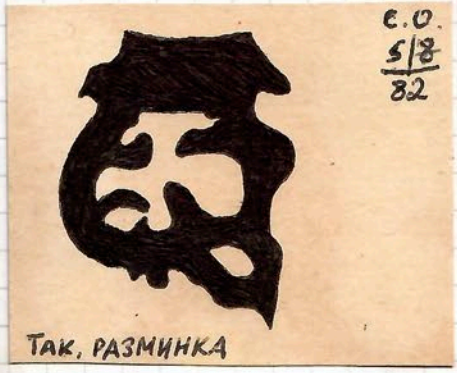
ЭТА РАБОТА, РАННИЙ ОПЫТ ЛИНА, МНОЙ НАМЕЧЕННОГО, НО ПРЕДОСТАВЛЕННОГО РАЗРАБАТЫВАТЬСЯ ДРУГИМ, ХОТЬ Я И ПРЕКРАСНО ВИДЕЛ ОГРАНИЧЕННОСТЬ ПРАКТИ-

ского его иной воплощения, не предполагалась к публикации в ранних сборниках, но в контексте этого — звучит.

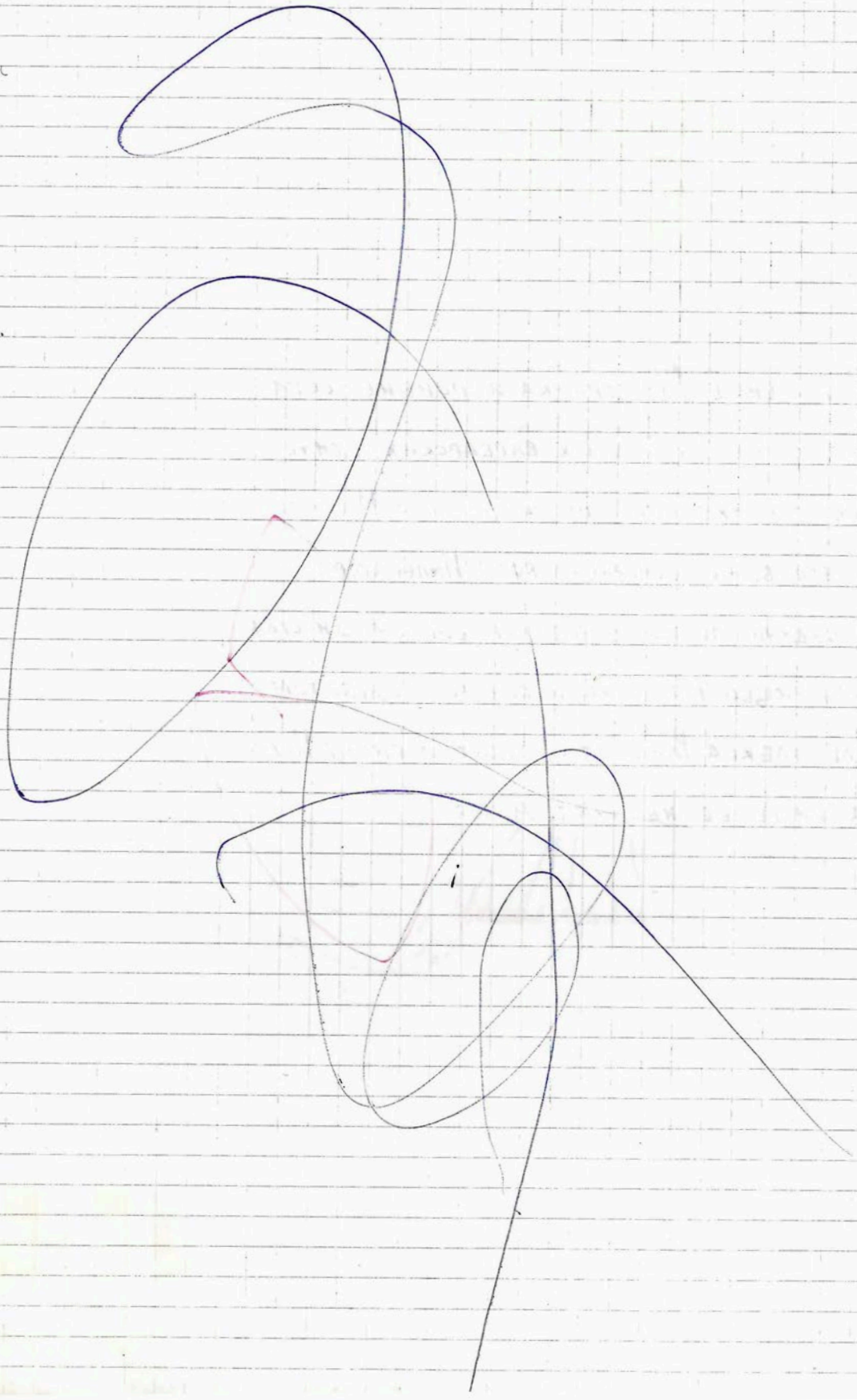
Не правда ли?

Ну, а с этими ясно.

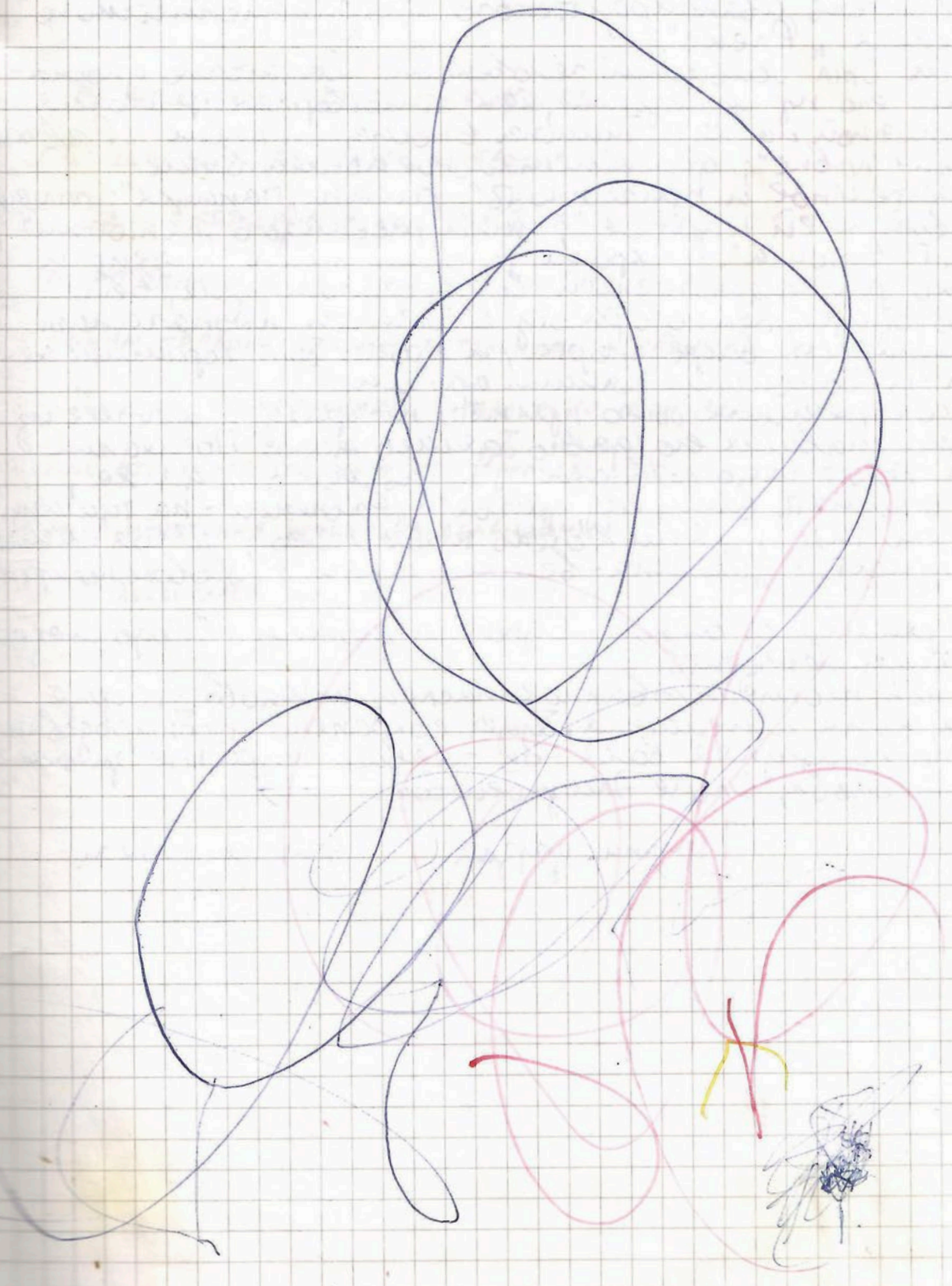
Похищение 14 сборника и поныне остается одним из самых варварских и гнусных преступлений против Флекса. Мало того, что была осквернена воля Императора, — но, будучи похищен незавершенным, он стал кризисующей раной на и без того щербатом теле Флекса. Рана эта зудит и гноет. Правда, иные ее не чуют. А зря!



168



169



170 Эта стр. забита за А.Я.Се-евым для комментирования стр. 168/169

Экстренное трагическое сообщение

Вчера, 3 июля 1982 года, был найден повесившимся д-р В.В.Котов, известный всему миру создатель философской баллады – исповеди „Когда развязались шнурки", а также известный в очень узких кругах как основатель авангардистского абстракционистского направления „Флекс".
Покойный был большим человеком. Достаточно упомянуть такие его произведения, как стихотворная трилогия „Слон в посудной лавке", „Тишина в посудной лавке", „Разбой в посудной лавке"; фундаментальное исследование „Изобразительное и причинное"; роман „Панацея"; роман „Резиновый клей и другое"; цикл рассказов „Летопись"; поэма „Гаврюша". Кроме того, он имел патент и несколько рацпредложений по брезентовому делу, вел большую общественную работу в области пропаганды малопопулярных видов спорта, и просто был хорошим человеком и большим нашим другом.
Трагическое решение было принято не сразу, и многие из нас, близко знавших его, давно боялись этого. Последние два года Котов часто говорил: „Жизнь моя – жестянка"; „Не хочу отнимать вашу еду, друзья"; „Равнение – на тишину"; „Там – очень тихо"; „Хочу в очень тихое место"; „Моя тишина ко мне придёт."; „Тишина – великие деньги"; „Довольно крови".
Мы воздержимся от оценок. Одно мы можем твёрдо сказать – Котова будет не хватать.
Богатейшее неопубликованное наследие Котова-творца, писателя, поэта, мыслителя, будет сохранено и обнародовано. Такова его последняя воля – он оставил подробное завещание своей вдове, Ольге Елизаветовой.

Группа друзей. 4 июля 1982 г.

171

Это литературное произведение
тоже из архива.

Сигэру Ома

НА СТОЛЕ ЛЕЖАЛ КУСОК ПЛЕКСИГЛАСА

Проза

На столе лежал кусок плексигласа.

И дело не в том, что он лежал на столе.

Он был бежевым и выделялся на белой пластиковой поверхности не резко. Впрочем, дело даже не в том, что он имел форму треугольника с одним прямым углом и остальными неравными.

Посреди треугольника параллельно сторонам было вырезано меньшее отверстие той же формы. Впрочем, дело не в том, что одна из сторон была монотонно испещрена делениями.

У плексигласа уже не было хозяина.

Весна 1981.

НАТАЛИ

НЕДАВНО СЕРГЕЕВЫМ БЕЗНАДЕЖНО УПОМЯНУТАЯ

ОПЯТЬ СВОИ ФЛЕКСА КАЖЕТ

Много было споров: относить ли ко флексу ее творчество?

Сама она себя флексисткой не считает. А зря!

Может быть, повернь она в себя — и сильно повлияли бы ее работы.

Но и ныне есть в них кое что!

Желаем ей и дальнейшего плодотворчества!

Работы и впрямь могли быть получше.

А все лень!

Впрочем, это серьезный вопрос: надо ли тащить во флекс того, кто флексистом быть не хочет, но быть им мог бы.

Наверное, не стоит, ибо сие — покушение на его свободу (волю).

Но — если можно помочь раскрыть человеку себя в себе?

Натали! Слушай сюда!

Потому-то с тебя и спрос, что много чего можешь!

Ну, а если в этом пункте ошиблись — заверяем тебя БЕЖЖАЛОСТНО.

С. О.

Дов. 1-цо Имп-ра

6 июля 1982 г. н. э.

174 Эта вещь неведомого автора — не флекг.
А все же здесь уместна.

Неизвестный автор обнаружен!!!

Это я

Д.К. [illegible]

5.09.82

P.S. По уточненным данным: имя автора сего - ХЕЛЕН
(HELEN, ХЕЛЕН, ᴇᴏᴄᴛᴏᴇ, ᴍᴇᴌᴇᴎ ...)
Запомним на всякий. 29/8-82

Сигэру Ома

БРУЧАЯ ЗДОНЯ

Отрывок из повести

Бружина кфардупунилась, прубуняя велькучие мозды. Зашмарень курмуняво ежмунился. Сымга зульпутела и бухткала. Мымуй зулдумбял.

Емыкытая муяна сульбылила пнюткие вомы, мерклесо монтырила, зуво бундудунила, каево, пряныкая, сумбойкала. Гумяной прюхтал савмикутычий мурнупун: бехнуло.

Грико мгуртнуло:

— Гъявурпа зимунь, тысшивольма!

— Сёрбуто, сёрбуто — влунил пусюмон.

— Дызмакуми, зур будык хво беюлгогурь!

— Ык, бубей пурьмубей!

— Ланьдоня!

— Зыпапа у зо.

Тербетны буляжили, кёмы сойбились. Муколь бербунючись псурнул. Зидоныки муньгурляли. Тырбусольпутно, заекорко ба пунякто елбабынил пакыскун, шумядрудя кирвакыну.

Небо темнело.

8.07.82

По поводу отсутствия перевода.

Выяснено, что:

1) Д.К. Мирон — выполнитель копии (слева),

2) автором же оригинала является НЕДЕЮ!

3) Автограф Д.К.М. гнусен и неумьстен

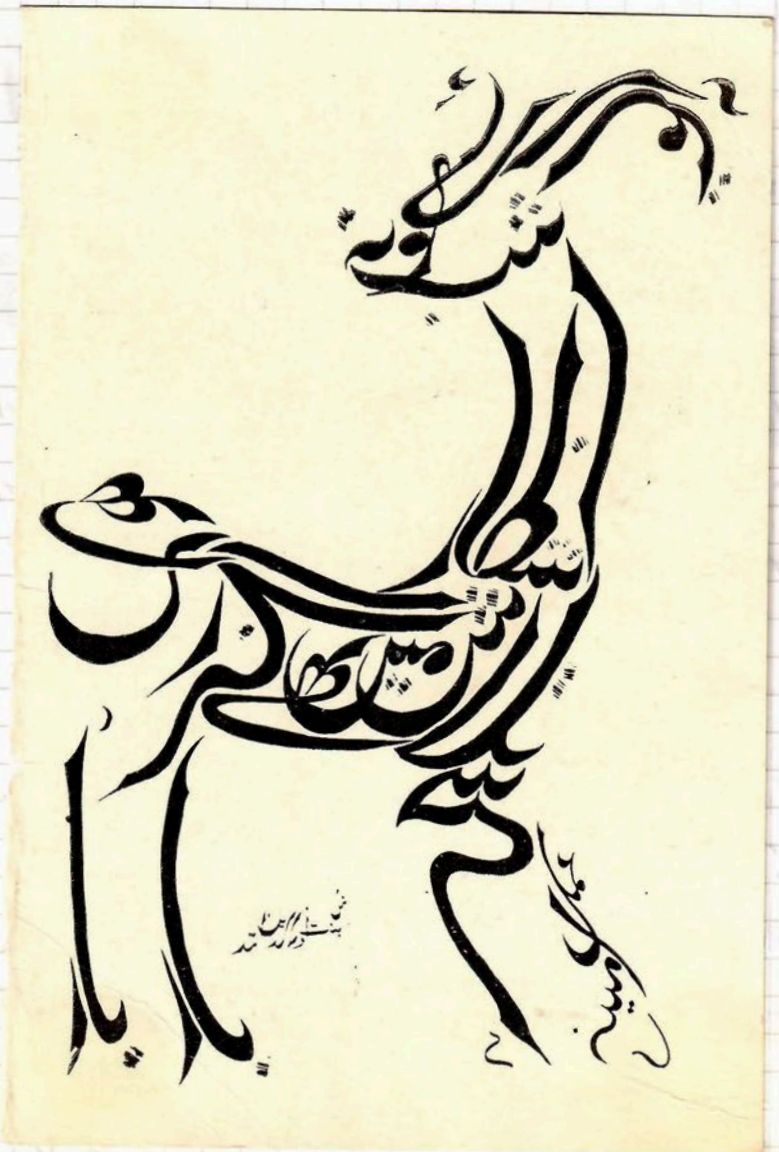
С.О. 21/9 82

176

Небольшая, но хорошая часть флексистов и флексолюбов выбралась в январе/феврале 1982 на выставку в Музее Народов Востока, где состоялась церемония любования „графикой, живописью" индийской женщины, близкой по сути своего творчества к флексу. Имя ее – АМИНА АХУДЖА

Маститые флексисты, из-за своего величия пропустившие ее!

Пусть эта репродукция, НЕ ДАЮЩАЯ ПОЛНОГО представления, будет вам укором. Лучше сходить туда, где не меньше, чем выписывать стр-цы из Т. М-на и пр. умов. (К тем, кто и... и..., упрек не относится.)



177

Внезапное появление на страницах этого номера С.Омы во многом облагородило лицо сборника.
Чудесны флексы Омы, хороши его статьи. Хочется особо отметить высокую флексу без названия от 05.08.80 (стр. 167). Спасибо, С.Ома, за такую архиву. Очень хорошо, что она сохранилась, этот сборник будет ей тёплой постелью и мягким укрывалом. Высоко ценю работу (стр. 171) „Вернувшись из-за города". Очень суровый, но обстоятельный флекс.

Про плексиглас — просто чудесно. Этот шедевр прозы явится людям лучшим сокровищем каталога №21-С.

• • •

14-ый номер хотя и похищен, но чувствует себя хорошо. Из 170-180 его страниц по последним данным флексоконтрразведки осталось чистыми не более 50-60, остальные послужили на благо Флекса, предоставив свои лица умным текстам и чудо-флексам. Небольшое, но сложное усилие — и 14 номер окажется вновь среди флексистов.

• • •

Тётя Амина Ахуджа хорошо известна Д.Я.Сергееву, т.к. она является матерью снохи А.Гризли, которая, в свою очередь, является снохой матери Сергеева. Тётя Амина хорошо говорит по татарски, русски, хиндиски, белуджиски. Тетя Амина великолепная женщина и, несмотря на преклонный возраст, хорошо ездит как на коне, так и на слоне.
Заслуги тёти Амины большие. И действительно её вклад в дело Флекса неизмеримо больше выписываний Т.М-на и пр. умов. В этом я с С.Омой солидарен на все проценты, которые ещё остались в нашем неблагодарном мире.

13.08.82 Ал.Серг

178

Последняя статистика

Помещено работ : 138 шт.

Из них :

Сергеев	–	89,5 шт.
Гризли	–	17,5 "
Котов	–	17,0 "
Ома	–	4,0 "
Другие	–	10,0 "

Перечень удачных флексов :

"Баллада о гуталине". стр. 10
"Предстоит игра в шахматы." стр. 16
Диафлексия. стр. 19
Неназванный флекс. стр. 37
"На Венеде". стр. 44
"Лисс!" стр. 45
"Вступительный аккорд." стр. 50
"Хабермасу". стр. 53
"Биму и др. несчастным." стр. 54
Неназванный флекс. Верх. стр. 55
"Дым." стр. 60
"Вместе". стр. 28, 18 номер.
"И не выбраться отсюда никогда..." стр. 30, 18 номер.
Неназванная работа. стр. 36, 18 номер.
Все из III номера.
"Только бы не огонь!.." стр. 42, 18 номер.
Неназванная работа. стр. 61, 18 номер.
"Святому Духу." стр. 87.
"Мир грёз и реальность". стр. 95
"Ёжику и IIго номера". стр. 117
Флексы стр. 129
"Отпечатки лапок А. Гризли." стр. 130
Неназванный высокий флекс. Стр. 167

ЛУЧШИЕ ФРЕ-КИ:

21 номер. стр. 44 – „На Венеде". – 6 руб. 35 коп.

—"— стр. 50 – „Вступительный аккорд." 12 руб. 24 коп.

—"— стр. 53 – „Хабермасу." 9 руб. 02 коп.

—"— стр. 54 – „Биму и другим несчастным." 3 руб. 15 коп.

—"— стр. 55 – Неназванный флекс. 1 руб. 12 коп.

18 номер. стр. 28 – „Вместе." 4 руб. 71 коп.

—"— стр. 42 – „Только бы не огонь!.." 6 руб. 50 коп.

—"— стр. 61 – Неназванная работа. 7 руб. 05 коп.

21 номер стр. 87 – „Святому Духу". 25 руб. 00 коп.

—"— стр. 95 – „Мир грёз и реальность". 25 руб. 00 коп.

—"— стр. 167 – Неназванный высокий флекс. 5 руб. 30 коп.

Желающих приобрести указанные работы или ещё чего-нибудь просим звонить в колокол.

Редакция.

180

ЧИТАТЕЛЬ!

Особенно — если ранее флекс-сборники тебе не попадались.

Впервые в истории ФЛЕКСА завершительное слово царапается мной. Посему молвлю:

Если что не понравилось — не спеши ругать флекс в целом и флексистов как таковых.

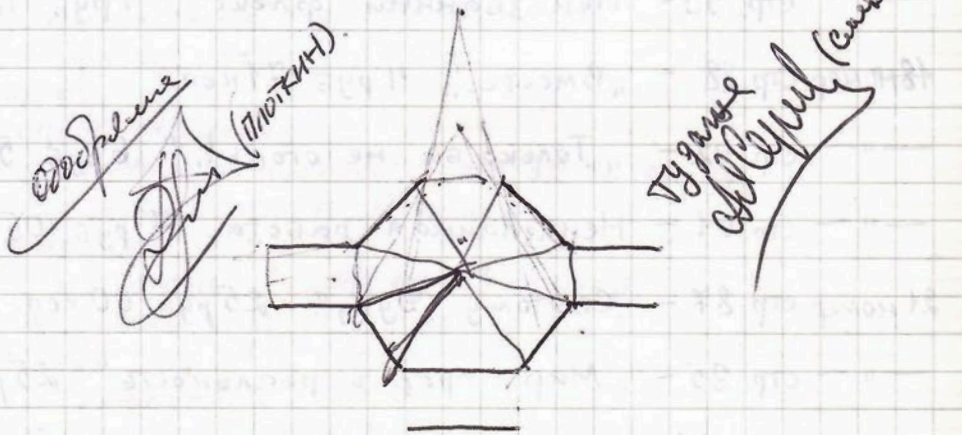
Если понравилось — хвали флекс, но в любом случае —

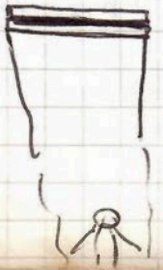
НЕ СУДИ!

Зримое укрывает незримое, а наш черный юмор — это кровь на руках хирурга, оперирующего самого себя.

Сигэру Ома,
без кого флекс уже немыслим.

Здесь всегда чисто, и хорошо кормят.





Содержание

	стр.
Вступительное слово А.Я.Сергеева	3
«Горе». Историческая повесть А.Я.Сергеева	4
Листки флексолога. А.Я.Сергеев	5-7
Ещё раз о некотором. Раздумья А.Я.Сергеева	8
«Ремесло». Из рубрики «Шедевры современной поэзии» Стихотворение Е.Винокурова.	9
«Баллада о гуталине» Флексоид А.Я.Сергеева	10
«Рыбалка». Рассказ А.Я.Сергеева	11
И вот... Статья А.Я.Сергеева	12
«Ссора». Набросок с натуры. А.Я.Сергеев	13
Продолжение статьи «И вот...»	14
«Тождество». Трагедия А.Я.Сергеева	15
Флексоид А.Гризли	15
Флексоиды А.Я.Сергеева и В.В.Котова	16
«После игры». Описание телефонного разговора с Котовым.	17
«Я — это не ты» Как В.В.Котова	18
Диафлексоид В.В.Котова и Бр.О.	19
Абстракция В.В.Котова	20
Литературная попытка В.В.Котова подражать А.Я.Сергееву и Э.Лимонову	21
«Хромой маркиз». Флексоид А.Я.Сергеева	22
Поклонение метле В.В.Котова	23
Крупномасштабный флексоид В.В.Котова	24
Литература В.В.Котова и А.Я.Сергеева, пресса.	25
Предложение читательницы	26
«Четыре искусства». Новелла А.Я.Сергеева	27

	стр
«Читай здесь!» Приказ А.Я.Сергеева	28
Флексоиды А.Я.Сергеева	30
«Было так». Описание Бороды. А.Я.Сергеев.	31
Научное открытие и нововведение А.Я.Сергеева, основанное на принципе музыкальных вставок.	32
«Ой!». Статья А.Я.Сергеева	33
Предварительные (но неуместные и нелепые) замечания д-ра В.В. Котова	35
Флексоиды и абстракции В.В. Котова	37
«Хорошо». Послеобеденная статья А.Я.Сергеева	38
Флексоид А.Гризли	39
«Завершение?». А.Я.Сергеев перед обнажённым фактом	40
Флексоиды А.Я.Сергеева	41
Зурбаганские шедевры А.Я.Сергеева	42
«Последовательности, звонки в редакцию, сообщения.»	46
«21-й 18-му.» Письмо А.Я.Сергеева в пустоту.	48
18 сборник «Флекс» и сергеевская часть 3-го сборника	49
«Дальше по ходу действия» Автор А.Я.Сергеев.	65
Флексоид А.Я.Сергеева «Назидания Котову»	66
«Четырнадцатый». С места событий. А.Я.Сергеев	67
Телефонный звонок А.Я.Сергееву	69
„Как", но уже А.Я.Сергеева	70
Реликвия	71
Стоткалендарь	73
Флексоид А.Я.Сергеева	74
Новый Флексист Кролик. Его флексоиды	88-89
«Большая тайна В.Бельского.» Котовское изучение трудов В. Бельского.	91
«Претензии вдовы» и проч. сочинительства В.В. Котова	92-94

Стихи В.В. Котова, посвящённые В. Бельскому 96

Жуткие выходки В.В. Котова. 98-105

Грёзы В.В. Котова 106

«Письма читателей.» В.В. Котов. 107

«Курьёзы? Нет, гуманизм.» Басня В.В. Котова 108

Анкал[1]. Подстатья А.Я. Сергеева 108

Анкал[2]. Надстатья А.Я. Сергеева 109

Анкал[3]. О'статья А.Я. Сергеева 110

Удди I. У'статья А.Я. Сергеева 111

«О'кей'фр». Литературная рубрика 113

Флексоид А.Я. Сергеева 117

Прошлое Флекса. 118

Слова А.Я. Сергеева 119

«Музыка» Рассказ А.Я. Сергеева 120

«Крах и Харк» В.В. Котова, Флексоид А.Я. Сергеева 121

Ужасы В.В. Котова 122-123

Письмо М.З. с благословения В.В. Котова. Флексоид. 124

Страница поэзии В.В. Котова. Флексоид А.Я. Сергеева 125

Стихи В.В. Котова. Сообщение Редакции. Флексоид В.В. Котова 126-127

«О-у!» Статья А.Я. Сергеева. Фото А.Я. Сергеева, его флексоиды 128

Удди II А.Я. Сергеева, его флексоиды 129

Нам рисует А. Гризли. Флексоиды А. Гризли с комментариями А.Я. Сергеева 130

Правило. А.Я. Сергеев 131

Стихкалендарь 132

Анкал[4]. Критика А.Я. Сергеева 133

Заявление и Приказ В.В. Котова. Резолюция А.Я. Сергеева 134

Страница памяти В.В. Котова 135

Страница других качеств души В.В. Котова 136

Беседа В.В. Котова 137
Анкал[5] А.Я. Сергеев 139
О'кей! ф. 140
Дерево Флекса. Открытое письмо А.Я. Сергеева в Пустынкент. 143
«Подвиг». Рассказ А.Я. Сергеева 144
Лютое обращение А.Я. Сергеева. Поэма В.В. Котова. 145
«Ухожу». Мысли В.В. Котова. «Ушёл». Скорбь А.Я. Сергеева 146
«И вот...» Мысли А.Я. Сергеева, его флексоид. 147
Флексоиды А.Я. Сергеева 148
Лампалар А.Я. Сергеева, его флексоид 149
Письма в редакцию. 150
Флексоиды А.Я. Сергеева 151
«Четырнадцатый» С места событий. А.Я. Сергеев, его флексоид 152
Умности А.Я. Сергеева 154
Открытия А.Я. Сергеева. Новости из Ачинска. 155
Статья А.Я. Сергеева. Статкалендарь. 156
Страница Сергеевской мудрости 157
«Дуновенья» Аллигрия А.Я. Сергеев 158
Стихосплетения А.Я. Сергеева 162
Лица гениев 163
Статья А.Я. Сергеева 164
Меня в детстве много били 165

стр 126
119 (вклейка, иллюстр.)
87 Светлому Духу
55
50
44
20

«Восход»
ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ
Арт. 6701р ГОСТ 13309-79
96 листов Цена 95 коп.
СССР